

Эдмунд МАТЕР

Моим дорогим

Матери: Фриде Альбертовне (Frieda KURZ-MATER)

Отцу: Мартыну Ивановичу (Martin MATER)

Сёстрам: Ланиде и Ольге

Братьям: Гарри, Константину (Куно) и Альвину посвящается

Автор

ВЯЗЬ-2

Том 2

Повести – Рассказы

Обновлено: 01.05.2024

Рисунки Курта Гейна и др.

© Все права у автора

Вместо предисловия

Имя Эдмунда Матера, почётного члена национального Союза писателей Кыргызстана, у российско-немецкого читателя сегодня на слуху. Писатель он многожанровый, самобытный, с блестящим творческим почерком. Сюжеты его повестей и рассказов не выдуманные истории с благополучным финалом, это „отрывки“ из жизни его родственников, односельчан и друзей. Героев своих автор не выдумывает, не приукрашивает, не пытается их ставить на пьедестал, делая из них идолов. И не „герои“ они вовсе в общепринятом понятии слова, а просто люди-человеки, жившие и живущие рядом с ним. Он их слушает, ведёт с ними беседы „за жизнь“, а потом бережно переносит на бумагу их горе-печаль, радость-надежду и они оживают, общаясь на страницах его книг простым народным языком, непритязательным, но цветистым, не особенно интеллигентным, но мудрым.

Автор бесконечно требователен к себе и живёт по строгим канонам, которые сам себе установил и произведения свои он пишет сердцем: *„... писать их надо не рукою, рождать их в муках...и во снах...и выстрадать их всей душою.“*

Около десятка книг, вышедших из-под пера Эдмунда Матера на Украине, в Кыргызстане, России и Германии прописались сегодня на книжных полках благодарного читателя и делятся с ним мудростью жизни.

Эдмунд Матер известен широкому кругу читателей не только как писатель, но и как собиратель и хранитель культурного наследия российских немцев. Более тридцати лет он собирал данные об известных личностях нашего народа, и результатом этого многолетнего труда явилась огромная *„8-томная энциклопедия немецких авторов России“*, которой сегодня беспрепятственно пользуются миллионы читателей, учёных, исследователей во всех уголках земного шара. Для того, чтобы вникнуть в её содержание, не нужно ходить в библиотеки или обзванивать знакомых в поисках нужного тома. Эдмунд Матер выставил свой многотомный труд в интернет и открыл этим самым доступ к нему всем желающим. *„Делать для народа“* – один из придуманных писателем Эдмундом Матером канонов, которому в первую очередь следует он сам.

Роза Штайнмарк

Семья (повесть в двух новеллах: Рудольф – Тамара)

*Побьёт судьба, потом жалеет.
 Морозом жжёт и обогреет.
 Вздохнёт она, прося пощады,
 Средь чёрных бурь и непогоды.
 Затем опять бежит ладком,
 Грозя всё время коготком.
 Играючи бежит судьба,
 Резвится и шалит она.
 То в бок толкнёт, как бы щутя.
 То наградит струёй огня.
 Поманит следующим днём
 И отвернётся вслед за тем.
 Вот так, играя и резвясь,
 Не рвёт судьба всё ж с нами связь.
 Но можем ей сказать в ответ:
 «А нас счастливей – в мире нет!»*

Рудольф (первая новелла)

Рудольф проснулся от тупых позывов к рвоте. Оторвал голову от подушки. Приподнялся. Огляделся. В комнате невыносимо воняло водочным перегаром и ещё чем-то противным и тошнотворным. В ногах, свернувшись калачиком, лежала Галина. Её носик, чем-то похожий сейчас на нос-сучок деревянного Буратино, покоился на сложенных вместе ладошках. Под потолком, тусклым, жёлтым шаром светилась электрическая лампочка, которую, очевидно, ни разу не протирали с того момента, как она попала по воле человека в это, так называемое, жильё.

Когда-то это было нормальное жилое здание. Местное начальство своей волей превратило этот некогда порядочный, многоквартирный дом в общежитие, то есть, в своего рода перевалочную базу, для прибывающего на эту новую «стройку века» живого человеческого рабочего контингента. На самом же деле этот дом никто во всей округе в тысячу километров иначе, как «Самолётом» не называл. Шуток, анекдотов и скабрёзных историй про это заведение

рассказывали множество и, в основном, все от имени коменданта «Самолёта». В общем, шутки рассказывали так, будто комендант всё время размышляет вслух, вернее сказать, делится своими сокровенными мыслями с приятелями.

Недоумки-иностранцы обозначили бы это здание красным фонарём и, конечно, официально зарегистрировали бы его в соответствующих органах, но в нашем государстве таких глупостей не совершают. Мы не распушенный Запад и поэтому публичных домов у нас не существует.

Попробуй, зарегистрируй такое учреждение-заведение по закону? Со всего света повалят любители острых ощущений, которые любят экзотику. Придётся регулярно подавать им воду и притом не только холодную, но и горячую, а где её взять, проклятую.

Электрическую энергию тоже подай им, разбалованным, круглосуточно. А как? Не понесёшь же её в вёдрах, а электропровода постоянно рвут и не просто так, а со злым умыслом рвут местные шалопаи, которые любят порезвиться ночью в «Самолёте», но не желают, чтобы их на следующий день узнавали.

Это всё бы ещё ничего, но план ведь тоже сразу навесят, а попробуй его выполнить с этими алкашами, которых кроме спиртного ничего не интересует.

А налоги? Ведь чинуши задавят налогами и оплату натурой не произведёшь. Кому же из больших чиновников-чистоплюев финансовой инспекции, у которых имеются деньги, нужны эти, изношенные от постоянной, круглосуточной работы, добровольные рабыни радостей и удовольствий? Они готовы за стакан водки и кусок хлеба на всё, что угодно. На них даже я, местный хозяин, не могу смотреть без содрогания и без поллитры.

Ленивые, тупые мысли, про все разговоры о доме, где валялся теперь в грязной постели и он, Рудольф, человек, который считал себя интеллигентом до мозга костей, ворочались в его голове, принося с собой дополнительную головную боль.

Покачиваясь из стороны в сторону, он посмотрел на стол, стоящий рядом с кроватью. Куча пустых винных и водочных бутылок. Консервные банки. Куски ломаного хлеба и огрызки луковиц. На лавке возле стола, растянувшись во весь свой рост, по-богатырски храпел друг Николай.

Протянув руку и ухватив одну из не совсем опорожненных водочных бутылок, Рудольф откинулся назад на подушку, боясь, что его вырвёт.

Перед глазами всё плыло и качалось так, словно его хватили поленом по темечку и желудку одновременно. Он полежал немного без движений с закрытыми глазами и, лишь когда дурнота стала отпускать, поднёс бутылку к губам.

Сделал несколько глотков. Зная по опыту, что именно сейчас наступит самый противный момент, Рудольф замер и приготовился к жестокой схватке с собственным желудком, который в каждое похмельное утро объявлял себя независимой частью тела со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Две части тела выходили после глубокой попойки из-под общего контроля Рудольфа, и это были голова и желудок. Правда, с ужасной головной болью можно было ещё жить, но желудок становился совершенно неуправляемым после серьёзной пьянки. Он объявлял себя настолько независимым, что Рудольфу временами казалось, что не удержи он зубами своего внутреннего строптивца, желудок покинет своё убежище навсегда. Он даже пытался мысленно уговаривать своего внутреннего неслуха, убеждая того потерпеть и не проявлять столь буйную деятельность. Иногда это помогало, но в основном нет, и выворачивало тогда его, бедного, до черноты перед глазами и до полного бессилия.

На этот раз, на счастье Рудольфа, желудок благосклонно принял поданное ему подношение. Поурчал ещё недовольно, но после нескольких добавочных порций водки, которые с бульканьем прибавились к первым, успокоился.

Когда парень, после короткой борьбы со своим собственным желудком, немного пришёл в себя, он снова открыл глаза и посмотрел себе под ноги, где лежала его верная подруга.

Галина уже не спала и безмолвно смотрела теперь на своего друга, по-собачьи широко раскрытыми, любящими и преданными глазами. Не по себе стало парню от этого взгляда. Не сказать, что стыдно, но как-то неприятно. Не любил он Галину по-настоящему и всё тут. Не мог предложить ей ничего серьёзного. Не был он внутренне готов к женитьбе. Жил, словно перекасти-поле. Жениться не собирался, потому, что особенных чувств не было. Приходило время, и он встречался с девушкой, влюблённой в него до безумия, а потом, забывал опять о ней, как человек забывает о воде, когда не испытывает жажды. Все знакомые за глаза звали Галину не иначе, как «адъютант Рудольфа». Где бы тот не находился, девушка отыскивала его всегда. Зимой не раз спасала от смерти. Если узнавала, что Рудольф вернулся из рейса, но не ночует у себя, отправлялась на розыски. Тащила его, словно колоду, на себе к нему домой в мужское общежитие. И лишь после того, как убеждалась, что он в тепле, уходила в свою крохотную комнатку, которую ей выделили, как молодому специалисту, приехавшему по направлению в эти неприветливые северные края. Плакала. Клялась сама себе, что это было в последний раз, но обещания выполнить не могла. Как только подруги сообщали, что её дружок опять шатается пьяный по посёлку, неслась, сломя голову, ему на помощь.

Любящим и укоряющим взглядом одновременно, смотрела сейчас Галина на избранника сердца, будто говоря: «Сколько же ещё может продолжаться это сумасшествие? Куда катишься дорогой? Зачем ты сжигаешь себя и свою жизнь? Зачем и меня мучаешь до смерти?»

Множество вопросов прочитал парень в глазах девушки, которая лежала в его ногах, словно преданная комнатная собачка, охраняющая своего хозяина. Ломала при этом свою гордость и достоинство в общем неплохая, но очень несчастная от безответной любви, девушка.

Рудольф с трудом вспомнил вчерашний вечер. Вместе с приятелем зашёл он, по обыкновению, после рейса в магазин. Отоварились по-хозяйски. Все карманы полушубков плотно забились бутылками и консервными банками, и собрались было уже идти в общежитие, где вместе жили в одной комнате. Как на грех, к ним подошли две вновь прибывшие девицы, которых поселили в известном во всей округе «Самолёте». Разговорились.

Николай упросил своего товарища зайти в «Самолёт» для того, чтобы он мог поближе познакомиться с девицами. Мол, тебе хорошо, у тебя Галка есть, а мне одинокому каково.

Рудольф согласился ради любопытства. Несмотря на то, что считался в этих краях уже старожилом, никогда ещё не пришлось ему побывать в этом знаменитом доме. Девицы, пригласившие парней, имели, очевидно, большой опыт в определённом гостеприимстве. День перешёл в ночь, а простой ужин четвером превратился, как обычно, в настоящую попойку и он никак не мог вспомнить, в какой именно момент появилась, в этой, провонявшей спиртным и другими противными запахами, комнате Галина. Почему-то именно в этот раз парню стало особенно стыдно лежать перед Галиной в безобразном и затрапезном виде. И чтобы не видеть её укоризненного взгляда, он снова закрыл глаза и прикинулся спящим. Но не шёл сон в изнемогающий от боли

мозг. Побежали снова непослушные мысли, не подчиняясь разуму и заставляя всё чаще и беспокойнее биться сердце.

Родился Рудольф в сытое, спокойное время в семье, где недостатка не знали. Настоящую нужду никогда и ни в чём не испытывал. Про голод или что-либо похожее, читал только в книгах. Учился неплохо, но с ленцой, в отличие от старшего брата, который зубрил не в шутку, а всерьёз.

Отец, против воли матери, ввёл довольно сложную систему вознаграждений за хорошую успеваемость и победителем в этом, так называемом социалистическом соревновании, всегда был старший брат Иван. Причём не просто победителем всё время был Иван, но, естественно, становился он и владельцем всех призов, которые покупал отец.

Получал Иван за достигнутые успехи в конце каждого учебного года то блестящий лаком новенький велосипед, то мопед или другую ценную вещь, а Рудольфу приходилось довольствоваться уже старыми, изношенными вещами старшего брата.

Учёба доставалась Ивану тяжелее, чем меньшему брату, но он всегда умудрялся к концу четверти или учебного года, по всем предметам без исключения, иметь более высокие оценки. Всего одним классом выше учился старший брат, но, в отличие от младшего, был намного прилежнее и старательнее того. Да и вообще по всем статьям, а особенно в спорте и честолюбии, Рудольф далеко отставал от своего, более настырного, брата.

Несмотря на то, что в школе было множество различных кружков и секций, Рудольф ни в одном из них не участвовал. Единственное, в чём меньший брат был более активным, чем старший, это в посещении школьной библиотеки. Школьная библиотекарка, Руфина Осиповна, за много лет так и не смогла понять системы, по которой мальчик выбирал себе книги для чтения. Не раз пыталась она поначалу как-то управлять выбором книг, но все её усилия были напрасны, и со временем она оставила пустые хлопоты. В том, что Рудольф действительно прочитывает все книги, которые берёт из библиотеки, Руфина Осиповна была абсолютно уверена. Провела она несколько маленьких, незаметных экзаменов ученику, но он каждый раз с честью его выдерживал. Правда, понимал он некоторые вещи из прочитанного материала, как-то иначе, чем остальные ребята, но женщина-библиотекарка, интеллигентный и эрудированный человек, даже радовалась этому – не по шаблону мыслит ученик, значит, несмотря на некоторое отставание в росте, всё же не глуп, как о нём думают многие его одноклассники и даже некоторые учителя. С уверенностью сказала бы библиотекарка только одно, что юный читатель выбирает себе материал для чтения не по тематике, а по настроению. Наблюдая много лет подряд за странным абонентом, всё больше убеждалась она в своих догадках.

У Рудольфа действительно не было никакой системы выбора книг. Он открывал книгу где-нибудь в середине, прочитывал несколько строк и уже точно знал, берёт её или нет. Причём это вовсе не говорило о том, что в следующий раз он не выберёт именно эту самую книгу, которую только что поставил назад на полку.

Единственным человеком, которого Рудольф любил безгранично и преданно, была его мать. Именно она привила ему любовь к чтению. Строга была мать к своему меньшему сыну ничуть не меньше, чем к старшему, но чувствовал мальчик, что мать уделяет ему всё же чуточку больше внимания. Причину, конечно, меньший сын не знал, а всё дело было в том, что более слабым, как

бы отстающим от своих сверстников был он. Даже ростом отставал от своих одноклассников.

На всех школьных фотографиях Рудольф выглядел как бы чужим, приبلудившимся. Его маленькая, подстриженная «под Котовского», голова выглядывала из-за плеч одноклассниц и одноклассников, словно инородное тело. Похлопывали его сверху по голове иные сверстники-озорники и давали очень «умные» советы, как быстрее вырасти. Почти все девочки тоже снисходительно, а иные и презрительно, поглядывали сверху вниз на классного недоросля.

Всё это прекрасно видела и знала мать. Понимала она удручённость сына, но именно в тех делах, которые тяготили его, она ничем помочь ему уже не могла. Не могут матери ускорить физическое взросление своих детей. Высокий рост и ранние тёмные полосы под носом юношей уже не находятся во власти матерей.

Обидно, конечно, было Рудольфу, что не вытягивается он, как многие его сверстницы и сверстники, вверх. Втайне от всех, уцепившись двумя руками за перекладину, пробовал он часами висеть, до немоты в спине, на лестнице, которая вела на чердак дома. Но кроме как к боли в руках и спине, это ни к чему хорошему не приводило. От изнурительных, мучительных упражнений, зарубки на дверном косяке быстрее вверх не двигались и всё тут. Забросил замученный мальчишка вскоре эти пустые занятия.

Конечно, если можно было бы висеть на руках и читать, то, возможно, мальчишка продолжал бы и дальше истязать себя упражнениями на лестнице для вытяжки роста, но висеть на двух руках и читать одновременно невозможно, и Рудольф выбрал себе более приятное и менее утомительное занятие – чтение, в котором он нашёл своего рода душевную отдушину.

Чтение книг помогало ему отойти от всех проблем и отрешиться от дурных мыслей о маленьком росте, не растущих усах, злых, а порою и очень противных, девочках и т.д.

Рудольф любил свою маму не только как мать, но, можно сказать, и как друга. Ей он доверял даже некоторые из своих мальчишеских тайн. Видел он, что мать живёт в доме, словно в тюремном заключении. Уговаривал иногда свою маму сходить с ним в кино, ссылаясь на то, что его обижают взрослые ребята с соседней улицы. Лгал мальчишка маме. Никто его не обижал и не смел обижать, потому что его старшего брата-спортсмена побаивались во всей округе. Просто, желая сделать маме приятное и зная, что она, для его защиты, пойдёт с ним куда угодно, бессовестно врал маленький Рудик своей матери, глядя ей при этом прямо в глаза, и она ему верила.

Прекрасно знал, видел и понимал меньший, более мягкий и чуткий душой сын, что хоть и красивой, и богатой, но всё же клеткой был для матери её собственный дом. Родители отца, то есть дедушка и бабушка Рудольфа и Ивана, давно уже умерли, но домострой, заведённый ещё строгим дедом, так и остался царить в этой семье по-прежнему.

Рабыней своего же собственного хозяйства была хозяйка дома и не могла от него оторваться ни на один день. Отец, в общем, разумный и грамотный человек, спокойно принимал такой расклад дел. Наоборот, нравилось ему такое распределение труда. Он, конечно, ничего не имел против того, чтобы поиграть, время от времени, во дворе мускулами, которые против его воли покрывались всё большим слоем жира, но на большее его не хватало. У него всегда не было времени. Если нужна была рабочая сила для серьёзного ремонта или другой срочной работы, то отцу хватало, как правило, одного телефонного

звонка. На следующий же день целая строительная бригада или отряд разнорабочих стояли у высоких ворот дома-крепости, ожидая указаний и фронта работ.

Уже в последний вечер перед уходом в армию, когда они вдвоём сидели на кухне, Рудольф признался матери в своей, не совсем честной, дипломатической деятельности. В ответ на эту исповедь у матери лишь слёзы выступили на глазах. Порывисто и нежно обняла женщина, которая не очень-то много счастья видела в своей жизни, своего меньшего сына. Горько плакала на следующий день мать при расставании. Прямо давилась слезами, а он, успокаивал. Гладил по лицу и плечам, приговаривая при этом, что не на войну же он едет, а всего лишь отбыть двухгодовую воинскую повинность.

Знало, чувствовало чуткое материнское сердце, что надолго уходит из родного дома её меньший сын. Вытянулся Рудольф за последний год перед армией. Чуть ли не на голову выше родной матери стал. Перерос за короткое время почти всех своих сверстников, отца и даже стал чуточку выше своего старшего брата. И характер стал проявлять не в меру.

Не один, а много раз приводил в последнее время, поначалу вроде бы и мирный, разговор между отцом и меньшим сыном к серьёзным разногласиям.

Не стал повзрослевший сын отмалчиваться как прежде. Высказывал иногда в непочтительной форме своё мнение отцу, что приводило не только к разногласиям, а к серьёзным скандалам. Не хотела этого мать, но даже она не могла уже, как прежде, успокоить младшего члена семьи. Так и жила эта семья в одном доме, но разобщено.

На год раньше Рудольфа ушёл на воинскую службу Иван. Сделал он, перед уходом из дома, последнюю зарубку на дверном косяке. Когда Рудольф также стал в дверной косяк в последний раз, то мать, с большим удивлением, сделала для себя открытие, что последняя отметка роста старшего сына осталась на добрых пять сантиметров ниже последней зарубки Рудольфа.

Любил Рудольф свою мать и, возможно, именно поэтому не вернулся после армии домой. За два года военной службы он стал мужчиной. Может быть, и не совсем образцовым мужчиной, но прекрасно понимал младший сын, что дома без серьёзных скандалов теперь не обойдётся. Не смиритесь он с тем, чтобы мать и дальше жила в доме на правах заключённой и рабы хозяйства. Выскажет и он, Рудольф, как полноправный член семьи, своё веское слово и своё мнение относительно бытующего у них домостроя, и приведёт это тогда лишь к полному разрыву семьи.

...Тошнота понемногу проходила. Сознание делалось яснее, и лишь головная боль постоянно молотила изнутри по черепу. Ощущение у парня было такое, будто кто-то очень умелый непрерывно бьёт его цепом по голове. Морщась от непрекращающейся головной боли, снова открыл глаза. Глянул в ноги. Галины не было. Приподнялся на руках и огляделся. Его подруга хлопотала у электроплитки. Успокоенный, снова откинулся на кровать. Галина подошла и опустилась на краешек грязной смятой постели. Молча протянула Рудольфу кружку с круто заваренным чаем. Он двумя руками подхватил спасительный напиток. Жадно сделал несколько глотков и лишь затем поблагодарил кивком головы свою подругу.

Ну что мне ещё нужно? Чего не хватает и что не устраивает меня? Ведь лучшей жены, чем Галина, мне не найти. Ведь всем хороша. Позови я её, она на край света за мной пойдёт. Может всё же хватит беситься и бегать по свету? Может взять, да жениться, наконец. Наверное, это всё сказки про большую любовь. Где её искать, и существует ли она вообще? Может только в книжках и пишут

про неё, а на самом деле не существует такой на земле? Не мальчик я уже, под тридцать подваливает.

Пока прихлёбывал чай, непослушные мысли опять загудели в голове, словно рой растревоженных шмелей.

Но слишком поздно начал он задумываться о своей женитьбе на Галине. Не просто лечить своего любимого и поухаживать за ним пришла в этот раз девушка, а попрощаться. Взяла Галина уже полный расчёт и даже упаковала вещи. Ждала только своего друга из дальнего рейса, чтобы проститься с ним. Не вышло ничего хорошего из этого прощания, но не она была в этом виновата. Возможно, если бы он знал о том, что Галина уезжает из этих мест навсегда, всё пошло бы иначе. Но слишком уверен был он в том, что Галина никогда не решится его оставить.

Парень даже мысли не мог допустить, что девушка всё же проявит характер и, бросив всё, уедет в неизвестность.

Глядя на враз вспотевшего от горячего чая Рудольфа, Галина тихо заговорила, и непонятно было, говорит это она своему любимому или же уговаривает себя.

– Послушай меня, Рудик. Не могу я больше. Боюсь я, что тоже начну пить и спиваться потихонечку до сумасшествия. Прости за откровенность, но я уеду. Мой тебе совет – очнись. Посмотри, на кого ты стал похож за три года. Ещё три таких же года добьют тебя окончательно. Ты уже не сможешь бросить пить и закончишь жизнь где-нибудь под забором, как большинство алкашей.

Не первый раз заводила Галина этот разговор и каждый раз он заканчивался одинаково. Не виделись молодые люди несколько недель после горьких запоев. Потом мирились, и всё шло, как прежде. Рудольф был уверен, что и на этот раз будет так, как всегда, и глубоко ошибался.

В тот же день, вечерним самолётом, когда её любимый отсыпался в своём общежитии, Галина навсегда покинула край, который не очень милосердно отнёсся к ней.

С больной душой и разбитым неразделённой любовью сердцем уехала Галина искать своё счастье, и больше они с Рудольфом не виделись.

Сведёт молодых людей судьба ещё один раз. Узнает Галина голос своего возлюбленного, несмотря на многоголосый шум пассажиров и грохот товарного состава, который почему-то прогоняли по первому пути. Поплачет девушка, глядя издали на свою большую любовь, но подходить к нему не станет. Лишь мысленно пожелает Галина своему Рудику счастья и просидит в сторонке на скамеечке до тех пор, пока они, ослеплённые своей любовью, не уйдут с перрона.

Помогла Галина Рудольфу, который едва держался на ногах, дойти до его комнатухи. Уложила на постель. Поцеловала на прощанье. Не плакала и не ругалась она на этот раз. Пришла всё же Галина к выводу, что, как говорят в народе, насильно мил не будешь. Поняла, что нет у неё счастливого будущего с этим парнем, который не любит её и чем больше она за ним бежит, тем хуже выходит и для него, и для неё.

Рудольф ещё удивился тому, что не шумит она, как обычно в такие дни, а просто молча, будто жалея его, смотрит ему в глаза.

Не любил парень девушку по-настоящему, иначе понял бы всё же, что прощается с ним его верная подруга навсегда. Понял бы, что решилась Галина на этот шаг, несмотря на то, что любит его безгранично.

Лишь через несколько дней, случайно, узнал Рудольф, что Галина уехала. Поначалу подумал, что отправилась она куда-нибудь на время в отпуск. Всерьёз же забеспокоился через месяц. Сходил в управление, и здесь одна из

знакомых рассказала ему, что Галина взяла расчёт и забрала все документы. Ни с кем особенно не дружила, в этом забытом богом уголке, Галина. Никто не смог ответить на вопрос, куда уехала девушка. Вот и появилась опять веская причина для пьянок. Теперь пил он, так сказать, с горя, хотя настоящего горя у него ещё и не было никогда.

Странно устроена человеческая душа. Что имеет человек, то не ценит, а когда теряет, то сожалеет о потерянном. То же самое происходило теперь с Рудольфом. Он настолько свыкся с мыслью, что Галина принадлежит ему, как вещь, что лишь, когда её не стало, понял, как много она для него значила. Может быть, иначе сложилась жизнь у Рудольфа, если бы он по-другому относился к Галине. Возможно, остепенился бы со временем и стал бы всё же хорошим мужем и отцом детей, но не суждено было этому случиться. Другая дорога уже была начерчена на карте жизни парня.

Пьянки продолжались, не прекращались и ночные веселья, постепенно превращая Рудольфа, в сущности, человека доброго и имеющего чувствительную душу, в обыкновенного алкоголика, которому кроме стопки ничего уже не нужно. Но судьба, наигравшись вдоволь, преподнесла молодому мужчине поучительный урок.

Как-то раз зимой отправился он со своим постоянным напарником Николаем в дальний рейс за много сотен километров. Выехали рано утром, если не сказать, что ночью. Где-то в глубинке замерзали люди, и нужно было срочно доставить туда уголь для отопления. Первым ехал Рудольф, а следом с прицепом тянулся Николай. Уже не один год ходили они на пару в дальние рейсы, и всё у них было отработано до автоматизма. Менялись лишь местами. Передний всегда шёл без автомобильного прицепа и пробивал колею, а второй тянул по проложенной колее двойной груз. Оба были, конечно, с глубокого похмелья. Через несколько часов остановились возле очередного пункта обогрева. Позавтракали. Напились горячего чая. Обоим стало чуток легче. Николай предложил поменяться местами, ссылаясь на то, что лучше знает здешние места, но Рудольф не согласился.

Пьянки здоровья не добавляют. Стал он за рулём подрёмывать, несмотря на всю сложность трассы. Всё случилось настолько неожиданно, что позднее никак не мог вспомнить, откуда прямо перед носом его грузовика вдруг появился лыжник. Мальчишка, торопясь съехать с проезжей части дороги, споткнулся и упал, запутавшись в лыжах.

Рудольф изо всей силы рванул рулевое колесо вправо, к обрыву.

Лениво, замедленно, словно неповоротливый и непокорный бык, который неохотно уходит из привычной колеи, стал отворачивать многотонный тяжёлый грузовик свой длинный нос от барахтающегося на дороге мальчишки. Из-за длинного капота грузовика не стало видно горе-лыжника, но, прекрасно зная траекторию движения передних колёс, чувствовал Рудольф наверняка, что несколько спасительных метров сумел он всё же отвоевать и спасти этим самым мальчишку. О своей жизни не думал он в этот миг. Его руки и ноги выполнили все команды автоматически.

Скорость и инерция – дело серьёзное и они не поддаются никаким человеческим законам, кроме законов физики. Не успел Рудольф сбросить скорость своего автомобиля. Слишком мало для этого было отмеряно ему времени и расстояния. Выбросило грузовик с проезжей части.

Ухнули передние колёса, не имея под собой твёрдого грунта, вниз. Резко клюнул огромный грузовик носом. Ударил всеми колёсами и рамой по

громадному снежному сугробу, разлёгшемуся по крутому, почти обрывистому, склону. Чёрное облако каменного угля веером накрыло весь снег вкруговую.

Опыт спас жизнь. Рвал мужчина каждый раз рулевое колесо в сторону заноса и тормозил при этом изо всех сил, радуясь тому, что отпустил тормоза на передних колёсах. Не заклинивали они теперь, как колёса на задних двух мостах и именно поэтому его верный друг остался, даже на крутом спуске, управляемым. Не опрокинулся он набок и остался на колёсах.

Глубокую, похожую на ров, колею пробил грузовик на несколько сотен метров вниз по крутому склону. Остановился, наконец, на более ровном месте, зарывшись носом в снег по самую кабину.

Долго сидел Рудольф неподвижно, медленно приходя в себя от шока. Именно в эти минуты поклялся он в рот спиртное больше не брать. Окончательно пришёл в себя от грохота. Это Николай бил, что было сил, по крыше кабины своими пудовыми кулаками и ногами. Промял его напарник затем, так и не дождавшись ответного сигнала, снег перед лобовым стеклом. Ощерился через стекло редкими прокуренными зубами своему приятелю в радостной, счастливой улыбке.

Хлопнул Николай многозначительно указательным пальцем по кадыку, мол, такое счастливое дело срочно обмыть надо, ведь это настоящее чудо свершилось, что ты жив остался. Чуть легче стало Рудольфу от нехитрого, но сердечного юмора своего друга.

Лишь позднее, когда выволакивали его грузовик тройной лебёдочной тягой из лощины, словно бегемота из болота, понял Рудольф, что в рубашке он родился, или кто-то очень сильно молился за него.

Обижался поначалу Николай на товарища за то, что тот забросил свои попойки. И лишь после того, как тот рассказал своему многолетнему напарнику и другу о том, что он ещё на месте аварии поклялся минимум пять лет ничего спиртного в рот не брать. Николай принял это всерьёз. Через несколько дней он объявил Рудольфу, что пять лет для него конечно многовато, но в честь того, что его напарник остался жив и он, Николай Спирин, как бы тяжело ему не было, года на два тоже завяжет со спиртным.

На чёрном пороге постоял Рудольф. Можно сказать, что одна нога уже побывала за тем самым страшным порогом. Даже бывалые водители, с ужасом поглядывали на то место, куда сорвался грузовик. Никто не мог поверить в то, что, слетев в такой обрыв, можно остаться в живых. Эта история осталась в северных краях жить навечно. Всем молодым водителям показывали место происшествия, объясняя счастливый исход настоящим чудом.

После этого происшествия иначе стал Рудольф принимать всё происходящее вокруг него. Чаше стал задумываться и о своей бестолковой, беспутной жизни. По-другому стал оценивать жизненные ценности. Более критически стал относиться к себе, и со временем пришёл к выводу, что неправильно и малодушно поступил он не только по отношению к матери, но и с Галиной вёл себя чисто потребительски, а не по совести. Использовал бедную девушку, словно игрушку. Практически сломал ей судьбу.

Серьёзные укоры совести стали всё чаще мучить Рудольфа. Недоволен был собой и, естественно, тяга к спиртному добавляла плохого настроения, но с честью вынёс он эти страдания. Сдержал своё слово и, несмотря на все уговоры бывших собутыльников, не запил по новой. Пришлось ему, конечно, поговорить с несколькими, особенно настырными, дельцами и организаторами пьянок по-мужски. Николай, на удивление всем, активно поддержал своего друга.

Промучился, таким образом, Рудольф несколько месяцев. Беспокойно было у него на душе и тревожно. Какие-то непонятные чувства мучили и давили непрестанно, ощущение было такое, будто звал его кто-то куда-то, только откуда шёл этот зов он понять не мог.

Вскоре подошёл конец срока вербовки. Николай уговаривал своего приятеля уехать с ним на его родину, в далёкий город Степной, но Рудольф решил иначе. Сдал по акту свой грузовик. Получил полный расчёт и талон на право покупки легкового автомобиля в любой точке страны вне очереди. Попрощался с Николаем, с которым прослужил вместе два года в армии и более трёх лет прожили в одном общежитии на Севере. Немало хлеба и соли съели они вместе и стали, словно родные.

Взял Николай с товарища слово, что если тому когда-нибудь будет туго, то сразу же обратиться он к нему за помощью. Похлопали друг друга по плечам. Крепко обнялись на прощанье, отвернув лица в стороны, чтобы не показать наворачнувшихся слёз, и разъехались по новым жизненным маршрутам. Рудольф уехал к своим родителям на юг, а Николай к своей матери, которая жила с меньшей дочерью в собственном домике, в пригороде города Степного.

Оба начинали новую жизнь, и никто из них не знал, что судьба сведёт их очень скоро снова, и не один приедет Рудольф к Николаю, а с незаконной, точнее сказать, с украденной, чужой женой.

Николай, торопясь домой на свадьбу сестры, улетел самолётом. Рудольфу торопиться было некуда, и он решил сделать себе небольшой отпуск и выбрал более спокойный и медленный вид транспорта. Вначале плыл теплоходом.

Любовался красотами сибирских мест, которые воочию выглядят совершенно иначе, чем в кино. Разливающаяся местами, словно море, река была для Рудольфа настоящим откровением. Сколько раз проезжал он по льду застывшей на зиму реки, но её настоящую мощь и силу понял лишь теперь. С большим уважением глядел он с высокой палубы теплохода на широкие разливы реки на ровном месте и буйное стремительное течение в створах.

Не маленьким судёнышком был пассажирский лайнер, на борту которого находился одинокий бездомный мужчина. Красиво резал лайнер высоким носом встречные волны, но всё же чувствовалось, с каким напряжением работает сильное сердце теплохода, с трудом преодолевающего встречное течение.

Разговорился он с одним из дежурных офицеров. Тот, после получасовой беседы, предложил работу, мол, пока сезон хорошие деньги можно заработать, и если с умом действовать, то и повеселиться на славу. Многозначительно махнул офицер рукой в сторону пассажирской палубы, набитой празднующейся публикой.

Поблагодарил Рудольф незнакомца, но, сославшись на то, что ему нужно домой, не принял заманчивого предложения. Прошло время искания приключений. Его действительно с неудержимой силой потянуло в родные края. Даже родной дом приснился, чего с ним уже несколько лет не случалось.

Не менее интересным было и дальнейшее путешествие на поезде. Вдвойне радовался он теперь своему решению прекратить пить. Ничего бы он не увидел из всех этих земных красот, если бы пил по-прежнему. Обязательно нашлись бы несколько попутчиков-собутельников, и вся поездка прошла бы в пьяном угаре в каюте и купе. Да, совершенно другими глазами стал смотреть мужчина на мир и очень радовался тому, что сумел побороть своего внутреннего змия-искусителя.

Рудольф специально спланировал свой маршрут так, чтобы проездом посмотреть родные места Николая и город Степной. Понравилась ему эта местность. С южной стороны к городу вплотную прилегала, блестящая серебристыми, ковыльными волнами, широкая степь. Очевидно, именно поэтому и получил город своё удивительное название. С северной стороны, прямо от окраины, словно каменные крутые лбы, росли из земли холмы, покрытые зеленью до самой макушки. Немного поодаль, ослепительно блестя своими зеркалами, в которых отражались проплывающие мимо белёдые облака, по низинкам, разлеглось несколько голубых озёр. Не думал, не гадал Рудольф, любуясь фантастически красивым видом из окна вагона, что пройдёт совсем немного времени, и он снова окажется здесь.

Не ждали дома скитальца. Не давал он телеграммы. Долго пришлось ему стучать в запертые изнутри ворота. Испуганно выглянула мать в узкую щель приоткрытой калитки.

Лишь ахнула она, увидев своего потерянного сына. Подхватил он мать под руки. Долго стояли, обнявшись, прямо возле ворот. Не верила Вера Эриховна ни себе, ни своим собственным глазам и не могла придти в себя от счастья.

Больше пяти лет проскитался Рудольф по миру и изменился до неузнаваемости не только внутренне, но и внешне. Ранние морщинки появились под глазами и на высоком лбу и лишь непокорный, чёрный чуб остался прежним. Очень изменился сын за прошедшие годы скитаний. Ещё больше стал похож он на свою мать, но не характером, а лишь внешностью.

Из спокойного, мечтательного мальчишки вырос настоящий мужчина, повидавший жизнь со всех сторон. Мать поняла это с первого же разговора и испугалась. Три настырных, мужских, упрямых характера не смогут ужиться в одном доме. Так и случилось.

Удивились, приехавшие домой пообедать, отец и брат пропавшему меньшаку не меньше матери. Ещё больше были удивлены, когда он наотрез отказался выпить за свой приезд. Чудит, подумали оба, но, конечно, промолчали. Выложил Рудольф на стол, в виде подарка своим домашним, разрешение на покупку легкового автомобиля. Нужно было видеть в этот момент глаза Ивана. Раскрылась его жадная сущность до самого дна, но сумел он спрятать свои потайные мысли и глаза от других. Никто кроме матери не знал, что прямо-таки болезненно собирает Иван деньги на собственный легковой автомобиль, и подарок меньшего брата попал в самую точку.

С молчаливого согласия Рудольфа и мужа, взяла мать бумагу со стола и протянула старшему сыну. Надеялась таким образом, как бы по-новому сроднить двух родных братьев, но ошиблась в своих расчётах женщина.

Судьба ударила по семье совершенно неожиданно и именно с той стороны, откуда никто не ожидал.

Замер Рудольф при виде жены брата. Слово огнём обожгло его изнутри. Невидимое пламя мгновенно охватило его с ног до головы. Ни одного внятного слова не смог он произнести в её присутствии. Боясь выдать своё состояние, не поднимал глаз ни на молодую женщину, ни на мать. Несколько недель длился для мужчины этот ад.

Он точно знал, что в родном доме ему больше нет места. Но куда податься? Как объяснить матери, что не может он жить под одной крышей с женщиной, в которую влюбился до умопомрачения, и не чужая она в этом доме, а жена родного брата. Как объяснить матери, что не может он поручиться за свои дальнейшие действия и шаги?

Всё закончилось быстро и неожиданно. Всего лишь одно мгновение, и не умышленно, а случайно, подержал Рудольф жену брата в своих руках, и это решило всё.

Не сказав никому ни слова, лишь попрощавшись с матерью и попросив у неё прощения и благословения, покинул он, теперь уже навсегда, свою родную семью.

Не знал куда податься. Вспомнил о Николае. Сел на первый же попавший поезд и увёз его громыхающий старенький вагон, повидавший на своём веку тысячи таких горемык как он, в степные края. Поезд прибыл на железнодорожную станцию города Степного ночью. До дома Николая от вокзала было не менее тридцати километров. Не захотел Рудольф будить своего друга. Но не только это удержало его на вокзале. Какой-то внутренний голос не давал ему покоя. Выходил он каждые полчаса на перрон. Провожал глазами почти все проходящие и уходящие поезда и не только пассажирские, но и товарняки. Несколько раз поднимался на высоченный виадук. Смотрел свысока на рельсы и сам не знал, что ищет. Своим беспокойным поведением возбудил подозрение у патрульного милиционера. Тот подошёл. Проверил документы. Спросил любопытный милиционер, почему гражданин мечется по станции, словно заполошный. Не смог Рудольф дать вразумительного ответа, потому что сам не знал, что так рвёт и жжёт его душу. И чтобы отвязаться от настырного блюстителя порядка, сказал тому, что ждёт своего друга, который почему-то задержался в дороге.

Утром тоже не поехал к Николаю. Больше суток провёл на ногах. Сдал вещи в камеру хранения и, словно дежурный по станции, регулярно провожал и встречал поезда и автобусы. Отлучался с перрона лишь для того, чтобы перекусить в вокзальном буфете.

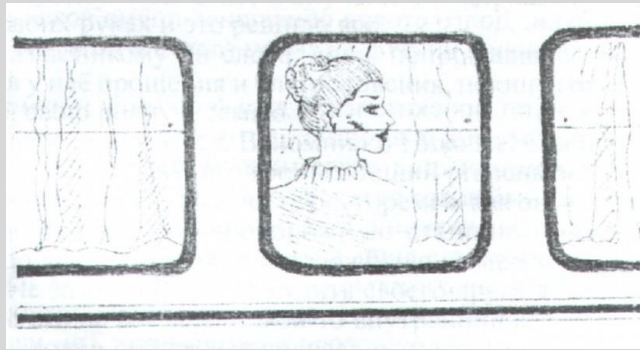
Дождался Рудольф всё же своего. Глядя с виадука, на быстро подъезжающий по первому пути товарный поезд, обратил внимание на странное поведение одной женщины. Дрогнуло сердце. Забилося оно в бешеном темпе.

– Тамара?! Конечно она!

Как сумасшедший, прыгая через несколько ступенек, сбежал Рудольф вниз к перрону. Мчался он по перрону, и лишь одна мысль билась в голове: «Только бы успеть! Только бы успеть! Только бы успеть!»

Всем своим существом понял Рудольф, на что решилась Тамара.

Страшный крик рвался из груди бегущего мужчины, и все пассажиры шарахались от него в стороны, принимая его за ненормального.

Тамара (новелла вторая)

Женщина сидела, сжавшись в комочек на жёсткой угловой лавке общего вагона. Вокруг толклись, шумели, галдели и спорили люди, а она ничего не замечала и ни на что не реагировала.

Не тоненькую трещинку провела судьба по жизни Тамары, а выстроила злодейка перед молодой женщиной бездонную пропасть и не знала она, бедная, как перебраться через это препятствие. Чёрные, нехорошие мысли шевелились в мозгу, словно противные лохматые пауки, навевая ещё большую тоску и отчаяние: «Куда теперь? Как и где дальше жить? Не закончить ли все мучения одним махом?»

Громяхая на частых стыках рельсов, поезд нёсся, словно огромный рассерженный многоглазый дракон, через ночь и пространство. Мимо проносились тёмные перелески и безлюдные железнодорожные переезды. На некоторых из них стояли с потушенными фарами одинокие грузовики или легковые автомобили, упёршись, словно усталые мулы, длинными тупыми мордами в полосатый шлагбаум.

Поезд был не скорый и, как говорят в народе, кланялся каждому столбу, то есть останавливался на всех станциях и полустанках без исключения. Женщина смотрела в мутное и грязное стекло окна, но ничего не видела перед собой. Чёрная стена неизвестности стояла впереди, и не видно было в ней никакого просвета. Одиноко было ей и горько, но она не раскаивалась в совершённом поступке. Даже наоборот. Какое-то облегчение, но одновременно с этим и глубокую апатию чувствовала она теперь, после того, как решилась, наконец, разрубить все домашние и душевные узлы и узелочки одним решительным ударом...

Село, где родилась Тамара, находилось у подножий высоких гор с вечными снежными шапками на вершинах. Место было удивительное. Каменные горы начинались не сразу. Вначале, словно огромные плюшевые или бархатные подушки, лежали покрытые кустарниками и деревьями невысокие холмы, которые в этих местах все звали не иначе, как прилавки. И уже чуть выше, где отметка над уровнем моря достигала полуторакилометровой высоты, появлялись каменные скалы. Именно возле прилавков, на правом берегу сердитой и временами буйной реки, широко и длинно разлеглось, всё в садах и цветах, родное село. Летом близкие горы спасали село от жары, а зимой они прикрывали от буйствующих по низам в степи буранов и метелей. Редким исключением был ветер в селе. Не хватало ему видно сил забираться на такую

высоту и, побесившись в лежавших пониже посёлках, убежал он дальше, в открытые степи, где ему было вольно и просторно.

В летнее время по всему селу неумолкаемо журчали различные канальчики, ручейки и арыки. Все они брали начало из одной и той же реки. Река в основном вела себя смиренно, но иногда, во время летнего таяния ледников, могла показать и свой настоящий характер. Громко разговаривала тогда, днём и ночью, река, убедительно постукивая камнями, которые играючи перетаскивала с места на место и притом иногда на довольно большое расстояние.

А в дни настоящего селя шутки у реки бывали очень оригинальны. Унесла она как-то, как бы развлекаясь, половину улицы из села и выстроила ещё при этом себе новое русло.

Местность была примечательна и своими знаменитыми во всей округе фруктами и не столько окультуренными, как дикорастущими. Урюк, яблоки, малина и другие фрукты и ягоды из этих мест даже на городском рынке ценились выше, чем из сёл и деревень, которые разлеглись на склонах пониже.

Судьба до поры до времени баловала Тамару. Она родилась и выросла в дружной многодетной семье шестой и последней.

Закончилась, очевидно, у отца с матерью после рождения младшей дочери жизненная энергия, которая необходима для продолжения рода человеческого. Как отрезало после неё. Поскрёбышом оказалась малышка и самой большой любимицей отца.

Отец был инвалидом с детства. Заскочил он, будучи ещё мальчишкой-сорванцом, на ходу сзади на прицепную скобу проезжающего по деревне гусеничного трактора. Ухватился руками за крышку топливного бака, но на беду скользнула одна нога в сторону и угодила под траки гусеницы. Успел тракторист остановить железное чудовище, ухватившее ногу мальчишки намертво, ещё до того, как перемололо бедного, словно в мясорубке. Но успели всё же железные траки раздробить кости ноги мальчика чуть ли не до самого колена.

Сначала на костыльках, а затем на протезе проходил отец всю жизнь. Но, на удивление селу, научился он со временем даже бегать на лыжах и ездить на велосипеде. Позднее пересел Георгий Новоалексян на мотоцикл и уже до самой смерти не смог больше обходиться без этого мула с мотором. Даже зимой умудрялся одноногий мужчина со всеми своими делами управляться при помощи своего неизменного помощника.

Не очень хорошим образцом и примером служил отец детям, но они, несмотря на слабости отца, почему-то именно его любили и уважали больше чем мать. Немногословен он был. Поговорить любил только тогда, когда напивался до бессознательного состояния. Да кто же любит слушать пьяное бормотание, и изливал мужчина душу своему беспрекословному слушателю, спасителю и помощнику - мотоциклу.

Не один раз искали дети отца по селу и волокли потом его вместе с мотоциклом домой, потому что кроме, как самому хозяину, мотор железного мула не подчинялся никому. В трезвом же состоянии отец мог спокойно и мирно разговаривать только со своими пчёлами и меньшей любимицей - дочкой Тамарой, которую он звал не иначе, как Тома.

Мать тоже была не против пропустить рюмочку, но только в праздники или во время гуляний. Хорошо и умело могла она петь старинные слезливые песни и развесёлые частушки. Ни одна серьёзная гулянка не обходилась без этого, а отец, даже в полусознательном состоянии, мастерски подыгрывал нестройному

хору, наяривая на своем потрёпанном баяне до полного упаду. Хозяева застолий, зная его слабость, старались наливать баянисту не каждый раз, или же, в крайнем случае, наливать не полный стакан, но попробуй в густой толпе проследить за человеком, у которого за плечами многолетний опыт. На иных свадьбах даже приставляли к единственному поселковому музыканту человека, который обязан был следить за тем, чтобы баянист был навеселе, но не в стельку пьян уже с первых минут торжественного мероприятия. Иногда это удавалось. Иногда нет. Всё зависело от того, насколько надёжна была охрана, ведь стоило только охраннику отвести на мгновение взгляд, как тут же находилась сердобольная душа, и в руке баяниста на одно мгновение оказывался полный стакан первача или водки. Музыка гремела и дальше, но уже несколько иначе. Тяжело висла потом голова одноногого музыканта через потёртый ремень баяна и время от времени такт сбивался с ритма. Если это происходило до того, как гости успевали принять половину спиртной нормы, то были, конечно, среди них и недовольные. Если же баянист «уставал» после того, как большинство гостей было уже навеселе, то всё проходило нормально, и нареканий в адрес музыканта не было никаких.

Дома отец бывал только время от времени. Почти постоянно находился на своей пасеке. Шутили особо острые на язык односельчане над этой странной, на их взгляд, семьёй: «И откуда только дети у них берутся? Хозяина вечно нет дома. Хозяйка тоже почти всё время на работе, а детишки, словно грибы, чуть ли не по расписанию, появляются каждый год».

Отец стал брать свою любимицу Тому летом с собой на пасеку ещё совсем маленькой. Не боялась она, в отличие от других детей, ни пчёл, ни холодных ночей. Пригревшись под огромной овчинной шубой, которой отец заботливо укрывал свою дочь, спала малышка без задних ног иногда до самого обеда. Отец же, встававший по привычке очень рано, старался в это время не особенно шуметь вблизи спящей дочурки.

И только когда Тамара, потирая заспанные глазёнки, выбиралась из шалаша он, весело улыбаясь, принимался греметь нехитрыми кухонными принадлежностями. Завтракали они, как правило, вместе и эти завтраки запомнились ей потом, как самые радостные и счастливые мгновения жизни. Дома мать или старшая сестра такой поблажки малышке не давали. Для завтрака выделялось определённое время, и кто не успевал, был сам виноват. Валяться по утрам долго в постели тоже не позволялось никому. Работы по дому и хозяйству хватало всем. На бедную отцовскую инвалидную пенсию многодетная семья естественно прожить не могла, а дохода от пчёл тоже не хватало.

Мать работала сторожем на плодово-овощной базе. Время она, конечно, на своих ночных дежурствах, даром не теряла. Вязала мать из пуха и шерсти домашних коз и овец всё подряд, начиная от носков и варежек, до платьев девочкам включительно. Тем и жила многодетная семья. Каждый был при деле. Один следил за цыплятами; другой стерёг гусят; третий пас овец и коз; другие работали в огороде и ходили за речку за ягодой, урюком и другими фруктами. В общем, все знали, что им не на кого положиться и по мере своих сил старались внести свою лепту. К осени засушивали целые мешки различных сухофруктов и это тоже было большим подспорьем домашнему хозяйству.

Старшая сестра Тамары, Валентина, до того, как вышла замуж и уехала в далёкую Среднюю Азию, хозяйничала по дому даже больше чем мать. Она готовила обеды, стирала и шила. Следила за малышами и была к меньшим строга и требовательна. Именно Валентина приучила меньших братьев и сестёр

к дисциплине, но делала она это настолько чутко и с душой, что обиды на неё никто никогда не имел. Наоборот, все относились к ней, как к самому уважаемому и любимому человеку. Можно было только удивляться, откуда у необразованной девушки такой талант и такое терпение. Но природа сама распределяет свои дары и одаривает иного человека настолько щедро, что окружающим остаётся только удивляться.

Чудесным даром настоящего воспитателя и утешителя была богато награждена Валентина, и это свойство не покидало её никогда. Если кому-то было плохо, то меньшие дети шли не к матери, а к старшей сестре и утешение у неё находили все и всегда. Тамара тоже не была исключением и не один раз прибегала она, захлёбываясь слезами, с ободранной коленкой или локтем к старшей сестре, и та смывала всю обиду и боль несколькими добрыми словами и поцелуями, не забыв при этом, конечно, быстренько обработать царапины или раны. Не надо было Валентине бегать по аптекам мазями. Лучшее лечебное средство против воспаления, то есть обыкновенный подорожник, рос в собственном огороде, и гордо вышагивала потом по улице малышка Тома, хвастаясь перед подружками своей перевязанной коленкой. От ласковых слов старшей сестры и боль куда-то исчезала сама по себе, и обида на драчуна, так сильно толкнувшего девочку, что она на коленке проехала по земле, проходила без следа.

Тамаре настолько нравилось бывать у отца на пасеке, что она почти все каникулы проводила у него, несмотря на неудовольствие матери и подружек. Даже зимой, если выдавалась возможность, она с удовольствием ночевала в омшанике у отца. Небольшая отапливаемая комната, пристроенная отцом к длинному зданию омшаника, которое уходило далеко под землю, была вторым домом для девчушки. Маленькое подслеповатое окно выходило прямо на восток, и по утрам первые лучи солнца весело заглядывали в полусумрак темноватого помещения. Пробегая по бокам больших бутылей, выстроенных шеренгами по полкам, лучи дробились на множество разноцветных лучиков и Томе казалось, что эти солнечные малыши специально приходят поиграть с ней и повеселить её. Она ловила их руками, подставляла им, высунувшись из-под одеяла, лицо и они ласкали и грели ей глаза и кожу. Может, именно в эти минуты приняли глаза девчушки чужую в этих краях синеватую подсветку, которая не одному парню потом снилась ночами. Любила девочка эти минуты. В печурке весело трещали дрова. Вокруг царствовали тишина и белизна. Удивительным покоем веяло отовсюду. Ни шума моторов. Ни постоянного брёха вездесущих собак. Белое безмолвие вокруг и первозданная нетронутая красота природы. Хорошо мечталось Тамаре в эти мгновения и отец, понимая состояние дочери, старался не тревожить её.

Летом было ещё лучше. Так же тихо, спокойно. Кругом разноцветье буйно цветущих лугов. А непрерывный гул трудяг-пчёл не мешал девчонке. Она настолько привыкла к постоянному гулу, что даже не замечала его, как человек не замечает тиканье громких настенных часов, которые годами исправно выполняют свою работу. Если бы на пасеке вдруг не стало слышно пчёл, то вероятнее всего маленькая помощница пасечника сразу же обратила бы на это внимание.

И лишь в дни сбора урожая, то есть в дни медогона, на пасеке делалось шумнее. Приезжала тогда мать со старшими сыновьями и работы хватало всем. Электричества на пасеке не было никогда и медогонку приходилось крутить руками, а работа это нелёгкая. В эти же дни, попутно, всей семьёй, косили сено

для домашних овец и коз. В общем, шумно и суетливо было в такие дни на пасеке, но в этом тоже была своя прелесть.

Будучи ещё угластой девочкой-подростком, научилась Тамара выполнять практически все работы на пасеке и очень этим гордилась. Даже старшие братья не умели того, что с ловкостью и удивительной быстротой делала их меньшая сестричка. А к ульям кроме отца и Тамары вообще никто не подходил.

Мать со старшими детьми только издали наблюдали, как ловко, сноровко и красиво вынимает и меняет рамки в ульях их меньшенькая, почти совсем не применяя при этом переносной дымокур.

Конечно, не совсем легальной по тем временам была дальняя пасека, которую спрятали от любопытных глаз подальше от села. Добыл отцу какой-то большой начальник и ещё больший любитель мёда и медовухи необходимую справку. Удостоверяла она, что пасека принадлежит артели инвалидов и Георгию Новоалексяну позволено ставить свои ульи по всей округе. И для устрашения местных чинуш стояли на этом странном документе огромная лиловая печать и ещё большая подпись. Все местные чиновники почтительно протягивали пасечнику назад эту убедительную важную бумагу, не забыв, конечно, при этом очень тонко намекнуть, что они не против утолить жажду черпачком свежей бражки или медовухи.

Умные и расторопные руководители сельских хозяйств сами проявляли инициативу. Приезжали они заранее на пасеку. Обговаривали с отцом время.

Помогали транспортом и рабочей силой доставлять ульи к своим садам и полям. Выгода от этого была обоюдная. Пчёлы собирали различный мёд, а сельский урожай значительно повышался. Таких гостей пасечник встречал по-доброму, и они на него в обиде не оставались.

Глупые же и недалёковидные чиновники приезжали на пасеку лишь для того, чтобы на дармовщину полакомиться каким-нибудь оригинальным пасечным деликатесом.

Разные бутылки, бочата и даже бочки стояли у отца по углам и полкам. Иная удачная бражка, настоящая на отходах медового пчелиного производства, отдавала в нос почище первоклассного шампанского. В зависимости от того, как разговаривал приезжий гость с пасечником, получал он из его рук и угощение. Иной слишком строптивый и заносчивый гость и километра не успевал отъехать от пасеки, как галопом нёсся в ближайшие кусты или же, если уж сильно припекало, приседал прямо у дороги. Очень длинным казался таким неприятным гостям обратный путь. Проклиная всё на свете, зарекались такие люди больше никогда не пить сладкое медовое питьё, считая, что мёд им противопоказан, а что первопричиной расстройства желудка было их же неправильное поведение, они конечно не догадывались.

Хитрый пасечник своего секрета никому не открывал и даже своим лучшим друзьям он за всю жизнь ни разу не проговорился. Лишь младшая дочь знала о не совсем приличных проделках отца и частенько журила его за это. На что тот, усмехаясь в свою бороду, отвечал дочери, мол, с хорошими людьми он ведь так не шутит, а плохих кому-то же, в конце то концов, надо воспитывать.

Совсем другим человеком был отец на пасеке. Не ущербным чувствовал он себя здесь, а полновластным хозяином. Знал, что пасека не просуществует без него и месяц, но не находил себе преемника. Ни один из сыновей не проявил большого интереса к пчёлам. Не хотела молодёжь жить далеко от цивилизации и в одиночестве. Он прекрасно понимал, что и не женская это работа, что нельзя молодой девушке отрываться надолго от всех. Не хотел отец ломать

судьбу своей любимице. Какой же серьёзный парень или мужчина согласится постоянно жить вдали от населённых пунктов, где есть магазины, кино и даже телевидение.

Меньшая дочь лишь посмеивалась над раздумьями отца и по-прежнему проводила всё своё свободное время на пасеке с отцом и пчёлами. Не было это для неё наказанием, а наоборот. Любила она копаться в ульях. Большой королевой была она здесь, и умело командовала огромными крылатыми армиями тружениц-пчёл. Вполне довольна была девочка-подросток своей жизнью и ничего другого себе не желала.

Зря беспокоился отец. Судьба разложила в один миг всё по-своему. Пришлось младшей дочери расстаться с родными так страшно и неожиданно, как не каждому человеку и в кошмарном сне может присниться. Не стало семьи Новоалексянов в одно мгновение.

Выпускной класс, в котором училась Тамара, выехал как-то по двухдневной путёвке в полном составе, вместе с классной руководительницей, в город, который находился в нескольких сотнях километров от родного села. О страшной стихийной катастрофе узнали утром следующего дня по радио. Выезд класса в родное село задержали. Тамара не находила себе места. Дозвонилась до старшего брата, который уже несколько лет, после того, как женился, жил в этом же городе.

Вместе с братом на его автомобиле выехали в тот же день в родное село, которое к этому времени существовало уже только на картах. Практически ни одно из каменных или кирпичных зданий не устояло против бешенных подземных толчков. Только несколько каркасных строений одиноко возвышались над всеобщими развалинами после страшного разгула ночного землетрясения.

Лучше бы девушка не ездила в родное село после случившегося. Не было у неё больше ни дома, ни родителей. Под руинами родного дома были погребены сразу пять человек из семьи Новоалексянов. В живых, из некогда большой дружной семьи, осталось лишь трое.

По воле случая и судьбы именно в эту ночь находился в селе и отец, приехавший домой попарить свои старенькие кости в домашней бане. Субботний день был накануне страшного ночного землетрясения, и все, у кого были дома свои бани, естественно, устраивали банно-прачечные дела именно в этот день. Те, у кого дома не было такой роскоши, то есть собственной баньки, шли в общественную баню или соседям, попариться и смыть недельную ненужную ношу.

Покойников принято омыwać. В этом селе, словно по специальному заказу, все люди помылись перед смертью сами. Некому и негде было уже на следующий день омыwać неисчислимые жертвы стихийного бедствия.

Увёз после похорон старший брат Роберт свою меньшую сестру к себе в город. Закончила она в городе десятилетку, но не прижилась девушка-сирота в этой семье.

Не сошлись характерами жена брата, городская женщина до мозга костей, с девушкой, выросшей в селе и на воле. Забрала Тамару самая старшая в семье сестра Валентина, приехавшая проведать брата и сестру из дальней Средней Азии.

Выделили девушке в новой семье отдельную комнату, потеснив при этом своих собственных детей. Неплохо жилось ей в семье Валентины и Нодара. Два вечно чумазных и непоседливых малыша приняли свою тётю за старшую сестру

и доверяли ей свои большие секреты и настоящие мужские тайны. Со временем притупилась и боль утрат.

Валентина помогла сестре устроиться на работу на местную текстильную фабрику. Маленький городишко, скорее похожий на большую деревню, чем на город, стал девушке-сироте второй родиной. Немного погодя, поступила она на заочное отделение местного техникума. В общем, загрузила себя полностью делами, для того, чтобы меньше времени оставалось для грустных мыслей.

Валентина с Нодаром достроили свой частный дом на окраине города, в строительстве которого активное участие принимала и меньшая сестра хозяйки. Девушке, конечно, не позволили уйти из семьи во время переезда. Выделили ей отдельную комнату и, по настоятельному требованию подросших мальчуганов, им досталась комната рядом с Тамарой.

По соседству с вновь построенным домом стоял огромный особняк, больше похожий на крепость, чем на жилой дом. Огромные ворота. Высокий, в два человеческих роста забор вкруговую. Только людей почти не было видно. Утром открывались ворота. Выезжала из ворот автомашина, за рулём которой сидел лысый мрачноватый мужчина. Ворота беззвучно закрывались изнутри, и опять кругом всё замирало до вечера. Только во дворе время от времени слышны были какие-то пiski и визг. Правда, из-за забора, на каждого прохожего лаяла гремящая цепью собака. Краем глаза, мельком, видела несколько раз Тамара, что ворота изнутри поспешно притворяла какая-то женщина с иссиня-чёрными волосами, но это было единственным, что ей удалось заметить. Даже лица женщины ни разу не удалось разглядеть. Очень нелюдимы были ближние соседи Валентины и Нодара, в отличие от других. При нужде, когда не хватало к обеду в доме соли или хлеба, никто из них не обращался в дом-крепость, а бежали к соседям подальше.

Как-то, торопясь на работу и почти бегом проходя мимо высоких соседских ворот, Тамара вплотную столкнулась с парнем, одетым в военную морскую форму, который именно в тот момент, когда девушка проходила мимо, открыл со двора калитку. Он вежливо извинился. Спросил, не ушиб ли случайно. Она кивком головы показала, что всё в порядке. Коротко взглянули при этом девушка и парень друг друга в глаза. В это время стали открываться ворота. Парень спросил, не в центр ли она собралась, и предложил подбросить её попутно, мол, всё равно едем с отцом в военкомат. Тамара, у которой времени оставалось в обрез, с радостью согласилась.

Недовольно посмотрел на молодую соседку сидящий за рулём толстячок, но возражать не стал. Только пробурчал, что он опаздывает, и чтобы молодёжь быстрее усаживалась.

Красавицей Тамару можно было бы назвать только с большой натяжкой. Крупноватое лицо. Широковатая в кости. Какая-то замедленность в движениях, которая была, правда, обманчива. Но стоило лишь глянуть ей в глаза, как что-то сразу же настораживало. Живой ум светился в них, а едва заметная хитроватая раскосинка лишь добавляла оригинальности. Не была похожа дочь глазами ни на мать, ни на отца. Откуда взялась вдруг у неё в глазах эта глубоко спрятанная синяя подсветка, осталось загадкой природы.

Первое знакомство с соседним парнем не прервалось. Вскоре поняла девушка, что Иван, так звали соседнего парня, вернувшегося после демобилизации из армии домой, не на шутку, а всерьёз заинтересовался ею. Всё чаще стал приглашать её в кино или на танцы. Вёл себя при этом сосед очень прилично и никаких вольностей не позволял. Тамара чувствовала себя в его присутствии гораздо увереннее.

Никто теперь не позволял себе ухватить её за плечо или за бок руками во время танца, или во входном фойе толкнуть вроде бы случайно, что частенько случалось до того, как Иван взял её под свою опеку. Такие попытки соседский парень прекратил по-своему. Поговорил он с некоторыми в садочке возле клуба наедине и порядок был этим наведён навсегда.

Ни один, даже самый пьяный и придурочный подросток, не смел больше её лапать в тесном коридорчике или проходе клуба. Дружно и вежливо отступились от Тамары все персоны мужского пола, которые прежде добивались её внимания чуть ли не силой.

Но этого нельзя было сказать о местных девицах. Некоторые из зависти, некоторые из ревности, а другие просто ради забавы стали распускать про Тамару не совсем приличные слухи, мол, липнет к парню и не даёт ему прохода. Неправдой это было, а, вернее сказать, откровенной ложью. Ни единого раза она не заговорила с Иваном первой. Ни разу ни о чём не попросила. Вся инициатива сближения происходила от него, но, честно говоря, Тамара не очень-то и избегала парня. По душе ей была такая серьёзная защита. Нравилось девушке пройтись рядом с ладным парнем по улице. Видела она, какими завистливыми глазами провожали их некоторые молодухи, которые до этого сами строили определённые планы своего будущего, напрямую связанные с вернувшимся из армии парнем.

Иван был среднего роста, смугловат. Тёмно-каштановые, коротко подстриженные, волосы чётким густым ёжиком стояли у него над головой и от этого парень казался даже выше ростом, чем был на самом деле. Приятно было смотреть со стороны на бывшего моряка. Рубашки, очевидно купленные ещё до армии, чётко облегли мускулистую грудь и широкие плечи и когда он, упруго вышагивая, выходил в круг потанцевать, немало любопытных и завистных глаз глядело ему вслед.

Спокойно относилась Тамара к Ивану, чего нельзя было сказать о нём. Он никогда не позволил себе вольности по отношению к ней. Рукам воли тоже не давал, в отличие от многих других ребят, но чувствовала девушка, что безграничной властью обладает она над ним. Объяснить, конечно, не смогла бы, почему она так уверена в этом, но знала наверняка - ради неё Иван пойдёт на любую крайность.

Шли они как-то вместе в кино. Ивана в тесном коридорчике задержал его однопольчанин. Тамара прошла вперёд, к кассе. Двое крепко подвыпивших парней напролом, без очереди, полезли к кассовому окошечку. Так уж получилось, а возможно и с умыслом сделали это не знающие местных порядков приезжие ребята, но довольно неуважительно зажали они девушку своими плечами. Один из них, более пьяный, похлопал, широко ухмыляясь, её сзади чуть ниже талии. Может, обознался парень, а может быть решил таким своеобразным способом позаигрывать с девушкой, но очень плачевно закончилась для него и его приятеля эта шалость. Лучше бы он этого не делал.

Двумя руками сгрёб подошедший в это время Иван парня сзади под бока. Со всего маха, словно пустым чучелом, ударил им в стену. Только красные разводы пошли по белой известковой стене. Второму досталось не меньше. Тамара, вместе с подбежавшим другом Ивана, с трудом увела разъярённого парня на улицу. Впервые увидела девушка своего соседа в таком бешенстве. Не заступись она за ребят, Иван, очевидно, насмерть забил бы незадачливых и неумелых ухажёров.

Даже свою подружку отшвырнул озверевший Иван вначале, и лишь когда она громко закричала: «Хвати... и... и... т!» – он, словно просыпаясь, очумело оглянулся кругом.

Позднее, вспоминая выражение лица Ивана во время избияния парней, Тамаре делалось как-то тревожно. Нравился ей парень, и что он настолько теряет самообладание, когда затронута честь его девушки, она поняла по-своему. Откуда могла знать неопытная девчушка, что проявление такой буйной реакции можно назвать не только ревностью, но и иначе – чувством собственности.

Однако какой-то смутный, неосознанный осадок оставил всё же на душе этот случай.

Конечно, урок невоспитанные ребята получили хороший, но стоило ли избивать их до полусмерти лишь из-за того, что они глупо и неумело пошутили?

Почему Иван превратился в одно мгновение в настоящее чудовище? Что это? Любовь? Или же что-то совершенно иное? Где граница в таких проявлениях? Ведь многие девушки даже приветствуют довольно грубые заигрывания парней и лишь для вида покрикивают на нахалов. Ну не хватает у некоторых ребят интеллигентности. А разве мы, девушки, не сами виноваты в этом?

Эти и многие другие мысли долго не давали покоя неопытной девушке. Гнала она их от себя. Успокаивала сама себя, мол, выдумываю всякую ерунду, а на самом деле всё гораздо проще.

И даже Валентина, после того, как сестра рассказала ей о случившемся и о своих тревогах, успокоила её: всё правильно, нахалы получили по заслугам.

Забылся со временем этот случай. И лишь много времени спустя, убедилась девушка в том, что не зря болело её сердце. Чувствовало, вернее сказать, предчувствовало оно беду.

Не умеет, к сожалению, человеческое сердце разговаривать и предсказывать будущее. Лишь боль и беспокойство своё может передать оно человеку, но не принимает он эти сигналы всерьёз, а зря.

И двух лет не прошло, как согласилась Тамара выйти замуж за Ивана. Парень ей нравился. Не пил, как остальные его сверстники, беспробудно и постоянно. Был вежлив к старшим и окружающим. Не испытывала она оглушающих, как наркоз чувств, когда Иван обнимал её своими жадными, цепкими руками, так сильно, что у неё перекрывало дыхание, но ей это было приятно. Расспрашивала невеста некоторых своих подруг о том, что чувствовали они, когда соглашались выйти замуж, и каждая рассказывала свою историю по-своему. Наверное, это всё же любовь, решила она, ведь скучно мне становится, когда я не вижу его несколько дней.

И если честно сказать, не было во всей округе парней, равных её Ивану. Даже подружки поругивали Тамару за то, что уж больно долго водит она Ивана на длинной верёвочке, как они выражались. Смотри, милая, уведут парня из-под самого носа, и оглянуться не успеешь.

Свадьбу справили не очень большую, но солидную. Присутствовало всё городское начальство. Отец Ивана был состоятельным и влиятельным человеком, и при женитьбе своего старшего сына на средства не поскупился. Музыка в откупленном на два дня местном ресторане не умолкала почти ни на одно мгновение. Исключение составляли лишь те минуты, когда говорились тосты. Одно очень удивило новобрачную в день свадьбы: её свекровь, тайком от всех, перекрестила свою сноху чуть заметным движением руки и лишь затем

после нескольких поздравительных слов обняла и поцеловала сначала невесту, а затем и жениха.

В семье, где родилась и выросла Тамара, никогда никто не молился и не крестился. Бога упоминали в доме лишь по нужде и то, как бы мимоходом и вскользь. Старшая сестра с мужем тоже не были верующими. А отец Ивана вообще был активным коммунистом, и именно поэтому очень заинтересовало молодую женщину поведение матери Ивана. Всё объяснилось позднее.

После свадьбы всё враз изменилось. Открылись секреты заднего двора дома-крепости. Большая звероферма расположилась на отгороженном от всего мира глухим забором, заднем дворе. Кроме различной пернатой птицы и скота, разводились здесь и кролики, и даже нутрии. Много времени пришлось теперь проводить и Тамаре в этой небольшой тюрьме, и единственной собеседницей была мать Ивана - Вера Эриховна.

Моложе своего мужа была мать Ивана. Иссиня-чёрные пышные волосы богатой короной украшали голову женщины и вопреки законам природы, ни одного седого волоска не было видно в тёмных прядях. Среднего роста. Худощавая, если не сказать, что худая. Лицо, покрытое частой сеткой морщин, почти всё время выглядело грустным. Нелюдимая с виду, она всё же очень близко сошлась с Тамарой, новым членом этой странной семьи, где каждый жил как бы своей жизнью.

Вера Эриховна никогда нигде не работала. Вышла замуж она ещё совсем молоденькой девчушкой. Приехал к ним как-то в дальнее глухое село в командировку по комсомольским делам парень из далёкого города. Несколько раз проводил Веру домой и без долгих разговоров объявил ей, чтобы ждала сватов.

Деревенская девушка, конечно, не поверила и очень удивилась, когда через несколько дней после отъезда городского парня, возле дома бабушки и бабушки, у которых она после смерти родителей воспитывалась вместе со старшей сестрой, остановился целый кортеж из легковых автомобилей. Не в тот же день, конечно, увезли навсегда девушку в город, но всё было обговорено между новыми родственниками сразу же.

И полетели года, словно перелётные птицы, только у птиц есть возможность смотреть на мир сверху, а Вера видела его лишь из-за высокого забора, за которым спрятали деревенскую девушку, как в клетке. Так и прошла вся жизнь. Двор и дом. Дом и двор. Одна лишь радость была у неё и та судьба, злостно пошучивая, разделила надвое. Старший из сыновей вернулся после службы в армии домой, а меньший пропал без следа. Лишь изредка приходили от него редкие случайные письма, и каждый раз с нового места жительства.

Можно было подумать, что меньший сын кочует по свету вместе с каким-то цыганским табором, что, в общем-то, почти соответствовало действительности. Только не с цыганами кочевал меньший сын, а с так называемым строительным отрядом.

Свекровь много рассказывала Тамаре о своей затворнической жизни, и выходило это совсем не так, как обычно бывает при беседах старшего с младшим. Если кто-нибудь посторонний смог когда-нибудь подслушать их разговоры, то он пришёл бы к выводу, что это две близкие подружки изливают друг перед другом душу. Свекровь также рассказала снохе, как она крестила своих детей.

Муж долго не давал своего согласия, а без его разрешения она всё же не хотела совершать такой серьёзный шаг, считая это грехом. Со временем настояла всё же на своём, уговорила. Он согласился, но с условием, что увезёт жену и детей

в соседний большой город, где находилась официально зарегистрированная церковь, но сам присутствовать при обряде не будет. Так и сделали. Отец просидел всё время в парке, прилегающем к церкви. Не хотел он портить себе карьеру, а что в церквях всегда трётся целая куча осведомителей, чиновник знал не только понаслышке.

Совсем другие были тогда времена. Всем начальникам, независимо какого ранга, обязательно нужно было быть коммунистами. А какой же настоящий член партии официально крестит своих детей. И прятался поэтому каждый, кто как может. Поэтому и крестили своих чад иногда не в соседнем селе или городе, а за тысячи километров от родного места.

Так и жила Тамара в своём новом доме, понемногу привыкая к другому образу жизни. Иван поначалу уговаривал жену оставить работу и заочную учёбу, но она настояла на своём и ни работу, ни учёбу не оставила. Доставалось ей, конечно. Иногда даже ночи прихватывать приходилось для зубрёжки, чем Иван был особенно недоволен, но, как говорят в народе: взялся за гуж - не говори, что не дюж. Незаметно пролетело несколько лет. Получила диплом. Назначили мастером. По дому тоже работы хватало.

Всё бы ничего, но не чувствовала женщина себя счастливой. Чего ей не хватало, сама не могла понять. Вроде бы всё есть: достаток, муж, хорошая работа, душевная свекровь, которая в своей снохе души не чаёт и сдувает с неё каждую пылинку. Но беспокойно было на душе у Тамары.

Прямо не по годам, а по дням стал меняться Иван после свадьбы. Нельзя было сказать, что он меньше внимания стал уделять молодой жене. Нет, вниманием он её не обходил, только совсем другим оно стало, чем прежде. Он был с ней обходителен, но опять же по-другому, чем до свадьбы. Если он брал себе что-либо в голову, то теперь Тамара уже никак не могла его переубедить, а с матерью он вообще обращался как с наёмной рабочей силой – сделай то, подай сё и т. д.

И жадность, прямо-таки какая-то безграничная жадность проснулась вдруг в нём. Все дела по сбыту кроличьих и нутриевых шкурок с удовольствием взял на себя.

Шапками, которые шила мать, торговал особенно охотно. Всё больше удивлялась жена своему мужу. Не знала она его с этой стороны, а он в ответ на её попытки образумить его, лишь отшучивался и притом всё чаще довольно злобно, мол, деньги пригодятся всегда.

Отец, глядя на дела своего сына, только посмеивался: «Ну, точно дед. Тот таким же хватом был, и своё не упускал никогда».

Скупость Ивана доходила иногда до смешного. Уходил он, бывало, на работу в новой, только что сшитой красивой шапке, а возвращался в рваном картузе, похожем на сгоревший блин.

Ещё и хвастался при этом, что, вот, очень выгодно удалось продать, а мне мать новую сошьёт. Пробовала Тамара по-хорошему поговорить с Иваном, облагоразумить его, но всё чаще стала получать серьёзный отпор. Иван, забыв о приличиях, начинал нести в споре такую ахинею, что у женщины потом целый день или ночь горели от стыда лицо и уши. Так появились в молодой семье первые размолвки.

Иван на этом не успокоился и стал всё чаще требовать от жены, чтобы и она продавала у себя на работе товар, изготавливаемый на дому. Войдя в раж, пытался, чуть ли не силком заставить её торговать на местном базаре шкурками и шапками.

Дома, по хозяйству, она работала без всяких уговоров и даже с удовольствием помогала свекрови ухаживать за животными и шить по вечерам шапки, но сидеть на местном базаре отказалась в категорической форме.

Хорошо, что мать заступилась за сноху всерьёз, а то неизвестно чем бы всё это закончилось, уж больно круто взялся Иван за перевоспитание молодой жены.

Как-то поделилась Тамара своими мыслями со старшей сестрой. Та ясно и доходчиво объяснила, что она просто бесится с жиру и ей непременно нужно завести пару ребятишек и всю хандру в раз как рукой снимет.

Молодая женщина и сама уже задумывалась над этим. У всех ровесниц-подруг бегало по дому уже по одному, а то и по нескольку малышей, но её почему-то судьба обделила.

По-другому разложит всё судьба. Не подарит она этой семье наследников. Обойдёт этим счастьем дом, который ломился от изобилия.

Как-то, придя усталая с работы, Тамара ещё во дворе была удивлена радостным выражением лица Веры Эриховны. Прямо светилась она вся от радости и даже выглядела помолодевшей на несколько лет. Взяла сноху под руки и силком потянула в кухню, торопливо приговаривая при этом: «Ты только посмотри, какого гостя нам Бог послал!»

За столом сидел незнакомый молодой мужчина. Лишь когда он повернул голову, и Тамара смогла рассмотреть его лицо, она поняла, что это, должно быть, меньший брат Ивана, Рудольф. Очень уж похож был незнакомец на Веру Эриховну. Прямо копия свекрови, только мужская и, естественно, покрупней и моложе. Чёрный, непокорный волос. Лицо загорелое до черноты и не загорелое даже, а как бы продублённое. Заглянула женщина поближе в глаза мужчине и сразу же в испуге отвела взгляд в сторону.

То, что она, женщина, прочитала в распахнувшихся во всё лицо глазах, потрясло её до глубины души и напугало. Забилось вдруг сердечко Тамары часто и невпопад. Жарко и душно ей стало, чуть ли не до обморока.

Сославшись на усталость, торопливо ушла к себе. Боялась она выдать себя неосторожным движением или словом. Но покинуло душевное спокойствие молодую женщину.

Даже Вера Эриховна, будучи вне себя от радости, что её меньший сын Рудик наконец-то дома, заметила внезапную замкнутость снохи. Не стала она садиться к общему столу. И вообще, как только могла, избегала общения с гостем. Рудольф тоже вёл себя нелюдимо. Даже ни разу не заговорил со снохой, которую Вера Эриховна любила, как родную дочь. Почувствовало чуткое сердце матери, что что-то здесь не так, но о настоящей причине отчуждённости молодых людей даже не догадалась.

И всё же, живя в одном доме, приходится его жителям общаться друг с другом. До приторности вежливы были Тамара и Рудольф друг к другу. При необходимости даже разговаривали, но говорили оба, отведя взгляд в сторону. Боялись они выдать себя и поэтому не смотрели в глаза собеседнику.

Но судьба шутит по-своему. В один из дней, когда Тамара только пришла с работы, Иван свалил во двор целую скирду сена. Дал команду, чтобы к вечеру всё было убрано, а сам укатил по своим служебным делам. Рудольф, раздевшись до пояса, большущими ворохами стал таскать сено на крытый сеновал. Вера Эриховна из кухонного окна лишь подзадоривала любимца.

Вдруг, как это часто бывает летом, совершенно неожиданно чёрная грозовая туча закрыла собою полнеба. Мать бросилась на помощь сыну. Тамара, выглянувшая в окно на шум грома, конечно тоже не усидела в комнате.

Торопливо повязав косынкой волосы, и поспешно прихватив вилы, взялась за работу.

Огромную кучу сена, сваленную посреди двора, перетаскали всё же втроём на сеновал ещё до начала ливня. Мать убежала на задний двор спасти живность от хлынувших струй, а молодая женщина забралась на только что сложенную копну сена для укладки. Рудольф большими охапками, как хороший трактор-стогомёт, подавал вилами с длинным черенком остатки сена наверх. Работу, наконец, закончили. Тамара огляделась. Как же спуститься с такой высоты?

Рудольф, широко раскинув руки и смеясь во всё лицо, предложил ей прыгать. Она, не долго думая, присела на край стога и скользнула вниз. Крепкие руки Рудольфа подхватили её на лету.

Лишь на одно мгновение доверчиво и податливо замерла Тамара в объятиях Рудольфа. Затем она осторожно отодвинула его от себя, и они в упор встретились взглядами. И обоих выдали глаза...

Словно в полусне ушла Тамара с сеновала. И поняла, что вся жизнь перевернулась, разорвалась в один миг в клочья.

Всю ночь пролежала с открытыми глазами. Решила, что после случившегося не может прожить в этом доме больше ни дня.

Не знала молодая женщина того, что Рудольф ещё ночью, наскоро собрав свои нехитрые походные вещички и попрощавшись с матерью, теперь уже действительно навсегда покинул стены родного дома и семью, в которой родился и вырос.

На следующий день она объявила свекрови, что должна срочно уехать в областной центр в командировку. Никто, конечно, не знал, что она тоже уходит из этого дома и этой семьи навсегда. При прощании со свекровью расплакалась молодая женщина. Крепко обняв сноху за плечи, Вера Эриховна проговорила: «Я не могу тебе запретить уезжать в таком состоянии из дома, но я буду за тебя молиться моя родная. Да хранит тебя Бог».

Не знало, но, очевидно, чувствовало чуткое сердце пожилой женщины, что навсегда покидает её любимая сноха этот дом, и в каждой своей молитве просила не себе прощения, а милости божьей к неразумной, неродной дочери своей.

На железнодорожной станции Тамара взяла, на удивление кассирши, которая знала её, билет не в областной центр, как обычно, а назвала другую железнодорожную станцию. Не думая, назвала она первый пришедший на ум город. Для неё не было разницы, едет ли она на север или на юг, главное - подальше от дома. Также молча и безучастно вошла она в вагон и села на первую свободную лавку.

Так пошучивает судьба с людьми.

Упомянул как-то Рудольф в разговоре с матерью про своего друга Николая. Рассказал, что очень близки стали они с ним и Николай звал своего друга к себе в гости или даже жить постоянно. Слышала Тамара этот разговор. Отложился он у женщины в памяти и теперь, не отдавая себе отчёта, подсознательно назвала конечным пунктом своего следования железнодорожную станцию вблизи города Степного.

Если в это время молодую женщину исследовал бы какой-нибудь врач, по-настоящему тонко знающий человеческую психику, то он с удивлением установил бы, что вся её внешне-чувствительная сенсорика как бы полностью отключилась. Ходит она. Говорит. Но всё совершает автоматически, то есть

неосознанно. Совсем другим были заняты её мысли. Не присутствовало контролируемое сознание в брэнном теле тот момент, а находилось где-то очень далеко, возможно даже в другом мире.

Немало часов просидела неподвижно Тамара у окна и лишь когда проводница принесла билет и сказала, что на следующей станции ей выходить, она удивлённо огляделась. Посидев ещё немного и выпив стакан остывшего чая, пошла к выходу.

Соседка по лавке окликнула её: «Женщина, вы же вещи свои забыли». Все с интересом посмотрели на странную пассажирку. Тамара, извинившись, подхватила свою сумку и торопливо пошла к выходу.

Молодая женщина шла по перрону, ничего не видя перед собой. Равнодушием и каким-то душевным отупением было охвачено всё её сознание. Ноги сами по себе исполняли обычную работу и несли на себе тело, разум которого практически уже покинул земное бытие. Пальцы руки разжались сами по себе, и сумка с вещами бесшумно упала на истоптанную сотнями подошв перронную платформу. Сзади раздался пронзительный визг быстро приближающегося тепловоза.

– Ну, вот и всё!

Замедленная реакция сознания, как бы дала последнюю команду. Женщина развернулась лицом к обрыву платформы, закрыла глаза и сделала ещё несколько шагов.

И вдруг, словно ударом молнии, её пронзило с ног до головы: «Нельзя! Это высший грех и его ты уже никогда не искупишь. Побойся Бога».

Тамара явно, словно воочию, увидела перед собой свою свекровь, которая перекрывала своим призрачным маленьким худеньким телом путь в бездну. Даже горячее и прерывистое дыхание свекрови почувствовала она на своём лице. Ноги словно пригвоздило к асфальту платформы, и они отказались сделать последний шаг.

На перроне все пассажиры с недоумением смотрели на молодую женщину, которая стояла возле края платформы. Глаза её были плотно закрыты. Руки прижаты к груди, как во время молитвы, она покачивалась – из стороны в сторону и непонятно было от чего. То ли порывы воздуха от несущихся мимо вагонов вынуждали женщину совершать это, то ли она сама исполняла какие-то обрядовые, ритуальные движения.

– Тама а а р а а!..

Звонящий крик, похожий на стон рвущейся от последнего аккорда струны, перекрыл перестук железных колёс.

Женщина, медленно приходя в себя и, словно спросонья, открыла глаза. В страхе отшатнулась назад от бешено несущейся прямо перед ней грязно-красной, сплошной стены вагонов.

Наигралась вдоволь судьба двумя человеческими душами. Потешилась страданиями молодых людей досыта, а затем, словно играючи, свела Тамару и Рудольфа вместе на перроне небольшой железнодорожной станции.

Стояли два человека, слившись в одно целое, в одну маленькую цельную клеточку Вселенной, в один микроскопический живой организм жизни и ничего больше не надо было им.

Так, вопреки человеческим обычаям, законам и порядкам, на шумном, людном вокзальном перроне родилась новая семья.

Вместо эпилога

С абсолютного нуля, вдали от родных мест и родственников, начали новую жизнь Тамара и Рудольф. Приветливо принял чужой для беженцев город Степной своих новых жителей.

Мир не без добрых людей. На первое время поселились молодые в пустующей времянке у матери Николая. Уговорил Николай свою скуповатую и прижимистую мать уступить всё же часть усадьбы и времянку по сходной цене своему другу. Не все средства, заработанные на севере, пропил Рудольф. Хватило денег на покупку жилья и даже осталось на строительный материал, чтобы перестроить тесноватое помещение в небольшой, нормальный жилой дом. Рудольф, Николай, Тамара и сестра Николая с мужем в два месяца справились с основными строительными работами. Так появилось у новой семьи и собственное жильё.

Не прошло и года, как семья выросла на треть. Девочку, по обоюдному согласию, назвали в честь бабушки Верой.

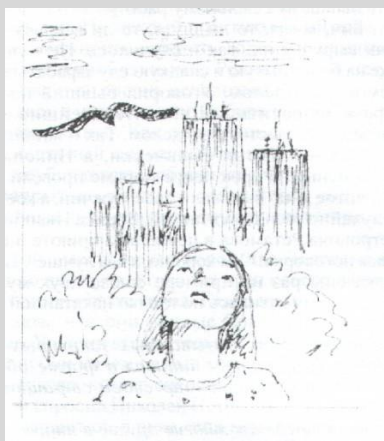
Тамара и Рудольф были глубоко убеждены в том, что именно благодаря молитвам матери, оба остались живы и нашли друг друга. Пожалела их судьба и свела вместе лишь потому, что Вера Эриховна день и ночь была, не физически, конечно, а духовно, рядом с ними. И именно мать вымолила им прощение и счастье.

Каким образом смогла убедить Вера Эриховна старшего сына, осталось неизвестным. Никогда, ни одним-единственным словом не обмолвилась она об этом, но дал Иван всё же через полгода после бегства жены, ей развод. Ещё полгода тянулись все проволочки с оформлением нужных документов. Зарегистрировались, наконец, законным браком Тамара и Рудольф в местном Совете и одновременно с этим оформили свидетельство о рождении ребёнка.

Два церковных обряда – крещение Тамары и маленькой Веры – были произведены одновременно, и присутствовала на них, на радость детей, и Вера Эриховна, мать, свекровь и ангел-хранитель новой семьи в одном лице.

Не вернулась больше в домашнее рабство Вера Эриховна. Навсегда осталась в семье меньшего сына. Не прошло и двух лет, как её муж, очевидно приобретя новую домашнюю рабыню, подал на развод с женой, которая почти тридцать лет была ему прислугой.

Вера Эриховна незамедлительно подписала все бумаги и отказалась от своей доли в немалом хозяйстве. Не захотела она, чтобы вместе с капиталом пришла в её новую семью и невидимая человеческому глазу, но этим как раз и опасная, ржа наживы. Конечно, ничего не имела женщина против материального благополучия, но всё же не ставила она его выше духовного, как было принято в семье и доме бывшего мужа.

Бернд-Бегендык-Борис

„Хоть притча эта не сложна,
Но есть в ней всё ж урок:
«Коль в душу к вам стучит беда...
Пусть вам поможет друг!»“

Бегендык родился в лесистой сельской местности на западе Украины, а вырос и всю жизнь прожил в казахской степи. Умер в тесной квартире многоэтажного дома, который стоял на самой окраине большого промышленного города. Скоропостижная смерть была окутана всевозможными слухами и толками, которые распространились с помощью суеверных соседей по округе со скоростью ураганного ветра.

Всякое рассказывали про этот случай. Кто-то утверждал, что видел своими глазами, как от последнего пристанища бывшего степняка прямо в небо улетело чёрное облако. Другой заверял всех, клянясь при этом всеми своими благами, что видел человека, одетого во всё чёрное, который, словно птица взвился в воздух. Третий же из соседей доказывал, что не человек вовсе, и не облако это были, а огромная тень, чем-то похожая на летучую мышь.

Все эти рассказы были неверны и являлись плодами человеческого воображения. Одна лишь внучка Бегендыка, которая действительно видела всё, рассказала правду, но ей, конечно, никто из взрослых не поверил. Слишком простым было её объяснение и неинтересным. Люди же любят всё необъяснимое и таинственное. Поддай им простое и понятное объяснение, и весь интерес сразу же пропадает, даже к действительно необычному явлению.

Играла Гуля-Гульнара со своими подружками во дворе детского садика, который находился рядом с двенадцатиэтажным домом. На верхнем этаже находилась квартира, в которой жила маленькая Гуля, её родители и дедушка. Не надо было малышке долго искать глазами свой балкон и окна. На самом верху и в сторону открытой степи находились окна их квартиры. Гульчик, так звал свою внучку белобородый дедушка, своими глазами видела, как на бетонное ограждение балкона их квартиры опустилась огромная чёрная птица. Недолго просидела она. Кинулась через некоторое время, стремительно набирая скорость, вниз с балкона. Возле самой земли раскрыла широкие крылья. Нескольким ударами крыльев преодолела расстояние до детского садика. Пронеслась над головами играющих детей, а затем, резко набирая

высоту, стала ввинчиваться в небо. Дети, занятые игрой, даже не обратили внимания на пролетевшую над ними птицу. Мало ли ворон и трескучих сорок носится по окраине города. Лишь Гулю что-то встревожило. Долго смотрела она вслед не виданной ею ни разу в жизни огромной птице. Видела маленькая девочка, как одинокая чёрная чёрточка сделала несколько больших кругов над их домом, а затем улетела в сторону открытой степи. Даже поплакала маленькая девочка, глядя ей вслед. Воспитательница, которая пришла успокоить Гулю, шутливо погрозила в сторону мнимых обидчиков, мол, ух, противные. Тихо возразила ей маленькая девочка, что птица вовсе не плохая, а очень даже хорошая, но кто верит ребячьим слезам или принимает детский лепет всерьёз. Ничего не поняла взрослая женщина из бессвязного рассказа Гули о какой-то несуществующей птице. Знала воспитательница по своему многолетнему опыту о богатой фантазии детей и не придавала этому случаю никакого значения.

...Совсем крошечным и больным ребёнком попал Берндт Курц в семью казахов. Его родители умерли ещё в дороге. Вынесли их застывшие тела из вагона и оставили лежать на сухой, промёрзшей, до каменной твёрдости, земле небольшого безмянного полустанка. А чудом выжившего малыша пригрели чужие люди.

Вырос мальчишка в новой семье. Человек, рождённый немцем, воспитанный казахами, говорящий только по-русски, не имел ни родовых корней, ни конкретных национальных признаков. При рождении мальчик был наречён Берндтом. Пока приёмные родители были ещё живы, звали они своего приёмыша Бегендыком. По документам числился Борисом. Можно подумать, что и не человек это был, а курай, перекати-поле. Но не соответствовало это действительности.

Бернд-Борис-Бегендык был степняком, по природе своей степняком-кочевником. Много перебрал он профессий. Учился два года на механизатора. Работал трактористом. Служил в армии танкистом. Но не по нему был этот вечный лязг, треск, невыносимые бензиновая и соляничная вонь. Со временем нашёл всё же своё место в жизни. Устроился работать чабаном. Не получил он больших орденов за свой многолетний труд, но если бы кто-то подсчитал, сколько мяса и шерсти поставил скромный труженик государству за всю свою жизнь, то удивился бы. Не деревню или село, а целый город можно бы было прокормить, обусть и одеть той продукцией, которую вырастил молчаливый пастух.

Смешанный народ жил в краях, где всю свою сознательную жизнь прожил Бегендык. Никто не знал настоящее имя чабана, которое он получил при рождении. Все коллеги по работе и знакомые звали его просто Борисом. Короче и понятнее для всех.

Не обижался Бегендык на это. Он считал, что не имя главное, а обращение. Не существовала уже для него, как человек, та особа, которая позволяла себе разговаривать с другими людьми свысока и с пренебрежением. Сам он никогда не позволил себе унижить кого-нибудь, будь то ребёнок или взрослый человек. Очень странной была, по общепринятым понятиям, жизненная философия одинокого чабана. За всю жизнь ни разу не побывал он на приёме у врача, если не считать врачебную комиссию во время призыва в армию. Ни разу в своей жизни не летал самолётом и вообще, считал всё, что производит большой шум, вредным для человека. Этой философии он учился у степных птиц и зверей. Видел наблюдательный чабан, как уходили они всё дальше в безлюдную полупустынную степь при приближении, так называемой культуры.

Любил Бегендык степь. Не просто любил, как любят мороженное или конфеты. Нет. Он не представлял себе жизни без степного простора. Вольным чувствовал себя чабан в степи в мыслях и поступках. Даже лошадью пользовался неохотно и редко. Нравилось ему летом ступать босыми ногами по твёрдому, надёжному грунту родной земли. Всем своим существом чувствовал он, как земля отдаёт ему, своему сыну, никому не видимую энергию, которая приходит к городским жителям лишь в мечтах или во сне. Даже зимой прогуливался он иногда босиком по снегу, считая снежный покров лишь природным покрывалом земли. Сильнейшим изолятором между землёй и человеком является асфальт и каучуковые подошвы, и именно поэтому не особенно приветствовал странный мужчина новомодную резиновую обувь, а предпочитал ту, которую ещё его деда изготавливали из натуральной кожи и хрома. Посмеивались иные «грамотные» люди, глядя на причуды пастуха, мол, что возьмёшь с человека, который большую часть жизни провёл с баранами. В чём-то были, конечно, правы утверждающие, что он не от мира сего, но не хаять надо было бы им его, а поучится правильно жить.

Пас как-то Бегендык свою отару возле ракитника, в середине которого находилось небольшое озерцо. Место было очень удобное. Тень от кустов спасала овец от полуденной жары, да и питьевая вода рядом. День проходил спокойно. Чабан, постелив свой поношенный дождевик на траву, прилёг на небольшом бугре, с которого вся округа была видна, как на ладони. Жар, одна из сторожевых собак, устроилась рядом с ним, а вторая, более молодая, суматошно гонялась по мелким плёсам за утками. Собака, лежащая рядом, вдруг насторожилась. Привстала. Навострила уши. Теперь и чабан обратил внимание на бешенный лай молодой собаки из кустов тальника. Жар рванул к тальнику. Он поспешил следом. Не веселясь и не играючи лаяли собаки из кустов, а злобно и тревожно, как на волка.

Странную картину увидел пастух, когда, запыхавшись от бега и раздвинув кусты, выбрался на небольшую поляну. Молодой, но очень крупный беркут отчаянно отбивался от двух наседавших на него собак. С трудом сумел успокоить Бегендык своих четвероногих помощников. Морды у собак были в крови от острых ударов клювом и когтями. Да и беркут выглядел не лучше. Выломанные перья, боком висящее крыло. Птица уже не могла стоять на ногах и как-то привалилась боком к земле, сердито выворачивая голову в сторону своих неприятелей. Пастух воспользовался тем, что беркут настороженно смотрел в сторону собак. Подошёл к израненному бойцу-одиночке сзади и накинул на него свой большой брезентовый плащ.

Беркут – это не просто птица. Беркут – это царь птиц и для человека он является целым состоянием. Очень обрадовался пастух щедрому случайному подарку. Такое счастье, которое само прилетает в руки, выпадает далеко не каждому. Поправил опытный чабан молодому беркуту повреждённое крыло, предварительно связав ему лапы крепким ремешком и накрыв голову. Потерял в драке с собаками беркут один из когтей на правой лапе, чуть ли не с мясом был он выдрал. Смазал это место Бегендык мазью и накрепко перебинтовал.

Тальника под рукой достаточно. Соорудил чабан из тугих прутьев клетку, похожую на юрту, но, конечно, поменьше размером.

Нашёлся поблизости и большой черепок под воду. Крепко повреждён и побит был молодой беркут, но на его задиристость это не повлияло. Воинственно бросался он на прутьянные стенки своей тюрьмы при виде собак.

Несколько дней не подходил беркут к брошенным чабаном в клетку сусликам и уткам. Но голод, как говорят, не тётка. Обрадовался Бегендык, когда во время очередного посещения увидел, что от вчерашнего суслика один пух остался.

Только успевал он потом поставлять еду прожорливому молодому беркуту. Вынужден был чабан сесть на лошадь, и даже ружьё пустить в ход, чтобы прокормить своего пленника. Замахал вскоре крыльями, прося свободы, выздоровевший и окрепший беркут.

И всё чаще стал задумываться пастух о дальнейшей судьбе птицы. Никто, кроме собак, естественно, не знал о тайне. Даже собственным детям не открыл он своего секрета. Слишком практичными и современными стали они в далёком городе. Сразу же определили бы базарную цену царь-птицы, а не хотел Бегендык её продавать, но понимал всё же неглупый человек, что не может быть дружбы между заключённым и тюремщиком.

А именно надёжного друга хотел иметь одинокий пастух. Такого друга, который бы пошёл ради него в огонь и воду. Не было у него существа на земле, которому он мог бы поведать все тайны своей души. Много часов просидел мужчина возле клетки, как бы мысленно исповедуясь вольной птице. Никогда прежде не мучили его раздумья так, как в последнее время. Пробовал он входить в клетку к беркуту, чтобы покормить того с рук и этим приручить. Ни к чему хорошему это не приводило. Лишь белые рваные следы оставались от когтей и клюва на надёжных кожаных сапогах чабана, которыми он вынужден был отбиваться от разъяренного пленника.

И наконец, в один из самых тяжёлых для чабана дней, он решился. Разодрал клетку за несколько минут и, не оглядываясь назад, пошёл, по им же самим протоптанной тропинке, из тальника в открытую степь к своей отаре.

Через некоторое время беркут бесшумной тенью проплыл в сторонке.

– Вот и всё, – с грустью подумал пастух.

Но он ошибся. Редкий день проходил потом, чтобы беркут не показался над отарой. Своего рода ангелом-хранителем стала царь-птица чабану. Учёные люди посмеялись бы над неграмотным человеком, узнай они об этой истории, но Бегендык был совершенно уверен в том, что беркут защищает его от всех напастей.

За все последующие годы из отары не исчезла ни одна овца. Не посещали эту отару ни волки, ни болезни. Прилетал беркут иногда и на пару с другим беркутом. Делали они вместе, как бы круг почёта в небе над отарой, а затем улетали.

Прошло немало лет. Подошла старость. Трудно стало в степи. Тяжёлым грузом стали давить годы. Умерла жена, единственный помощник. Дети уговорили осиротевшего отца переехать к ним в город. Тяжело прощался старый чабан со степью. Совсем вышел из себя, когда увидел, что родной сын схватился за ружьё и выпалил по парящему в вышине беркуту. Впервые увидели дети слёзы на глазах отца. Немногословным был этот мужчина всю свою жизнь, а теперь совсем замолчал.

Баловали дети отца в городе, чем только могли. Выделили ему отдельную комнату. Доставали по знакомству свежее молоко и мясо, которые в городе купить было не просто. Благодарен был им старик за заботы, но не хватало ему степной широты и свободы. Часто выходил на балкон и устремлял свой взгляд вдаль. Мысленно разговаривал, как тогда в тальнике, с беркутом. Но какой степной беркут осмелится лететь в город, где даже люди глохнут от шума и не понимают друг друга.

Стоял как-то Бегендык в своей комнате и широко раскрытыми глазами смотрел через открытую настежь балконную дверь в степь. Задумался он, как обычно, о своей прежней вольной жизни. Вдруг тёмная тень накрыла всё окно и дверь. Старик не поверил своим глазам. Прямо напротив дверного проёма, на железобетонное ограждение балкона опустился беркут. На правой лапе не хватало одного когтя, и поэтому птица присела немного боком. Взглядами, глаза в глаза, встретились человек и вольная степная птица.

Короткий и никому не слышный диалог произошёл между двумя, такими разными, но вместе с тем всё же такими похожими друг на друга, существами.

Человек: «Неужели это ты?»

Беркут: «Да, это я».

Человек: «Почему ты здесь? Неужели услышал меня?»

Беркут: «Да. Я знал, что ты так же, как и я не сможешь жить в клетке. Я прилетел за тобой».

Берндт-Бегендык-Борис сделал шаг в сторону своего друга-спасителя.

Тело Бегендыка обнаружили в его комнате, а он был в это время уже далеко от городской тесноты. Унесла вольная степная царь-птица, не тело, а всего лишь невесомый сгусток энергии, который, в сущности, и был многие годы человеком, туда, куда всё время так неудержимо рвалась душа степняка.

Не побоялся беркут ни городского шума, ни людей. Примчался он на помощь своему другу-человеку, который подарил ему то, что для вольной птицы важнее чем жизнь.

Беркут, как и Бегендык когда-то, вернул пленнику свободу!

Сеть (фантастика)

Шестого-бис мучили сны. Сильно. Непрерывно. Будто кто-то хотел до него достучаться и предупредить об опасности. Он иногда даже чувствовал во сне дыхание этого человека, но ни разу не видел его лица.

Эти кошмарные эти сны продолжались постоянно и были настоящей пыткой. Они изматывали его душевно и физически. Иногда он вскакивал по ночам, весь покрытый холодным липким потом, с дрожью во всём теле и, одевшись, уходил, сам не зная куда. Несколько часов таких пеших прогулок приносили относительное спокойствие. Но настоящего душевного равновесия у него в последнее время не было.

Имея острый аналитический ум, Шестой-бис в конце концов сказал сам себе:

"Стоп! Я не выдержу больше, сойду с ума. Мне нужно разобраться с самим собой, вычислить, высчитать, откуда эти муки, это беспокойство. В чём причина этих кошмарных снов?"

И он начал вспоминать свою жизнь, день за днём.

Шестой-бис прошёл суровую школу отбора в высший состав. Он прошёл всё. От землепашца до свободного егеря наружной охраны. Никогда глубоко не задумываясь над своей или чужой жизнью, он чётко выполнял все приказы. Жил по писаным законам, не ломая себе голову о их смысле. Здесь ему зацепиться было не за что. Службой он был доволен и им тоже были довольны. В личной жизни проблем у него тоже никогда не было, потому что её не было, этой личной жизни. Он был сыном своего века, а это значило для него: «СВОБОДА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!»

Друзья? И здесь его словно ударило. Как „электрошоком“ оглушило. Его лучший друг Антоша! Что он говорил насчёт шаровых молний? Ведь он ещё задолго до несчастного случая несколько раз упоминал про шаровые молнии. Он даже приводил какие-то примеры, мол, молнии поражают иногда людей, хотя гроз и в помине нет. Бьют с ясного неба.

Шестой-бис стал мучительно вспоминать их последний разговор на прогулке за центром. Да, Антоша, показав на стоящее в отдалении дерево, сказал:

"После того, как меня поразит молния, пойдти и поклонись дереву".

Но откуда мог знать Антоша, что его, именно его, сразит молния? А ведь так и случилось. Один яркий всплеск энергии, резкий, похожий на выстрел удар – и его, самого лучшего, надёжного друга испепелило.

Шестой-бис и Антоша (так он звал его, когда они были вдвоём) вместе прошли все ступени отбора, но попали в разные отделы. Шестой-бис - в свободную охрану, а Антоша по каким-то неизвестным причинам был отобран в состав специальной команды, обслуживающей непосредственно центр.

Откуда они могли знать, что ими, как пешками на шахматной доске, играет очень умелый, но ещё более осторожный игрок.

Точный ранг своего друга Шестой-бис не знал. Им никогда не приходилось сталкиваться по службе. Да и разговоров о ней на своих дальних вылазках они никогда не вели. Что Антоша как-то занят вычислительной и программирующей работой Шестой-бис знал, но это было почти всё, если не считать того, что Антоша имел знак „А“. Это обозначало, что ему разрешён доступ к каналам связи.

В последнее время они уже не так часто могли осуществлять вылазки на природу, с ночёвкой у дымного костра и ухой, сваренной в казанке. При редких

встречах они в основном говорили о детстве, юношестве. Со смехом вспоминали о своих проказах, как доводили своих учителей до стадии закипания, как они выражались.

„Поклонись дереву“. Что всё же хотел Антоша сказать этим?

Шестой-бис имел право свободного перемещения без всяких ограничений. И только по сигналу на его персональном знаке он обязан был немедленно являться в указанный квадрат или зону. Знак был средством связи, и носить его были обязаны все. Но он служил не только коммутатором, нет. Возможности его были практически неограниченны. Его лучом можно было зажечь костёр или отпугнуть зверя, его можно было использовать как старинный фотоаппарат или кинопроектор и рисовать им картины прямо в воздухе, на любом расстоянии.

Шестой-бис носил свой знак на груди, как талисман, а при желании его можно было носить и на руке. Без знака ни один житель колонии не имел права и шага ступить.

Службой он был не очень-то обременён. За несколько последних месяцев было всего два вызова. Оба они были аварийные и неожиданные. Ему приказывали являться в определённый квадрат для оказания помощи. Но по прибытии на место помощь оказывать было уже некому. Он обнаруживал только выгоревшие лунки, немного золы и обугленные знаки. Собрав останки в специальные пакеты-контейнеры, он всё это отправлял в указанный пункт. И это было всё. Об их дальнейшей судьбе он ничего не знал.

Практически почти всё своё время Шестой-бис проводил в походах и пеших прогулках. Он любил ночёвки у костра, длинные переходы, любил сидеть у тихих журчащих речушек и дышать чистым, не кондиционированным воздухом. Воздух бывал холодным и порой даже очень холодным, а иногда сухим и очень жарким, но он нравился таким, как есть. С пряными запахами трав, с запахами дождя или снега. Да, он чувствовал эти запахи. Многие из его знакомых частенько шутили над ним: мол, снег не может пахнуть. Он не спорил, он точно знал, пахнет, да ещё как. Шестой-бис ни на одной станции, ни в одном помещении, несмотря на отличное кондиционирование и обогащение воздуха, не мог так им наслаждаться. На природе он не дышал им, он пил его, впитывал его каждой клеточкой своего тела. Его тело, натренированное и послушное, на свежем воздухе как бы выходило из-под подчинения. Оно отдыхало само по себе, наслаждалось и блаженствовало.

Во время пеших прогулок он изучил окружающую центр местность как свои пять пальцев и мог сориентироваться в любое время суток и в любом месте без знака, что частенько и проделывал из чисто спортивного интереса, а может, и свойства характера - всё делать всегда самому и до конца. Уметь делать всё. Он, как настоящий первобытный человек, мог с завязанными глазами пройти по местности без навигационных приборов и выйти к пункту, который сам себе определил. Этим могли бы похвалиться немногие, если бы вообще нашёлся равный ему, но он никогда нигде особенно и не афишировал свои походы.

Шестой-бис решил исполнить просьбу Антоши и поклониться дереву. На душе от этого сразу стало легче. Неужели всё беспокойство связано с ним?

Да! Внутренний голос сказал ему отчётливо: "Да".

Приближаясь к дереву, внимательно огляделся. Вокруг было, как обычно, пустынно и только вдалеке шумели машины землепашцев.

Он понаблюдал за ними, в душе даже позавидовал им, что они всегда в поле, в контакте с матушкой-природой. Обойдя дерево кругом, он ничего подозрительного не заметил.

Вынув знак и установив его на поиск, он медленно провёл его лучом от корней до самой кроны, но знак тоже не подал сигнала. Странно.

Неужели чувство подвело его, и здесь ничего нет? Шестой-бис стал ещё раз обходить дерево, ощупывая при этом поверхность коры. Стоп. В одном месте она немного прогнулась. Он слегка поддел пальцем чешуйку коры и она, мягко поддавшись, отошла наружу. Под корой он обнаружил маленький тайничок и в нём небольшую плоскую вещицу, напоминающую ему что-то давно забытое. Приподнявшись на носки, он осторожно вынул её из тайника. Аккуратно поправив кору, стал разглядывать свою находку. Таких вещей Шестой-бис в руках ещё не держал, но он вспомнил, что это такое. Это была простая, так называемая, записная книга. Только теперь он понял, почему поисковый луч его знака не обнаружил её. Она изготовлена много лет тому назад из простой древесины, и даже лучшие приборы поиска не смогли бы её обнаружить.

Засунув записную книгу глубоко в карман, он сделал ещё один круг вокруг дерева, как бы любуясь его кроной, а на самом деле внимательно оглядевшись, и продолжил свою каждодневную прогулку.

Записная книга жгла карман и не давала успокоиться: Что же в ней? Как её прочитать.

Он чувствовал, что соприкоснулся с чем-то противозаконным и очень, очень опасным. Заходя в зону, он не боялся магнитного контроля, но противная, мелкая дрожь била его всего и ему с трудом удалось добраться до своего бокса, не привлекая внимания. Он даже не рискнул открыть книжку и аккуратно вместе с брюками сунул её в стенной проём, служащий ему плательным шкафом. Через некоторое время, уладив все свои дела по зоне, Шестой-бис отправился на несколько дней в поход по своим знакомым местам. Отшагав немалое расстояние, он решил устроить привал под огромным, как шатёр, кустом сирени. Достав книжку, спрятанную за поясом, он лёг на живот и стал её внимательно разглядывать. Начиная с первой страницы, она была исписана мелким, не очень разборчивым почерком.

Он умел читать рукописный текст только благодаря Антоше. У того часто появлялись какие-то сумасшедшие идеи. То на полюс слетать на пару дней, а то научиться читать и писать так, как и деды уже не писали. Думал ли Антоша, что это может им когда-нибудь пригодиться?

Шестой-бис начал читать и слёзы покатались из глаз, перехватило дыхание.

Запись начиналась с необычного обращения к нему:

Миша, дорогой, у тебя в руках моё письмо, а меня нет, я уничтожен. Мы жили с тобой (а ты продолжаешь жить), Миша, в страшном мире. Под сетью. Да, Миша, под огромной, страшной, невидимой сетью. Слово "сеть" придумано не мною, его изобрёл кто-то на самом верху. Возможно даже "сам".

Миша, я, воспользовавшись нелегальным случаем, смог получить доступ к компьютеру, в общем, я расшифровал его код. Я с трудом поверил в это, но это факт, я вошёл в память. Ты помнишь, Миша, мы удивлялись с тобой, откуда у планеты имеется столько энергии?

Разгадка очень проста. Мы научились аккумулировать энергию всех существующих молний, несмотря на мощностъ разряда. Понимаешь, Миша, любых молний!

Но это ещё далеко не всё. Мы не только умеем аккумулировать энергию, мы можем передавать её на любое расстояние лучом.

Представь себе, множество станций в космосе, энергоёмы которых, как озёра, полны энергии. При необходимости бери, сколько хочешь, есть избыток, наливай до краёв...

И всё бы было прекрасно, Миша, служи оно нашему человечеству на благо его. Но вся аккумулируемая энергия находится в руках одного человека, понимаешь, в руках маньяка. Люди, сотворившие эту работу, очевидно, уже все уничтожены и скорее всего оружием, которое сами же изобрели. Лучом, шаром или сгустком энергии.

Наша планета, Миша, поделена на квадраты до миллиметра. Вся информация, абсолютно вся электронная информация, считывается с поверхности планеты из космоса станциями слежения и от них невозможно что-либо скрыть. Практически одновременно с приёмом вся важная информация, выбранная бортовыми компьютерами орбитальных станций, передаётся на центральный компьютер нашей планеты. Миша, мы, делая записи, тем самым как бы исповедуемся электронному сторожу нашей планеты. Мысли, которые ты записываешь только для себя или самых близких, мгновенно становятся известны ему. Они обрабатываются, и определяется степень их опасности...

Шестой-бис помотал головой, прогоняя наваждение. Бред. Этого не может быть. В такое невозможно поверить. Он встал, прошёлся, побегал, сделал гимнастику, отгоняя от себя все мысли. Он совершенно не мог думать сейчас. Мозг будто отключился. От нервного перенапряжения он боялся потерять память. Он рванулся и побежал. Бежал, всё время наращивая темп бега. И огромная физическая нагрузка понемногу стала его успокаивать. Вернувшись назад, к кусту, он бросился на землю и мгновенно заснул. Сработала естественная защита, она, как предохранитель, защитила его разум от дальнейших чрезмерных перегрузок и этим спасла его.

Удивительно, но на этот раз ему ничего не приснилось, абсолютно ничего. Он, как младенец, проспал глубоким сном много часов и, проснувшись, дочитал записную книжку.

...Любой человек нашей планеты, сделав крамольную запись электронным способом, сам подписывает себе смертный приговор.

Помнишь, Миша, мы удивлялись с тобой, что резко возросли случаи поражения молниями? А всё очень просто. У каждого из нас свой персональный знак, и по нему с орбитальных станций прослеживается каждый наш шаг. Разницы нет, где ты находишься, в поле или стволе шахты, удар всегда достигает своей цели. На нашей планете нет помещений, которые бы не были снабжены электроэнергией, а это значит: мы все совершенно беззащитны. Нас могут поразить из любого распределителя, кабеля, энерговода. Беззащитны мы также и вне Центров и зон. Здесь удары следуют с орбитальных станций, которые кружат вокруг нашей планеты, словно стервятники в ожидании поживы. Все удары проводятся только энергией и выглядят настолько естественно, что не вызывают подозрений. Человек же, который что-либо заподозрил, мгновенно уничтожается.

Миша, дорогой, прости, что я затягиваю тебя в это дело, но я не закончил задуманное и надеюсь, ты продолжишь его. Я верю в тебя и чувствую, лучше тебя нет никого, кто бы мог поставить точку и освободить всех из сети. Я не смог точно установить, где находится центральный компьютер или человек, который им управляет, но уверен: он где-то в зоне нашего Центра.

Я сумел установить, что наш Центр прокачивает огромную массу энергии. Она поступает по лучам из космоса и по энерговодам, под поверхностью планеты, прокачивается дальше. Куда конкретно, мне установить не удалось. Очевидно, таких Центров, как наш, несколько и вся система энергообеспечения закольцована.

Благодаря информации из каналов связи, я пришёл к выводу, что команды в другие Центры поступают откуда-то из нашей зоны. Не из центра, Миша, а из зоны. Этот гениальный, но очень страшный человек находится где-то у нас под боком. И лучше тебя, Миша, определить место его нахождения никто не сможет. Меня, скорее всего, возьмут в клещи через утечку информации из каналов связи. Скрыть её мне вряд ли удастся, и поэтому я пишу на простой, старинной бумаге. Обнаружить её невозможно. Даже наши лучшие поисковики бессильны, и это придаёт мне уверенности. Сорвётся у меня, ты доведёшь дело до конца.

Миша, у меня осталось мало времени. Я готовил удар по берлоге, но, видно, не судьба. Если ты решишься на это дело, то можешь воспользоваться вещами, которые я готовил для себя. На последней странице нарисован план. Предполагаю, что берлога находится там. Честно сказать, я был не совсем уверен и боялся ударить в пустое, а теперь чувствую: упустил время. Меня очевидно высчитали.

Коротко описываю, что мне удалось приготовить:

От нашего дерева, строго на север, стоит одинокая берёза, ты ещё часто отдыхал под ней. С южной стороны, возле корней, отодвинь мох. Там ты найдёшь узелок. Над этими вещами я трудился больше года.

1. Одеяло. Его можно использовать только один раз. Щит от радаров. (не забудь его заземлить)

2. Теннисный мяч. Это энергобомба огромной разрушительной силы. В нём встроен простой часовой механизм, с ходом до тридцати часов. Обнаружить его не смогут, в нём нет электроники. На такую допотопную вещь, как механические часы, поисковики не настроены.

3. План местности.

Это всё. Прощай. Удачи тебе!

PS: Постарайся вернуться живым в Центр и назовись своим полным именем.

Антон Багров

Он лежал, как убитый. На него будто каменная глыба свалилась и придавила до полусмерти.

Антоша! Антоша! Он даже громко застонал от боли. Как дальше жить? Что делать? В один миг уничтожены все идеалы.

И он решил. «Я не могу иначе, я должен продолжить начатое Антоном дело». Фамилию Антоши, даже он, его лучший друг, раньше не знал. Все были пронумерованы. Безличны, как карточки в картотеке. Он это только сейчас понял и разозлился окончательно. Нет, я вам не карточка!..

Но что делать дальше?

В первую очередь - уничтожить книгу. Михаилу жаль было терять её, но риск был слишком велик. Книгу могли обнаружить, случайно наткнуться. И для него мгновенно наступил бы конец, а дело не было бы сделано. Он набрал немного сухой травы и хвороста, сложил пирамидкой и, сунув книгу в середину, зажёл своим знаком костёр. Он сидел на корточках у костра, как древние монахи у жертвенного огня, окаменев душой и телом.

Шестой-бис-Михаил мысленно дал клятву:

"Антон, я выполню твоё завещание!"

Весёлый ветер-разбойник лихо заигрывал с огнём, а Михаил, глядя на бегущие струи огня, был в мыслях уже далеко от этого места. Он был в дороге. Он искал берлогу.

...Михаил шёл пешком. Он руководствовался только своим, будто вновь народившимся первобытным чутьём.

Впереди, на горизонте, он увидел небольшую горку, вернее, покатый, большой холм (на него указал в своём плане Антон). Он уже порядочно времени потратил на изучение местности, передвигаясь по большому кругу вокруг Центра, но не по замкнутой кривой, а как бы постоянно пересекая её далеко влево и вправо.

Ещё раз внимательно оглядевшись, он решил: Антон прав. Берлога может быть только здесь. Другого такого удобного места во всей округе не сыскать. Не меняя своего направления движения, Михаил продолжил свой путь, постепенно удаляясь от холма. Он устал, очень устал. Сказывались отмерянные километры, а их было немало. Ночевать, как обычно, у костра он не захотел и, поразмыслив, Михаил решил зайти к старику.

Он знал старика давно. Ещё при первых своих прогулках совершенно случайно наткнулся на одиноко стоящую в лесу избушку. Остолбенева от неожиданности, он протёр глаза. Избушка стояла, словно нарисованная. Обойдя её кругом, он увидел сидящего на крыльчке и покуривающего смешную старинную трубку человека с огромной, почти до пояса бородой. Тот, с улыбкой смотрел на Михаила. Не поздоровавшись, незнакомец спросил: "Чаю хочешь?" Они глянули друг другу в глаза и весело рассмеялись. Просто так, без особой причины. Таким необычно началась их дружба.

Они никогда не говорили о своём прошлом или будущем. Оба получали удовольствие просто от того, что были рядом. Старик много рассказывал Михаилу про птиц, зверей. О том, что человечество много видов уже потеряло навсегда. Он также рассказал Михаилу, что построил избушку своими собственными руками, всю до последней планочки. В такое верилось с трудом, но Михаил верил каждому слову старика и только удивлялся его долготерпению и трудолюбию. Он бы не выдержал день за днём, досточку за досточкой обрабатывать, шлифовать. Он был человеком быстрых действий и движений. Общение с неторопливым стариком приносило Михаилу душевный покой. С ним он становился мягче, добрее.

Приближаясь к избушке, Михаил, к своему удивлению, не увидел старика. Тот обычно копошился во дворе, всегда что-нибудь мастерил, а сегодня его не было видно. Зайдя в избушку, Михаил увидел старика в постели, укутанным в громадное шерстяное одеяло. Старик часто шутил по поводу этого одеяла: оно, мол, намного старше меня самого, а видишь, служит. Как всегда, улыбнувшись Михаилу, старик сказал: "Не бойсь, я не умирать лёг, просто старые косточки иногда и прогреть нужно". Но выглядел он неважно, и Михаил принялся, несмотря на усталость, хлопотать по дому. Благо, у старика всегда было во многих склянках полно всяких трав и корней. Против всех недугов и болезней. Он принципиально никогда не принимал никаких химических препаратов, лечился сам и только природными средствами. Над чем Михаил частенько пошучивал: "Делаешь это ты из чистого упрямства!"

Старик, усмехаясь, отвечал: "Ну, доживёшь до моих лет, поумнеешь".

Старик тем временем коротко рассказал гостю про свои приключения. В погоне за очень редкой птицей он угодил под сильный ливень. Огонь разводить не захотел и вот наказание - простуда. И снимки не сумел сделать.

Старик в свободное от домашних хлопот время занимался фотоохотой. Коллекция его фотографий была уникальной, многие любители природы хотели бы иметь такой альбом, но он был отшельником и фотоснимки видел, пожалуй, лишь Михаил.

Приготовив крепкий отвар из травы, указанной ему стариком, Михаил подсел к нему. Глядя как тот мелкими глотками, смакуя, пьёт лечебное снадобье, Михаил решил ему всё рассказать. Всё до конца. Без утайки.

После рассказа они оба задумались, каждый о своём. Потом, неожиданно громко для Михаила, старик заговорил: "Я знал, знал, что у нас нечисто, но всегда молчал, хотел выжить. Ты первый человек, которому я это сказал".

Старик помолчал и ещё раз повторил: "Ты первый и последний человек, которому я открылся. Слушай меня внимательно. У тебя мало шансов подобраться к берлоге, практически нуль. Зато у меня они есть. Я уже много лет бегаю здесь за зверьём и птицами, и меня принимают за безвредного чудака, а то и за сумасшедшего. Именно это может нам помочь. Но у меня не хватит сил добраться до берлоги, да и в технике я не так силён, как ты. А я уверен, что ты прав в своих догадках. Логовище чудовища находится в самом холме или под ним. Предлагаю тебе поменяться знаками. Я пойду дальше с твоим знаком, как будто ты продолжаешь свой путь, а ты с моим знаком сможешь завершить своё, извини, наше дело. Ведь это не только твоё личное дело. Это всех нас касается. Понимаешь, всех!..

И ты, Миша, ещё об одном не подумал. Ты, наверняка, уже в «чёрной» памяти, а там не шутят, как ты знаешь. Ты не имеешь права рисковать. Давай переночуй у меня как всегда, а утром я пойду дальше вместо тебя. Ты же с моим знаком пойдёшь к холму".

Доводы старика были основательными и Михаил, скрепя сердце, согласился. Он ясно понял, на какой риск идёт старик вместе с ним. Можно сказать, что он уводит погоню, принимает удар на себя.

Утром они молча позавтракали, говорить не могли от боли друг за друга (оба знали на что идут). Крепко обнялись. По-старинному, уже давно не принятому обычаю, троекратно поцеловались, и старик отправился в свой, быть может, последний путь. Договорились встретиться, если всё пройдёт удачно, ровно через два дня в Центре. Время назначенной встречи было десять часов утра.

Отойдя от избушки несколько шагов, старик обернулся и помахал рукой. Да какой же он старик? Сейчас, побритый, без бороды, старик выглядел чуть старше Михаила. Вот тебе и старик. И Михаил громко спросил его:

"Скажи, как тебя зовут?"

Тот улыбнулся в ответ:

«А я думал, ты и не спросишь. Меня зовут Ганс Мертин. Бывай!"

И мерно, чуть сторбившись, он зашагал своей судьбе навстречу.

Михаил, глотая слёзы, смотрел ему вслед с крылечка, сделанного руками этого удивительного человека...

Вернувшись в избушку, он прибрал посуду. Пересмотрел Антошины вещи. Они были уложены в плотный металлический контейнер и спрятаны в поношенный, но ещё крепкий рюкзак. Этот рюкзак сопровождал Михаила во всех серьёзных походах. С ним он побывал на обоих полюсах и почти на всех высочайших пиках. Он суеверно считал, что рюкзак приносит ему удачу, может, и на этот раз его верный помощник и защитник отведёт от него беду. Аккуратно сложив всё обратно, и поставив рюкзак к двери, Михаил лёг, не раздеваясь, на стариковскую постель и накрылся его одеялом. Незаметно для себя он задремал и проспал крепким сном, без сновидений, несколько часов.

Проснувшись и глянув на часы, он понял: пора. Быстро собравшись, на скорую руку перекусив, отправился, быть может, тоже, как и его друзья, в свой последний путь.

Он шёл большими зигзагами. Делал частые остановки. Но понемногу приближался к холму. В погоне за чудной, хвостатой и громко кричащей птицей, полётом которой он умело управлял, заходя на неё с нужной стороны, он даже несколько раз пересёк холм. Но ничего подозрительного, бросающегося в глаза, обнаружить не смог. Неужели всё напрасно? Противная мелкая дрожь пробежала по всему телу. Так не пойдёт, нужно успокоиться. День подходил к концу. Солнце, разделённое пополам лёгким облачком, упёрлось боком в горизонт. Было тихо.

„Надо спускаться вниз, – решил Михаил, – слишком опасно, мне ещё нельзя рисковать. И в запасе ещё есть время“.

Спустившись к подножию холма, устроился в распадке на ночлег. Этой ночью он не сомкнул глаз, но ничего особенного увидеть или услышать ему не удалось. И только под утро, совсем недалеко от него, раздалось громкое шипение, притом настолько мощное, что он понял: это не зверь. Его словно озарило: вентиляторы! Такой шум могут производить только они. Он представил себе размеры вентиляторов. Такой шум могли производить только большие, громадные вентиляторы. А им нужны воздуховоды. Без них не обойтись. И шахты, ведь воздух может подаваться только по шахтам. А раз есть входные воздухозаборники, должен быть и выход для воздушных струй, и именно в выходных не будет турбин или вентиляторов. И скорее всего, они находятся где-то на вершине холма, для ровного оттока вверх прогретого, отработанного воздуха. Иначе быть не может. Он просто не смог их обнаружить, не зная, что нужно искать.

Продолжая лежать у почти потухшего костра, Михаил услышал, как заурчали, замолкая вентиляторы, и вскоре первые лучи солнца осветили землю. Утром он продолжил свои поиски, но теперь точно знал, где и что нужно искать.

Суматошно бегая за птицей, он забрался на самую вершину холма. Так и есть, три незаметных на первый взгляд бугра чётко бросились ему в глаза. Проходя мимо одного из них, он незаметно сорвал пару стебельков травы. Искусственные. Но как точно подобран цвет!.. Нет, он не подобран, на его глазах трава в его руке приобретала цвет его тела. Вот и весь секрет. Шахты закрываются в дневное время люками. А люки покрыты искусственной растительностью, которая постоянно подстраивается под цвет окружающей среды. Просто и надёжно. Можно пройти поверху, даже не поняв, что спрятано внизу. И ещё в одном повезло Михаилу. Эта смешная, хвостатая и громко кричащая птица, гнездилась, очевидно, где-то на вершине и он, наблюдая за ней, смог составить себе довольно точный план местности.

На ночлег остановился на старом месте. От него до вершины холма было немногим более километра. Открыв рюкзак, начал перебирать его содержимое. Много и ненужного было в нём. Да всё как-то жалко выбрасывать. На глаза ему попала катушка с кабелем. Обычно он использовал этот кабель в горах для подстраховки, что вообще-то было запрещено правилами. Для подстраховки были предназначены особые тросы с насечкой. Кабели же были гладкими и зажимы не всегда выдерживали нагрузку. Они проскальзывали. Но он знал их секрет. Кабели могли выдержать на разрыв немало тонн и, чуть проскользнув в зажиме, нагревались, и тут их заклинивало намертво. И тогда только разблокировка зажима могла освободить кабель.

Сколько же кабеля осталось на катушке? Михаил подсчитал в уме, сколько он израсходовал. Пожалуй, на то, что он задумал, остаётся с хорошим запасом.

Вынув из рюкзака одеяло и теннисный мяч, оторвал угол одеяла. Затем, прикрепив к нему длинный кабель, замотал в него мяч-бомбу. То же самое он проделал с одеялом, но только не обрезал кабель. Взяв катушку, он спустился к роднику и заклинил её под водой двумя камнями, но так, чтобы кабель мог свободно разматываться.

Было уже совсем темно и он, поглядев на часы, решил: пора. Положив знак старика на рюкзак, и отодвинув его подальше от костра, Михаил, плотно накрывшись одеялом, направился к вершине холма. Было около двенадцати ночи, а на часовом механизме бомбы он поставил отметку «десять». Через десять часов, если всё пройдет удачно, бомба, которая лежит у него сейчас в нагрудном кармане, должна разгладить этот проклятый холм.

Он медленно, осторожно поднимался к вершине и за ним, словно тонюсенькая змейка, тянулся наверх кабель. Забравшись на макушку холма, неподвижно застыл у края одного из бугров. Прошло немало времени. Наконец услышал шорох.

Это почти бесшумно открылись люки, и сразу же из них стал вырываться воздух. Скорчившись под одеялом, он подобрался поближе к шахте. Вынул из кармана мяч и разматал прикрепленный к лоскуту одеяла кабель. Второй, тоже очищенный от изоляции конец кабеля, протянув руку, крепко примотал к какому-то штифту внутри бортовой рамы и замер так, дожидаясь, когда поток выбрасываемого воздуха остановится. Постепенно шипение стало затихать. Михаил, взяв в руку мяч, вытянул её над шахтой. Он отпустил мяч, а кабель взял между пальцами и тот стал вытекать через них, нагревая руку. Наконец почувствовал, что кабель провис. Всё. Все сто метров. Бомба легла ниже подножия холма и при взрыве его не станет.

Спустившись с холма и взяв катушку в руки, смотал кабель и сложил всё в рюкзак. Стало рассветать. Было пять часов утра.

"Мне осталось пять часов, – подумал он, – за это время я должен добраться до Центра".

Он обошёл Центр по большому кругу, но старика нигде не было видно.

"И даже его могилу я, наверное, никогда не смогу найти".

Он не смог удержать слёз. Старик оказался прав. Будь Михаил на его месте он, очевидно, не дошёл бы до холма.

Вдруг какой-то утробный, глухой, но невиданной силы взрыв придавил Михаила к земле. Он лежал и плакал. Плакал громко, навзрыд, как ребёнок, не стесняясь своих слёз. Плакал от радости и горя одновременно.

Они втроем: Антон Багров, Ганс Мертин, Михаил Сейсембаев прорвали сеть!

Вдруг внимание привлёк какой-то шум со стороны Центра. Он встал и медленно пошёл в его сторону. Весь массивный купол над Центром стал распадаться на части. "Неужели взрыв достал по штольням и Центр"? – подумал он. Приглядевшись внимательнее, он увидел, что купол не распадается, не разваливается, а раскрывается подобно огромному бутону. Лепестки плавно и мягко ложились на землю, образуя своего рода пандусы, по которым можно было подойти или подъехать прямо к открывшемуся ажурному зданию-полушару. Огромный, сотканный из множества ячеек, похожих издали на пчелиные соты, полушар этот выглядел совсем иначе, чем прежде. Как-то воздушно-невесомо, не по земному.

Поднимаясь по одному из пандусов вверх, Михаил увидел, что навстречу ему выходят люди, а над зданием лёгкой змейкой унеслось небольшое чёрное

облачко дыма. Он остановился перед группой людей. Все они молча смотрели на него. Поднял руку, как бы прося внимания, и громко сказал: "Я Михаил Сейсембаев" (сделать это просил его в своей записи Антоша).

От группы отделился высокий, пожилой, совершенно седой, как лунь, мужчина. Он также, как и Михаил, поднял руку и громко сказал: "Я Альберт Курц".

За ним следом и остальные стали повторять:

"Я..."

"Я..."

"Я..."

Михаил и Альберт крепко обнялись и Альберт сказал:

"Да, Шестой-бис, то бишь Михаил, я тебя уже очень давно знаю".

Михаил удивлённо раскрыл глаза. Откуда мог совершенно незнакомый ему человек знать его? Альберт ещё раз повторил:

"Да-да, я знаю тебя уже много лет".

Он взял Михаила под руку:

"Пойдём ко мне, нам надо с тобой о многом поговорить".

Проходя через большой зал с огромными настенными мониторами и пультами управления, Михаил обратил внимание на непрерывно бегущую запись на одном из них: „Всех уничтожить... Всех уничтожить... Всех уничтожить...“

Альберт, увидев, что он заинтересованно смотрит на монитор, обнял его за плечи и сказал ему:

"Миша, благодаря тебе, эта команда осталась невыполненной. Спасибо тебе. Это твоя работа. А эта запись должна остаться здесь навечно, как память о страшных днях и годах. И как память об игре. Неумной злой игре..."

Михаил вопросительно посмотрел на Альберта. Тот в ответ печально улыбнулся: "Потерпи. Я всё расскажу тебе".

Рассказ свой Альберт Курц начал издали, хмурясь и время от времени замолкая.

„Я попал в этот Центр много лет назад. Мы создали его своей группой энтузиастов. Но лучше я начну свой рассказ с самого начала, чтобы ты всё понял. Прими это, пожалуйста, как мою исповедь.

Мы, большая группа, энергичных, способных свернуть горы, молодых людей, занялись проблемами энергоносителей. До нас наши предки сумели настолько загадить и закоптить планету различными отбросами и выбросами, что вопрос выжить или не выжить человечеству без больших непредсказуемых потерь стоял очень остро. Мнений, как решать эту проблему, было множество, а ещё больше идей. Я не хочу отвлекаться, и буду говорить только о работе нашей группы. Мы пошли по совершенно новому пути. Отбросили все старые догмы и понятия об энергоносителях. Зачем сжигать? Зачем расщеплять? И тем самым ещё больше загаживать... Поставили себе один, но главный вопрос. Какую энергию мы имеем и можем использовать безболезненно для будущего и настоящего? Ответ поразил нас всех своей простотой. Море, огромное море и даже океан энергии у нас идёт на распыл.

Вначале эта идея показалась нам абсурдной, настолько простой она была. А потом, решив всё же проверить насколько верен этот путь, мы запросили информацию из банков данных. Ребята были ошеломлены результатами. Никто, ещё никто до нас серьёзно не занимался этим. Были разрозненные

изыскания в этой области, которые по неизвестным причинам тихо-мирно попадали под стекло и там умирали, словно их никогда и не было.

Обработывая полученные данные, мы установили следующее. Все молнии на каждом континенте имеют своё излюбленное место. Девяносто процентов всех грозовых разрядов приходилось всего на несколько квадратных километров и находилось это место, как правило, где-нибудь на плоскогорье.

Но даже аккумулируя только часть этой энергии, можно было полностью остановить процесс сжигания или разложения и расщепления энергоносителей. Так возник наш Центр. Мы сами создали его архитектуру и построили его практически собственными руками. Расположили его недалеко от мест грозовых ударов, но естественно, в безопасной зоне. По данным статистики, в этом месте ни разу не разряжалась ни одна молния. Для страховки всё же был построен дополнительный купол. А основная электронная аппаратура была нами помещена под одиноким холмом, который был связан с Центром несколькими штольнями. Для охлаждения и вентиляции прорубили вертикальные шахты. Наш энтузиазм не знал границ. Мы все, как один, верили в нашу идею и работали словно одержимые. Улавливающие и излучающие станции мы разместили на окружающих нас горных пиках.

С аккумулированием улавливаемой энергии у нас проблем не было вообще. Порывшись в электронных архивах, наши ребята установили, что уже много лет тому назад, на одном из наших безжизненных трабантов были обнаружены небольшие резервуары обыкновенной энергии.

Транспортировать её тогда ещё не умели и этой уникальной находке не придали значения. А может, и с умыслом упрятали в дальний угол. Слишком ещё могущественны были тогда всевозможные концерны, торгующие нефтью и другим горючим сырьём.

Транспортировать энергию мы тоже уже могли при помощи лучей. Всё складывалось удачно. Мы были практически у цели, когда началась полоса неудач. Штормом сорвало несколько станций с вершин. По не установленным причинам вышли из строя некоторые орбитальные станции. Да и наши материальные ресурсы были на исходе. Ребята стали нервничать. В группе появились даже разногласия. Что делать дальше? Ведь результата ещё нет. А, может быть, мы на неверном пути? Как назло, в самую тяжёлую для нас минуту нам прекратили поставку энергии. Нам открыто обламывали наши молодые рога. И кто? Самые могущественные в нашем мире. Монополисты энергоносителей. Они не желали лишаться власти над планетой.

Терять нам было нечего. На аварийных генераторах мы запустили всю нашу систему. Первый грозовой разряд пошёл в уловитель. Все замерли на смотровой площадке, ожидая грома и удара, но ничего не случилось. Ничего. Мёртвая тишина. И вдруг за нашей спиной ожил наш Центр.

Посаженный на самый скудный энергетический паёк, он освещался только аварийными светильниками. А тут засверкал всеми своими сверхмощными прожекторами, заливая всю округу ярким дневным светом. Мы не верили своим глазам. Один уловленный заряд молнии оживил всю нашу, ещё ни разу не опробованную систему. Разряд, принятый уловителем, был отправлен при помощи луча на орбитальную станцию, оттуда – на Трабант для аккумулирования. А уже из энергоёма необходимая энергия поступила через промежуточные станции к нам в Центр. Мы плясали, мы орали и пели. "Мы победили. Наша взяла. Ура! Ура! Ура! Наша взяла..."

Мы стали обладателями такого количества энергии, что могли бы снабдить ею всю планету. Но это в будущем, а пока было море работы. Да, работы было

невпроворот. Мелких неполадок хватало с избытком. Не желая раньше времени раскрывать себя, мы на самых малых мощностях накачивали в резервуары энергию и набирались опыта. Пошла обыденная сменная, нудная работа.

Управлять всем процессом улавливания, транспортировки, хранения и распределения энергии человек практически никогда бы не смог и поэтому состыковывалось всё больше электронных блоков. Образовался так называемый компьютерный мозг новой невидимой энергетической системы планеты. Оператор задавал только общие команды, а мозг перенимал всю дальнейшую тончайшую работу, намного опережая разряды. Творческая, изобретательская работа кончилась, и некоторые наши ребята заскучили. Стали маяться от безделья. На горе всех, один из нас занялся игрой с компьютером. Очень опасной игрой.

Этим игроком, Михаил, был я, Альберт Курц...“

Альберт тяжело поднялся со своего высокого кресла. Сделав несколько шагов, он обернулся к Михаилу и сказал:

"Михаил, поверь, я столько раз проклял себя за такое легкомыслие, но ничего уже не мог изменить. Я стал рабом своей собственной игры".

Он снова сел напротив Михаила, сжав руками, как тисками, голову и продолжил свой рассказ.

„...Работы во время дежурств не было никакой, нужно было только следить за приборами. Я неплохо играл в шахматы и решил создать совершенно новую игру с мозгом. Игра началась с мелочи. Выбрав точку на планете, я условно поражаю её ударом энергии. Позднее, войдя в азарт, я начал пробовать в действительности наносить удары. Мне было интересно смотреть, как по моему приказу где-нибудь на другом краю планеты факелом вспыхивало дерево.

Я стал вводить в память мозга всё новые и новые правила, усложняя этим игру. Я выдумывал несуществующего врага даже среди своих ребят и условно сбрасывал их с поля, как в шахматной игре. И настолько увлёкся, что переступил черту дозволенного. Никому из моих коллег и в голову не приходило когда-нибудь проконтролировать меня.

Я стал доверять мозгу самому проводить операции по ликвидации условного врага и даже определять исходящую от него опасность. Опасность просчитывалась по заранее заданным мною критериям.

В самом начале игры я пронумеровал всех. Для простоты игры. Мне было даже смешно смотреть, когда нам предложили носить знаки. Во, даёт! Мозг уже и сам проявляет инициативу, и я стал его ещё больше подпитывать различными идеями... Короче говоря, со временем я передал мозгу всю инициативу нашей игры, оставив себе роль наблюдателя. Я потерял чувство времени, был одурманен интеллектом электронного мозга. Так, вольно или невольно, стал врагом себе и человечеству...

Проведя эту, так называемую, рокировку, я, став за спиной мозга и передав ему всю игру, вывёл его автоматически из игровой фазы.

И так просто, как оно иногда бывает, электроника сыграла злую шутку.

Правила заданы. Задача ясна. Приказ есть.

Электронный мозг заблокировался и зажил своей жизнью. Необратимый процесс пришёл в действие. Мозг стал "Первым". А я – лишь его дублем. Я стал лихорадочно искать выход. Пытался в одиночку сразиться с настоящим врагом. Поздно. Как предупреждение, погиб мой коллега. А я, вместо того, чтобы покаяться моим друзьям, запаниковал, стал делать одну ошибку за

другой. Рядом со мной, на моих глазах стали гибнуть люди. Для мозга я ещё оставался неприкасаем, но при малейшей попытке что-либо предпринять, меня наказывали гибелью другого. Я замер. Затих. Умер. Наступило страшное затишье...

Правила игры я придумывал сам и знал, что мозг их перерабатывает, совершенствует и мне за ним не угнаться. Со скоростью его оперирования я, безусловно, соперничать не мог. Надо было смотреть в корень игры, в самое начало. Только там у меня был шанс найти уязвимое, незащищенное место. Ахиллесову пяту. К тому же, я уже не мог с кем-то поделиться своим горем, своими мыслями, не подвергая его смертельной опасности. И погибнуть или покончить с собой я не имел права. Я должен был, обязан был выжить и не только выжить, но и победить.

В первых своих играх с мозгом я ввёл правило капитуляции. И после каждой победы над условным врагом отключал игру. Можно сказать, что погибал сам. Электронный мозг, после подачи приказа общего уничтожения должен в любом случае отключиться. Не пойдёт... Отключение произойдёт лишь после полного уничтожения персонала и дополнительного контроля о выполнении команды. Так рисковать я не мог.

По системе энергоснабжения я не мог уже практически ничего предпринять. Мозг контролировал, благодаря мне, всё. Если бы и удалось уничтожить одну линию подачи энергии или даже одновременно несколько, то в запасе всегда остались бы аварийные аккумуляторы. А им мощности не занимать.

Мне оставался только один, самый простой, но верный старинный способ. Уничтожить мозг физически. Взорвать или сжечь. Сжечь его было очень сложно. Мы сами при строительстве Центра предприняли все меры предосторожности против пожаров. Все штольни при возникновении опасности моментально блокировались несгораемыми задвижками. А вход в компьютерный зал под холмом для персонала был уже давно закрыт. Всё техническое обслуживание и устранение неполадок проводили роботы.

Уничтожить взрывом? Да! Против взрыва не было предпринято никаких контрмер. Значит, для меня оставался один единственный шанс. Взрывом уничтожить мозг. Но как?

Каким способом? Не пойдёшь же с бомбой в руках в атаку на мозг! Да мне лично мозг никогда не позволил бы сделать даже шага.

Я стал присматриваться к персоналу и будто только проснулся. Столько новых, незнакомых мне людей работало у нас. А я и вправду жил, как слепой. В глаза мне бросились двое приятелей. Были они совершенно разные. По возрасту, да и по интересам. Один из них, тот что был помоложе, всё рвался на природу, а тот, что постарше, предпочитал сидячую, умственную работу. И я сделал свой выбор».

Альберт снова встал и, глядя в упор на Михаила, продолжил:

"А дальше ты уже всё знаешь. Незаметно для Антона я проинформировал, насколько мог, его, а он – тебя. И все вместе мы исправили мою неумную и такую страшную ошибку..."

Михаил сидел в полной растерянности. Перед ним, ссутулившись, стоял его самый страшный враг, но ненависти к нему он не чувствовал.

А ведь по его вине погибло столько замечательных людей! Лучшие из лучших, именно те, которые оказывали или просто пытались оказать сопротивление насилию электроники над человечеством.

Михаил медленно поднялся и подошёл к Альберту. Со всей силой, которая была у него, обнял того, как бы говоря этим:

„Я за тебя. Я люблю тебя. Мне жаль тебя и ...я преклоняюсь перед тобой!“

Они долго стояли так, слившись воедино, а затем Альберт тихо, почти шёпотом сказал:

"А теперь, Михаил, мне предстоит сделать самое тяжёлое в моей жизни. Я открытым текстом и сам лично обращусь ко всему миру с просьбой о прощении. Сам себя я никогда простить не смогу за совершенное мною, а люди, может, поймут меня и простят. Прячась и скрываясь, жить я никогда не смогу. Пусть на моих ошибках учатся другие. Пусть мой пример будет уроком для будущего. Всем последующим поколениям..."

Михаил всё также крепко обнимал Альберта, он словно хотел отдать тому всю свою энергию, силу, чтобы поддержать его. Михаил был уверен, что он бы не сумел сделать последний шаг. Чтобы открыто отдаться на всеобщий суд, нужна сила. Да ещё какая. На такое пойдёт далеко не каждый.

Альберт, глядя Михаилу в глаза, тихо, но внятно произнёс:

"Миша, ты за меня не бойся. Сильнее, чем я уже наказан, меня никто наказать не может!"

Три дороги

(повесть из трёх новелл: Иван – Роман – Полина)

Иван (первая новелла)

Ваня рос послушным, спокойным ребёнком. Родители своим первенцем были довольны. В детском садике воспитатели также не могли нарадоваться. Ванюша был образцом для всех соседских малышей. Правда, случались и с ним приключения, но от доброты душевной, а не по злему умыслу.

Построил он как-то со своим дружкой Ромой печь для того, чтобы испечь для всех свежего хлеба, да не на том месте, где надо. Легко дёргалось сено из только что сложенной скирды. Старый негодный жестяной лист удобно уложили в вырытой норе. Глиняные кирпичики тоже красиво встали в ряд по листу. Под ним, свернувшись в рулончик, легла береста, а спички были приготовлены загодя. Пока береста не разгорелась, малыши, лёжа на животе, старательно дули в обе щеки. Испуганно отпрянули лишь тогда, когда огонь, как большая птица, метнулся вверх. Пламя, опалив ресницы Вани, который был, как всегда, старательнее своего дружка, лизнуло лицо. С рёвом бросились по своим домам. А стог вспыхнул огромным факелом.

На пожар в селах не приглашают. Выручать из беды бегут все, кто может чем-либо помочь. Отстоять смогли лишь дом и летнюю кухню. Сарай, дрова, сено и весь кормовой запас для скота и птицы сгорели дотла. Прибежавшая с работы мать в первую очередь бросилась искать сына. Спросила у насмерть перепуганной свекрови, прилегшей всего на минутку в летней кухне на лавку отдохнуть, не забрал ли отец малыша с собой. Старушка лишь отрицательно покачала головой. Она точно знала, что сын ещё не приезжал обедать.

Забеспокоились и соседи. Вся присутствующая детвора была мгновенно допрошена. Ваню с Ромой никто не видел. Совсем по-другому взглянули люди на обугленные остатки стен сарая. Нехорошая, мрачная тишина наступила во дворе и на улице. Никто не отважился первым сказать, что останки малышкой нужно искать под тлеющими углями. Из оцепенения всех вывёл стук двери дома. Ваня с зарёванным лицом удивлённо оглядывал заполненный чужими людьми двор. Мать подхватила сына на руки:

– А где Рома? – спросила она.

– Домой усол.

Рому в доме не нашли. Стали обыскивать все соседские сараи, но без результата. Кто-то из взрослых вспомнил, что малышки во время игры в прятки забирались иногда в погреб, который находился в стороне от дома. Там, под лестницей, и нашли зарёванного малыша.

Горе имеет много лиц, а счастье только одно. По-настоящему счастливое лицо можно видеть, но описать словами его невозможно. Нет таких слов, выражающих всё, что можно увидеть на счастливом лице. Не только лица матерей, но и лица людей во дворе расцвели, ожили. Все были рады счастливому исходу, а Ваня из-за спины матери осторожно глянул на свою бабушку. Та, вся в слезах, молча погрозила любимцу пальцем.

Отец умер, когда Ивану ещё и десяти не исполнилось. Остался мальчишка за мужчину в доме. Мастерить по дому и хозяйству учился у бабушки, потому что

маме всегда было некогда. На пару справлялись со всем. Бабушка косила сено, а внук ворошил и складывал копны. Бабушка с соседскими мужиками привозила из лесу дрова, а подросток Ваня пилил, колол и складывал в поленицы. Школу закончил не плохо, но не знал, куда податься дальше. Мать уговорила пойти по её стопам. Подал документы в медицинский институт. Не повезло ему, как он тайно признался своему ближайшему другу Ромке. Прошёл по конкурсу по причине, что парней в их наборе явно не хватало. На третьем курсе, поняв, что резать живого человека никогда не сможет, учёбу прервал. От военкомата получил направление на курсы шоферов. Закончил. Ушёл в армию. На службе повезло. Постоянно был в командировках. Исколесил почти всю страну.

За время службы многое изменилось в семье. Умерла бабушка. Мать, которой предложили хорошо оплачиваемое место в районной клинике и большую квартиру со всеми удобствами, переехала из села в центр. Любимая девушка, не дождавшись его, вышла замуж. С родной деревней контакты прервались.

Иван после демобилизации поселился у матери, в специально для него обставленной комнате. Роман, друг детства, уговорил пойти в местную автобазу шофером. Работа пришлась по душе, вечно в командировках, отличались они от армейских лишь тем, что ездил теперь не на поездах, а за рулём автомобиля. Учёбу продолжил заочно, но теперь выбрал технический профиль. Бежали годы. Мать постоянно донимала, мол, жениться давно пора, а то и внуков не увижу. Отшучивался как мог, но мать, поняв, что инициативы от сына в этом вопросе не дождёшься, решила действовать по-своему. Молодой врач, правая рука матери, всё чаще, как бы случайно, оказывалась в доме именно тогда, когда Иван приезжал домой. Подружились. Вскоре сыграли и свадьбу. Ивану после, защиты диплома, предложили хорошо оплачиваемую должность инженера в управлении предприятия, где он проработал уже больше трёх лет водителем. Сын с дочерью тоже не заставили себя долго ждать. Жизнь потекла, словно спокойная тихая река.

Ритм нарушился в одной из очередных командировок. Была инспекторская проверка мобильных автоколонн, отправленных на время уборки урожая в одну из дальних областей. Обычная поездка. Ничего особенного. Обрадовался встрече с Романом. Тот, после того как все официальные дела были оформлены соответствующим образом и запротоколированы, пригласил на свой так называемый день рождения. Знал Иван, что Роман постоянно пользуется в командировках этим трюком, но отказать было неудобно, как-никак друзья детства и не один котелок каши уже съели вместе.

Роману помогли накрыть богатый стол хозяева, у которых он поселился на время командировки. Компания собралась не маленькая. Выпили и поели на славу. Когда пир был уже в полном разгаре, в дверях появилась невысокая, худенькая женщина. Виновник мнимого торжества мигом оказался рядом с ней.

– Позвольте представить, это друг моего детства Иван Кланг, а это Полиночка, мой самый близкий человек!

Эти слова Иван слышал от Романа уже множество раз. Он внимательно оглядел очередную жертву своего друга Дон-Жуана и, замороженный, быстро отвёл глаза в сторону. В этот момент кто-то из выбирающихся из-за стола гостей задел плечом женщину и толкнул её на Ивана. Чтобы не дать ей упасть, он обхватил её за талию, и они оказались вплотную прижатыми друг к другу.

– Укол? Ожог? Спазм сердца и души?

Если в этот момент Ивану задали бы эти вопросы, он на каждый из них ответил бы утвердительно. Короткое, но тесное прикосновение женщины вызвало такой бурный всплеск чувств, что он даже не нашёл слов для обычного комплимента. Ответил на приветствие поклоном.

Вечер взорвал, как взрывной заряд замедленного действия, всю жизнь. Враз разладилось всё. Через полгода, не выдержав душевных мук, съездил, тайно от жены, в тот отдалённый посёлок, где ему судьба подстроила ловушку. В школе ему сказали, что молодая приезжая учительница взяла расчёт и уехала. Попытался узнать о Полине у Романа. Тот лишь рассмеялся в ответ: «Ты что, совсем чокнутый? Откуда мне знать, куда она делась? Не могу же я, как бухгалтер, картотеку на всех этих глупышек заводить. Меня же моя благоверная со свету сживёт».

Иван запил. Запил так, как делал всё в своей жизни - всерьёз, несмотря на все старания матери и жены отвадить его от дурманящего зелья. Жизнь покатила по наклонной. Спасли дети. Не ругались они, как супруга и мать, а только смотрели заплаканными глазами на отца, когда он пьяный приползал домой. Как-то утром, после очередной пьянки, дочь забралась к нему в кровать и спросила, почему отец не любит её и братика. Вопрос был поставлен по-детски в лоб и ответить на него - непросто. Действительно, в чём виноваты дети? А ведь страдают больше всех.

Характер у Ивана был. Умел он обуздывать, убивать свои чувства. Внешне жизнь опять наладилась. Дети росли. Умерла мать. Отпустила, притупилась со временем и душевная боль.

В стране наступил хаос. Собранные по крупицам сбережения в одну ночь превратились в бесполезную бумагу. Жена уговаривала уехать в Германию. Подросшие дети в один голос проголосовали за отъезд. В сборах и беготне с бумагами прошло ещё пару лет, за время которых все убедились в том, что сделали правильный выбор. В новой стране тоже не всё было поначалу так, как они себе представляли. Помог Роман, который уже больше пяти лет проживал в Германии, притом помог не только советами, но и делом. Бегал с ними по учреждениям. Помог найти квартиру. Посоветовал не бросаться на первую попавшуюся работу, а защитить дипломы. Труда и нервов потратили немало, но всё окупилось. Жена получила место в одной из клиник, а Ивану удалось устроиться в фирму, в которой его знание двух языков оказалось решающим. Часто стал ездить в командировки. Всё наладилось. По выходным, выпадающие не часто, ездил с Романом на рыбалку. Вспоминали детство, юность.

Как-то поздно вечером пришёл сосед и попросил помощи. Рассказал, что у одного из его родственников умерла сестра. Похороны – это не свадьба. Нужно ехать. Иван был в отпуске и, зная о «куриной слепоте» пожилого соседа и о том, что ехать нужно более восьмисот километров, согласился ему помочь. Выехали ночью и успели как раз вовремя. Возле открытого гроба стояли ближайшие родственники. Молодая женщина, стоявшая в самом изголовье, привлекла внимание Ивана. Он всмотрелся внимательнее:

«Полина?! Этого не может быть!»

Взглянув на гроб, вздрогнул. Окаменел, сцепив руки. Лицо Полины, обрамлённое белоснежной кружевной кипенью выглядело так, будто она только что уснула и видит приятный спокойный сон.

Прошло немало времени, пока Иван решился ещё раз взглянуть на заплаканную женщину у изголовья гроба. Она, очевидно, почувствовав взгляд, подняла голову.

– Как она похожа на мать, только глаза другие!

Домой ехал, как в трансе, руки держали руль, а мысленно был всё ещё возле Полины. Не совершил аварии только потому, что имел большой шоферской опыт. Все маневры проделывал автоматически. Сосед несколько раз пытался разговорить его, но, поняв по несуразным ответам, что Иван не слушает его, тоже замолчал.

На другой день пришёл Роман. Расспросил о поездке. Иван, воспользовавшись отсутствием жены, спросил у друга, не помнит ли он девушку-учительницу, присутствовавшей на импровизированном, как всегда в командировке, дне рождения.

– Момент! Ты не о Полине ли спрашиваешь? Знаешь, я даже переспать сумел тогда с этой простушкой, – и довольная улыбка озарила лицо Романа.

– А ведь точно! Романа глаза у дочери Полины!

Совершенно другими глазами глянул Иван теперь на уже бывшего друга:

– Как можно так жить?

Роман (вторая новелла)

Роман родился в безбедной семье. Отец, Кидэ Соломонович, имел небольшой оклад, но доходное место работы. Мать, Евдокия Ивановна, работала на местном молокозаводе лаборантом.

Лесники были всегда, как бы не от мира сего, а лесник Кидэ Асиарф отличался от всех ещё и тем, что прямо-таки одержимо любил не только лес, но и пчёл. Даже в неурожайные годы, когда медосбора не было совсем, пчёлы у него не сидели на голодном пайке. Получали в подкормки именно столько, сколько требовалось, чтобы перезимовать. У запасливого мужика всегда стояло в кладовке несколько фляг с мёдом и пара мешков с сахаром. Дети лесника тоже не были обделены сладостями. Пили не только навар из сушеного шиповника, но и чай с мёдом и сахаром, в отличие от многих соседских детишек. Не только мёд приносил достаток в дом, но и лес. Кто не топил в холодное время печи? Таких нет, а значит, лесник автоматически становится всеми уважаемым человеком на селе. Начальство в районе, то есть далеко, а с охранником леса всегда можно договориться полюбовно. Например, за барашка или несколько литров водки загрузить кузов грузовика сухостоем, а то и осиновыми и берёзовыми стволами для постройки дома. Сено тоже нужно всем. А где его взять? Опять идут люди с поклоном к леснику. Поляны трактором не выкосишь, а значит, они в сенокосных планах не числятся. Опять же до полянки в глубине леса на автомобиле не доберёшься, а частник на мотоцикле с коляской запросто. Но лесник видит всё и с ним терять дружбу никто не хочет, поэтому держит крестьянин всегда наготове подарок для нужного человека.

Место лаборанта молокозавода – тоже не из последних на селе. Анализ молока дело тонкое. Жирность его определяется в процентном отношении не только целыми единицами. С одного литра при ошибке на одну десятую процента немного масла наберёшь. А с нескольких тысяч? Если регулярно ошибаться на несколько десятых процента при приёме многих тонн молока, то излишек масла растёт не по месяцам, а по дням. Этим неучтённым маслом можно

смазывать все нужные управленческие рычаги не только местного значения, но и районного и даже областного. Евдокия своё дело знала хорошо и недостатки продукции не допускала, а излишки, в виде сметаны и сливочного масла, служили своего рода неофициальным премиальным фондом для руководства. Лаборантка, естественно, не теряла чувства меры и именно поэтому директор маслозавода и мастер производства были ею довольны и никому не разрешали её обижать.

Семья Кидэ и Евдокии Асиарф жила за высоким забором в большом, просторном доме. Члены семьи имели всё необходимое и нужды никто ни в чём не знал. Первый мопед на селе появился именно в их дворе. Все соседские мальчишки бегали за Ромкой по пятам, но разрешение прокатиться на блестящем лаком и никелем чуде получал лишь лучший дружок Ваня.

Отец не смог передать Роману любовь к крылатым труженицам, но кое-что всё же сын от отца перенял. Гены – вещь серьёзная. Пусть и запоздало, но всегда в какой-либо форме проявятся. Роман, ещё мальчишкой, когда ездили в лес по ягоды и грибы, никогда не возвращался домой с пустым лукошком. К ягодам был равнодушен, а грибы – его страсть. Умел он с первого взгляда по загнутому краешку безошибочно определить, что именно под этим упавшим листом прячется свежий грибок.

Жил свободно и весело – не прошлым или будущим, а настоящим. Проходимцем назвать Романа нельзя было, но всерьёз он ничего не принимал. Глубокий, философский анализ о том, что происходит с ним и окружающими не проводил. Он брал от жизни всё так, как в лесу грибы: «Нашёл. Нравится. Моё. Съем.». В десятом классе сумел заморочить голову молодой приезжей учительнице до такой степени, что та, не зная, как отвязаться от настырного ухажёра, вызвала его родителей в школу для серьёзного разговора. Лучше бы она этого не делала. По селу поползли, словно черви, сплетни. Роман ходил с высоко поднятой головой, а его жертва, не выдержав, упаковала чемоданы.

Как сумел физически, и психически здоровый парень отвертеться от призыва в армию, осталось загадкой. Права водителя автомобиля получил раньше всех своих сверстников. Высокое начальство любит дальние точки. Здесь можно, как говорят, выпустить свинью. Кидэ Асиарф умел организовать хорошую охоту со всеми необходимыми приложениями, то есть пьянками, а сын, водитель служебного «Газика», был ему первым помощником. Так уж получилось, что пришёлся услужливый сын лесника одному из начальников по душе. Роману предложили место водителя в центре. Кто откажется от такого, тем более и удобная квартира полагается шофёру большого начальника.

Пошла весёлая жизнь. Командировки, поездки, разъезды по всей области, а в свободное время автомобиль в личном распоряжении. Вози по вечерам и ночам пассажиров и зарабатывай левые денежки, кто же из автоинспекторов отважится остановить для проверки документов персональный автомобиль большой «шишки»?! Свобода в поступках до хорошего, как правило, не доводит. Заносчивым стал Роман, как с живыми игрушками, обращался с девушками, которые попадались на его крючок. Всех его, так сказать, дружески-любовных приключений перечислить невозможно. Он и сам их не помнил. Как ни странно, но липли к нему не только легкомысленные особы, но даже и серьёзные девушки нередко попадались в невидимую, искусно выстроенную из шуток и прибауток, лестных слов и комплиментов, паутину.

Потерял осторожность Роман. Сумел уговорить дочь своего шефа, которая только вернулась домой с курорта, прокатиться за город. По привычке, не откладывая дела на завтра, приступил к делу, и, на удивление, не встретил

никакого сопротивления. Откуда было знать ему, что теперь не он, а кто-то другой, более опытный, расставил сети.

Через несколько месяцев Романа поставили в известность, что он скоро станет отцом. Бежать некуда, пришлось жениться. Догадался бравый Дон-Жуан, что подкинули ему сыночка-кукушонка, но не хватило силы воли бросить всё и бежать без оглядки от сытой кормушки.

Жена оказалась на редкость волевой женщиной и проказы своего муженька пресекала со всей строгостью: после установления фактов вольного поведения мужа, принимала серьёзные контрмеры. Единственное место, где он ещё мог порезвиться, были командировки. Там он отводил душу. Правда, не всегда удачно. Всё чаще случались неприятные проколы. К великой досаде иссякала, пропадала временами куда-то мужская энергия. Человек, как аккумулятор, успокаивал он себя, заряжусь со временем новой энергией. Время бежало, а жизненный аккумулятор заряжался всё хуже. Мечты не всегда превращаются в быль, пришёл к выводу поизносившийся мужчина.

Остепенился Роман Кидэвич. Обзавёлся солидным животиком. Успокоился по женской части и в Германию уехал, с женой и единственным сыном, как образцовый отец семейства.

При встрече с другом детства, на вопрос Ивана, не проказничает ли он и в вольной Германии, со смешком сказал, что хаусмайстер* должность хорошая, но, к сожалению, не разъездная.

Слукавил бывший сердцеед. Не всю правду сказал другу, а вернее сказать, неправду. Не хватило смелости у Романа признаться, что растратил он силушку, разбросал бездумно и глупо по миру. Не сделала судьба ему подарок – так и не узнал он, что есть у него не только родная по крови дочь, но и внуки.

Полина (третья новелла)

Полина была первенцем в многодетной семье Корельн. Переехали они с северного Урала в Казахстан в самом начале освоения целинных земель. Поселилась семья новосёлов в крохотной землянке на окраине небольшой деревушки, которая была основана ещё во времена раскулачивания в западных регионах новой империи. Родители ни с кем из старожилов села дружбу не заводили. По селу роились различные слухи о главе семейства и его спутницу жизни. Пара была и вправду странная.

Глава семьи, Роберт Корельн, устроился на низкооплачиваемую работу сторожем на нефтебазу. Невысокого роста. Крепыш. Нелюдимый до неприличия, он никогда ни с кем не вступал в контакты. Но начальство сторожем было довольно. Непьющий мужчина, некурящий, две здоровенные собаки всегда при нём. Лучшей охраны и придумать нельзя. Пробовали пару раз проверить, спит ли нелюдимый охранник по ночам. Отделались контролёры не просто разодранными штанами. Пришлось одного из них срочно увозить в соседнее село, где врач-хирург обработал следы собачьих зубов и зашил несколько рваных ран.

На следующий день после чрезвычайного происшествия появился на нефтебазе местный участковый уполномоченный милиции. Дал команду, чтобы немедленно доставили ночного сторожа. Роберт, без громких слов и оправданий, повёл блюстителя порядка мимо огромных цистерн с горючим к тыльной стороне нефтебазы. Участковый понял всё без слов. На колючей

проволоке, которой была огорожена вся территория, висели лохмотья от штанов и фуфайки, виднелись свежие тёмные подтёки крови.

Контролёра высмеивали после этого долго и жестоко. Даже в совхозной общественной бане иные шутники просили неудачника повернуться к ним задом, чтобы полюбоваться рубцами, оставленными четвероногими охранниками. Сторожу же за хорошую работу дали премию, а в течении многих лет не было больше ни одной попытки нелегального проникновения на территорию, где находились огромные запасы горюче-смазочных материалов.

Марту Корельн почти никто в деревне не видел. Она нигде не работала и даже в магазинах появлялась очень редко. Дети в школу ходили опрятно одетые, но с первого же взгляда можно было определить, что одежда переходит от одного ребёнка к другому и что латалась она уже не единожды. Никто из восьми детей не стал ни октябрёнком, ни пионером или комсомольцем. Может, именно поэтому все жители села считали, что глава семьи является членом какой-то религиозной общины или секты, запрещённой законом, но официального подтверждения эта версия никогда не получила.

Материала для сплетен и слухов о странной семье добавилось после того, как ближайшие соседи увидели довольно странную картину, разыгравшуюся как-то на подворье. Отшельник, как все жители села называли Роберта, размахивая длинными фанерными щитами, пристроенными при помощи бечёвок к рукам, прыгнул с конька своего, только что отстроенного дома. Полёт, естественно, закончился неудачно. Пока соседи, громко переговариваясь, подошли к подворью, хозяйка успела высвободить мужа из-под фанерных обломков и увести в дом. От помощи отказалась, но все видели, что она через некоторое время после случившегося торопливо прошла к месту работы мужа. Роберта больше месяца никто в селе не видел, а его жена вместо него регулярно выходила на работу.

Дом семьи Корельн через пару лет оброс густой оградой из ирги и акации. По всему большому огороду ровными рядами встала малина, смородина и крыжовник. Со двора выгоняли в стадо не только корову и годовалого бычка, но и с десятков овец. За таким хозяйством требовалось и много ухода. Соседи удивлялись тому, что не только старшие дети, но и малыши всегда хлопотали по двору. Летом и осенью, когда собирали ягоду или копали картофель, малышня саранчой носилась по огороду и, как правило, руководителем детской трудовой бригады были не отец или мать, а старшая дочь Полина.

В школе Полина вела себя тихо. Кружки посещала практически все, но особенное рвение проявляла к рисованию. Дано ей было свыше что-то такое, чему удивлялись её одноклассники и учителя. Схватывала всё на лету. Там, где необходимо было рисовать с натуры предмет, у неё он выходил красивее, изящнее, чем был на самом деле. Кличку «Кнопка» получила за невысокий рост и курносый нос. Такие скромные внешние данные не мешали девчужке постоять за себя. Её латаный портфель был серьёзным оружием, и пользоваться им она умела отменно.

В седьмом классе, одна из новеньких учениц, не зная о том, что Полина никогда никого не приглашает к себе домой, пришла её проведать. Они не стали ещё близкими подружками, но сидели за одной партой, а это всё же сближает. Не встретив никого во дворе, девочка прошла в дом. Полина показала нежданной гостье свою комнату, которую делила с меньшими сестрёнками. Угостила свежее испечённым хлебом.

По-разному приняли одноклассники рассказы новенькой. Она, не поняв задумки хозяина и хозяйки, со смехом обрисовала устройство и обстановку

дома. Высмеяла некрашенные полы и огромный кухонный стол без клеёнчатой скатерти, а что доски пола и стола блестели так, будто их только что выдраили с песком, не заметила болтуня. Особенно остро ёрничала над тем, что над дверью каждой комнаты висели красиво орнаментированные таблички. Повела и о том, что дети спят на голых топчанах с соломенными матрацами. Можно по-разному принимать бедность, но скрывать её стараются все. Новенькая, дочь вновь назначенного главного агронома совхоза, рассказывая о странной мебели и убранстве в доме Полины, даже не подозревала о том, что этой болтовнёй очень ранит свою одноклассницу.

Полина, получив свидетельство о семилетнем образовании, ушла из школы и поступила в педагогическое училище, начав в пятнадцать лет самостоятельную жизнь. Кто знает, что повлияло на формирование характера, но предательство школьной подружки, очевидно, тоже сыграло роль. Она никого из своих сокурсников близко к себе не подпускала. Была ровна, приветлива со всеми, но дверцу в свою душу никому не раскрывала. Фанатично впитывала весь учебный материал. Так же, как и в школе, была активна. В спорте не уступала ребятам. По бегу на короткие и длинные дистанции равных ей не было. Брала все призы не только на училищных соревнованиях, но и на районных и областных. Выпускные экзамены сдала отлично. Местом работы выбрала не родное село, а одну из школ в тысяче километров от дома.

Выбрала Полина себе предметы, которые на первый взгляд совершенно не подходили один к другому. Физкультура – это постоянное движение, максимальная отдача физических сил, а рисование – это спокойствие, усидчивость. Одно всё же роднило два столь разных предмета, оба требовали одного – терпения, а именно этим свойством девушка обладала в избытке. Никто: ни родители, ни братья и сёстры, которых она изредка навещала, ни коллеги не знали о том, что Полина заранее составила себе план жизни. Не было в этом плане выделено места мужчине. Молодая женщина дала сама себе обет безбрачия, но с одним исключением: у неё будет ребёнок, который не должен знать нужды ни в чём.

Два года пролетели. Полина экономила на всём. Не жалела деньги лишь на краски, бумагу и книги. Рисование стало для неё отдушиной. Вечерами, когда двухэтажный учительский дом, где она, как молодой специалист, получила двухкомнатную квартиру, затихал, она садилась за мольберт. Во время работы с красками улетала в другие миры и теряла чувство времени. Именно поэтому удивлялись иногда наутро коллеги воспалённым глазам молодой учительницы. Она отшучивалась, мол, во время тренировок на школьном дворе продуло. В громоздкий старый чемодан, куда она складывала свои рисунки и картины, не разрешалось заглядывать никому, даже любимой меньшей сестричке, которая время от времени приезжала проведать её.

В село, как всегда, на уборку урожая прибыла большая автоколонна. Разбитные шофера на танцах в клубе вели себя шумно, а порою и развязно. На зерновом току, куда Полину чаще всех как молодую и одинокую отправляли с группами учеников, познакомилась с молодым мужчиной, назвавшимся Романом Асиарф. Симпатичный. Приятный в обращении. Шутки сыпал, словно из рога изобилия. Не был назойлив, но как только появлялся на зерновой площадке, глаз с Полины не сводил. Старался подогнать автомобиль под разгрузку именно туда, где находилась её группа. Настойчивость, как говорится, города берёт. Приняла Полина приглашение прокатиться с ветерком в соседнее село на танцы. Вечер понравился. Роман был чудным партнёром в танце и прекрасным собеседником. Встречи продолжились. Вечерами выходила за

околицу, где её уже ждал Роман. Катались по степи. Разговаривали часами. Целовались. Неискушённая девушка не знала, в каких опытных руках она оказалась. Поцелуи Романа туманили, дразнили и уводили в те миры, где Полина бывала только во время работы у мольберта и в мечтах. Рубикон перешла сама, без принуждения. Не разочаровалась. Не потребовала от Романа никаких обещаний. Неохотно дала согласие прийти на его день рождения. Не желала она афишировать в селе и школе свою связь с приезжим мужчиной, да и не была любительницей шумных сборищ.

Позднее была не рада, что дала согласие, посетить вечеринку. Всё изменилось для неё в этот вечер. Знакомство с Иваном Клангом, другом Романа, вывело из душевного равновесия. Тот момент, когда их тела случайно, но тесно коснулись друг друга, не забыла она до самой смерти.

При соприкосновении разных полюсов возникает искра, и её величина зависит от силы тока, но нельзя измерить силу чувств у человека. Нельзя провести промер притяжения мужчины к женщине и наоборот. Нет ещё таких приборов. А если бы такие инструменты были, и в тот момент, когда Полина и Иван прикоснулись друг к другу, кто-нибудь провёл бы замер, то скорее всего прибор вышел бы из строя от перегрузки.

Полина поняла, что отцом её ребёнка должен был бы стать Иван, а не Роман, но было поздно. Злобную шутку сыграла судьба с девушкой, которая была уверена в том, что просчитала всё намного лет вперёд. Невозможно развернуть колесо жизни в обратную сторону.

Директор школы был понимающим человеком. Поговорила Полина с ним по душам, не вдаваясь в интимные подробности. Он помог перевестись в одну из школ в соседней области. С физкультурой пришлось на время расстаться. Родила дочь. Полетела жизнь в хлопотах и заботах, размывая, унося в прошлое, боль души.

Не пошла единственная наследница Эльвира Корельн по стопам матери, но кое в чём судьбы были схожи. Любила и умела рисовать. Едва двадцать исполнилось, когда вышла замуж.

Повадился Иван Мартенс, солдат из воинской части, которая была расположена за селом к дому Эльвиры. Сумел парень-немец убедить девушку в своих чувствах. Поселился солдат после демобилизации в доме, куда до него доступ мужчинам был запрещён. Не нахлебником и не примаком вошёл он в семью, а полноправным хозяином. По весне, после посевной, нагрянула к Корельн-Мартенс вся большая родня Ивана. Не пьянствовать и развлекаться приехали они, а на работу. Родня приехала не с пустыми руками. Родители Ивана, в тайне от него, готовились к строительству дома для меньшего сына, но он, вопреки их желаниям, выбрал иной путь. Не стали родители поперёк счастью сына. Благословили уход из родного дома и брак с незнакомой им девушкой. Целый трейлер с различным пиловочным материалом отправили они в свадебный подарок молодой семье.

Научились немцы за двести лет своих кочеваний использовать даже бросовый материал как строительный. В ход шло всё: глина, песок, навоз домашних животных, солома, полова, камыш и даже стебли подсолнуха. За две недели неказистый домишко Полины превратился в большой многокомнатный дом. Жилой площади стало с запасом, но не надолго: малыши Ваня и Полина не заставили себя долго ждать.

Прошло несколько спокойных, счастливых лет. Вся большая родня Ивана Старшего, как теперь все в шутку называли молодого хозяина, собралась в Германию.

Так оказалась Полина, у которой никогда и в мыслях не было уехать за границу, в совершенно чужой ей стране.

От тоски по родине спасали внуки, мольберт и этюдник. Дочь, втайне от матери, отправила несколько старых акварелей из маминого чемодана на одну из художественных выставок. Необычно выполненные работы вызвали дискуссии среди знатоков живописи. Успех грянул, словно гром с ясного неба. Эльвира рассказала матери о своём своеволии. Та не обиделась, разрешила дочери использовать все картины и рисунки по своему усмотрению, мол, в гроб с собой ничего не возьму, а рисовала для себя, для души.

С успехом пришёл и достаток. Жить бы да жить Полине, но она своими словами, как бы сама вызвала несчастье. Внезапно нагрянувшая болезнь очень быстро забрала все силы. За несколько дней до смерти исповедовалась дочери. Рассказала о Романе и Иване.

– Мама! Ты с этой болью прожила всю жизнь?

– А что я могла сделать? Бежать по миру и искать своего единственного? Не просто это. Ты прости меня, но не могла я умереть спокойно с таким грузом на душе, а теперь мне легче стало, словно камень тяжёлый с груди сбросила.

– Доченька, у меня к тебе просьба. В моём чемодане, на самом дне, под матерчатой подкладкой, лежит пакет. Пожалуйста, не показывай его никому и сожги.

Не послушалась дочь. После похорон открыла пакет. С портрета, нарисованного матерью, на неё, в упор, словно живой, смотрел мужчина, которого она видела у гроба матери.

Именно этот небольшой портрет оказался центром внимания посетителей посмертной выставки Полины Корельн. Ни один из гостей, будь то мужчина или женщина, не проходил мимо. словно магнит притягивали всех большие, выразительные, но вместе с тем и очень грустные мужские глаза.

Хаусмайстер* (Hausmeister) – домоправитель, привратник

Жизнь

«Есть только миг между
прошлым и будущим,
именно он – называется жизнь!»

Филипп, не снимая шапки и сапог, прошёл в пристройку, оборудованную под летнюю кухню. Не хотел так рано тревожить жену, поэтому не зашёл в дом. Сел за стол и со стоном положил голову на ладони. За окном узенькой бесцветной полоской расплывался рассвет. Жена вошла молча. Тронула мужа за плечо. Встретились взглядами. Анна в испуге прикрыла рот рукой, удерживая крик.

– Что? Неужели?

– Да! На днях заберут... Где Ваня?

– В деревне у дедушки Мертина.

– Вам с Ваняткой надо срочно уехать.

Ошибся красный комиссар в своих расчётах. И часа не пробыл дома, как за ним пришли.

По Украине, как призрак ада, разгуливал голод. Там, где чернозём был целый метр в глубину, вымирали люди от недостатка хлеба. А чёрные «воронки», словно стервятники, носились по городам, выискивая очередную жертву. Автомобили, на боках которых стояли надписи «Хлеб», возили не спасительное продовольствие, так необходимое народу, а выгребали подчистую «врагов народа». В их число входили все, кто смел перечить, пусть и пассивно, советской власти. По сёлам, в отличие от городов, чекисты носились, как правило, на тачанках или верхами.

Филипп родился в состоятельной остзейской семье. Студенческие годы провёл в Петербурге. Бурные были времена. Одна реформа сменяла другую. Партии росли, как грибы во время бурных летних дождей. Даже революции, и сопровождающие их погромы, убийства политических противников, открытое мародёрство и бандитизм, происходили не раз в столетие или десятилетие. Нет! Двух десятков лет хватило на то, чтобы государство, просуществовавшее много веков, развалилось, как сгнивший кочан капусты. Огромная, казалось бы, навеки нерушимая империя, корчилась в судорогах-конвульсиях от внутренних раздоров и внешнего давления. Золотой Телец, рвущийся к управлению миром, старательно, чтобы не споткнуться в самый ответственный момент, оттачивал заершённые зубчики подков на своих копытцах, готовясь к прыжку на восток. Уже давно с вожделием поглядывал он на лакомый кусок, состоящий из необозримых и неизмеримых богатств. Его мечта, отхватить ещё одну (как-никак шестая часть планеты) зону бесконтрольного обладания, стала реальной.

Именно в это беспокойное, кипящее страстями время Филипп Кароштейн был втянут друзьями-студентами в незнакомый ему мир интриг. В начале своей политической деятельности сдружился с кадетами, но со временем стал всё дальше склоняться влево. Февральскую революцию встретил в рядах «межрайонцев», чуть позднее примкнувших к большевикам. Вскоре грянула и Октябрьская революция. Подхватила она парня и понесла, понесла так, что оторвала навсегда от родных краёв и места, где прошли первые годы его беззаботного студенчества. Не пришлось ему больше увидеть своих родственников.

Родителей повесили на собственных каменных воротах во время «большой делёжки», проходящей под лозунгом «экспроприируй экспропрированное». Этот лозунг, взбудораживший миллионы людей, был со временем упрощён и переделан в клич – «грабь награбленное» и позволял многие годы бандитам и мародёрам разноцветных мастей творить беззаконие по всей территории бывшей огромной империи.

Старший брат Вилли погиб в Первую Мировую войну, защищая честь царя и Отечества.

Все три сестры сгорят. Две старшие Матильда и Гертруда – в железнодорожном вагоне, а меньшая Юлия – на автомобильной трассе во время Второй Мировой войны.

Единственного сына Йоганнеса убьёт фашистская бомба. Мощный взрыв превратит светлую лесную поляну в огромную чёрную воронку, а бездомный мальчишка, живший в скирде, станет облачком пара, пыли и копоти.

Жена Анна умрёт в тюрьме. Через неполных два месяца после ареста её вынесут из тюремного каземата ногами вперёд. Муж даже через полвека не сможет установить причину её смерти. Найти могилу супруги ему также не удастся.

Во время гражданской войны попал молодой большевик на Украину. Пуля нашла красногвардейца во время атаки, но преданный друг надёжный конь не подвёл: вынёс из боя, враз отяжелевшего и обмякшего в седле седока. Повезло Филиппу. Рядом оказалось немецкое поселение. Конная волна ушла дальше на запад, вырубая и расстреливая всё, что сопротивлялось, а тяжело раненый боец остался на попечении семьи волынских немецких колонистов. Хозяин подворья, куда был определён раненый, оказался бывшим фельдшером. Молодой организм, хорошее питание и правильный уход сделали своё дело. Вдобавок к этому – глаза и руки хозяйской дочери грели лучше хорошей грелки. Первое, что увидел пришедший после долгого беспомыслия в себя раненый боец, – это широко раскрытые девичьи глаза.

Любовь – вещь непонятная. Её невозможно измерить, взвесить, оценить и разложить на дроби. Филипп влюбился в хозяйскую дочь Анну с первого взгляда, и она ответила ему тем же. Так родилась новая семья.

Недолго пришлось красногвардейцу отъедаться на харчах тестя. Нарочный с пакетом, примчавшийся из близлежащего местечка, прервал короткий отпуск бойца. Приказ был однозначен: «Немедленно явиться к новому месту службы». Что такое нарушение приказа членом партии коммунист Кароштейн знал не понаслышке. С дезертирами разговор был короткий – их ставили к стенке без суда и следствия. И снова бросила судьба мужчину в пекло. В боях всё было просто и понятно – стреляй, руби врага в бешеной атаке, а вот попробуй, разберись в мирное время: кто твой враг.

Новая власть утверждалась по всей Украине нелегко, а в сельской местности особенно трудно. Комиссаров и агитаторов убивали из-за угла. Их сжигали ночами вместе с домами. Их убивали и светлым днём всей деревней. В районах, где сопротивление советизации было особенно ожесточённым, новую власть выручала Красная Армия. Шашками, прикладами убеждали большевики население в своей правоте и вечном господстве. Немало повидал комиссар Филипп Кароштейн в эти годы, но был убеждён, что главная цель партии оправдывает неординарные средства. «Мировая Революция» должна свершиться, а о таких мелочах, как единичные судьбы людей, думать не время. Всему когда-то приходит конец. Постепенно и Украину силком загнали на путь, «ведущий прямо к коммунизму», правда, потребовалось на это больше десятилетия. Боевые командиры и комиссары, уже привыкшие достигать своей цели, вернее сказать, цели партии нахрапом, стали анахронизмом. Их начали отправлять на различные курсы. Им стали предоставлять незначительные посты на отшибах нового государства. Кое-кому повезло, и они заняли кресла в больших кабинетах. Люди, ведающие партийными кадрами, своё дело знали неплохо. Докопались они до того, что Филипп Кароштейн, до того, как стать большевиком, побывал в кадетях. Дорогу наверх для него закрыли и отправили на новый незримый фронт. Так попала семья, состоящая уже из трёх человек, в край, где родилась Анна. Жильё Филиппу выделили в районном центре. Съездили втроём проведать и отца Анны Мертина Краузе.

Дедушка Мертин принял свою дочь и зятя настороженно. Десять лет прошло после того, как они покинули дом, а жестокое время ломало характеры людей, словно солому и не всегда человек оставался Человеком. Особенно осторожным, и не без основания, был он в разговорах с зятем, как-никак новая местная власть посетила дом бывшего фельдшера.

Лишённый не только достоинства и прав, но и достояния, Мертин Краузе доживал свой век бобылём. Прикидывался дурачком, поддакивал всем подряд и этим спас на время свою жизнь. За неимением собственного хозяйства нанялся общественным пастухом. Тем и кормился.

Коллективизация была в самом разгаре, и село бурлило. «Буржуев», «вредителей» и кулаков не щадили. Длинных разговоров с ними не вели. Большую агитацию (как писали во многих произведениях, издаваемых миллионными тиражами) не вели. «Непослушных» и «несознательных» пускали в распыл, как было модно выражаться в то время. Тех из них, кого не сразу ставили к стенке, уже ждали железнодорожные составы, отправляемые по плану и без плана на Крайний Север, в Сибирь и на Дальний Восток.

Коммунист Кароштейн был постоянно на самом острие карательного меча новой власти. Нередко с несколькими товарищами по партии решал он судьбу не одного человека, а многих семей. Правда, всё чаще, особенно по ночам, приходила на ум ненужность карательных экспедиций и жестоких мер по отношению к мирному населению, но гнал он от себя «крамольные» мысли. Стал нервным. Срывался по пустякам. Особенно тяжело переживал по поводу того, что видел, как голод всё шире разбрасывает свои крылья над плодороднейшей землёй, накрывая не только отдельные поселения, а целые районы и даже области. Стал на отчётных совещаниях критиковать проводимую политику, и этим подписал себе приговор. Из партии его выбросили, как ненужный отработанный материал.

Бывший коммунист знал, как работают карательные службы. Пощады для себя не просил, и, понимая, что на свободе его не оставят, и, скорее всего, лишат жизни, решил во что бы то ни стало спасти семью. По-быстрому забрав все

наличные деньги из подотчётной кассы, поехал домой с тем, чтобы отправить своих родных подальше от себя. Это было ошибкой. Его же бдительный соратник донёс, что лишенец оказался ещё и вором, который пытается скрыться от справедливого возмездия. Вслед был выслан наряд, задержавший беглеца. Заодно, чтобы не допустить ошибки, прихватили и его жену уже упаковавшую скромные пожитки. При ней же нашли и деньги, взятые из кассы. Странно играет судьба. Именно украденные у государства деньги спасли жизнь исключённому из партии Филиппу. Дело было возбуждено уголовное, а не политическое, и поэтому пошло по другим каналам. Следовательно, перегруженный делами, не разобрался в сути происшедшего и загремел бывший красный комиссар, как обыкновенный воришка, на «стройки века». Разобрались позднее. Наказали кого нужно, но наступившая к этому времени временная политическая оттепель спасла жизнь гражданину Кароштейну. По тюремной беспроволочной связи узнал о смерти жены. Жить не хотелось, но мысль, что у него где-то есть сын, всё же согревала, не позволяла опускаться до самоубийства. Через шесть лет с «волчьим билетом» и без гражданских прав выбросили его в Забайкалье. В дороге схватил воспаление лёгких, и не выжить бы ему, но мир не без добрых людей. Выходила сердобольная чалдонка ссыльного, отправленного к ней на проживание. Силой заливала она ложкой рыбий и разогретый собачий жир постояльцу в рот, зажимая при этом своему подопечному ноздри пальцами. Знала женщина своё дело. Не одного телёнка тыкала она таким образом мордой в ведро с пойлом. Чтобы не захлебнуться, они вынуждены были пить. Такое же бесцеремонное обращение было применено и к больному Филиппу. Не было у него сил. Не мог он сопротивляться, что в итоге и спасло ему жизнь. Так появился в небольшом поселении, раскинувшемся на правом берегу реки Хор, новый житель. Учителей в этих захолустных краях катастрофически не хватало, и вскоре грамотному ссыльному доверили преподавать русский язык и литературу. Опасаясь опалы, новоиспечённый преподаватель от школьных программ, предписанных сверху, не отступал ни на йоту. Охотно руководил музыкальным кружком. Пригодилось то, что в детстве много занимался с учителем музыки. Нехватку музыкальных инструментов компенсировал тем, что организовывал частые хоровые пения. Руководство школы было им довольно, и вскоре по ходатайству срок ссылки был уменьшен.

Боясь навлечь подозрение на родственников, письма никому не писал. После отбытия наказания решил уехать к тестю, чтобы встретиться с сыном. Дедушкину избушку нашёл заколоченной. Соседи сообщили, что мальчишка действительно жил у деда Мертина, но после его смерти куда-то исчез. Филипп, надеясь на то, что сын может когда-нибудь объявиться в этих местах, решил на время обосноваться в домике тестя и даже занял его пост деревенского пастуха.

На пастбище, а также сидя долгими вечерами в пустом доме у окна, много размышлял Филипп о пройденном пути и с каждым днём всё острее стал понимать всю нелепость своей жизни. Его раздумья нельзя было бы назвать угрызениями совести. Скорее это были философские размышления человека, прошедшего сквозь огонь и воду.

– Сколько сирот из-за таких как я мыкается по свету? Где все те, которых мы выбросили из нажитых потом и кровью домов и хозяйств? А смысл? Чего мы добились? А жертвы? Сколько невинной крови пролито? Разве о такой жизни мечтали мы, глупцы, когда не только себя, но и миллионы людей взбудоражили идеями о всемирном коммунизме. Разве готов человек к тому,

чтобы не хватать, не рвать под себя больше, чем ему необходимо для нормальной жизни?

Кто знает, куда привели бы философские размышления Филиппа Кароштейна, если бы не война. Его и ещё несколько мужчин и женщин местная власть определила эвакуировать племенной скот. Куда спрячешься с большим стадом в открытой местности от самолётов-охотников? Идея эвакуации живности, как и многое другое, что пережил Филипп, оказалась абсурдом. От стада и десятой части не осталась после нескольких атак воздушных стервятников. Поступила команда передать остаток животных в распоряжение одной издвигающихся на запад воинских частей для потребления в пищу.

И снова судьба оказалась милостива к Филиппу. Он не получил ни одной царапины во время бомбёжки. Сдав под расписку несколько оставшихся коров и быков начальнику тыла воинской части, он попросил зачислить его добровольцем на фронт. Как документ, удостоверяющий личность, предъявил справку, выданную в сельском совете, когда отправляли со скотом на Восток.

– Кашу варить умеешь? – спросил его офицер, разглядывая документ с большой гербовой печатью.

– Какой пастух не умеет варить кулеш или кашу?

Бойкий ответ понравился тыловику, и пастуха приняли без всяких осложнений в солдаты. Кашу варить, да ещё под огнём противника и на ходу – это большое искусство. Много вёрст на запад прошагал Филипп Кароштейн. Ещё больше пробежал на восток со своей кухней, поставленной на колёса. Поработал не только черпаком, но и лопатой, и штыком, но основным оружием были всё же кухонные ножи и черпак. Про черпак повара из воинской части № 11256 рассказывали позднее легенды по всей пехотной дивизии.

Высокому человеку неудобно орудовать стандартным черпаком в котле полевой кухни. Коротковат держак у этого кухонного инструмента. Подобрал как-то Филипп, на одном из заброшенных крестьянских дворов, вилы с длинным держак, который был изготовлен из ствола молодой берёзки. Вилы выбросил, а навильник приспособил к своему главному орудию труда, черпаку. Подточил, где надо. Отполировал. Закрепил шурупами из нержавеющей стали. Надёжный помощник никогда не подводил своего владельца и даже сослужил в сложной обстановке добрую службу не по своему прямому назначению.

Тыловое снабжение – вещь ненадёжная. Зачастую провиант приходится добывать и не совсем законными путями. Принесли разведчики как-то ночью уже ободранную годовалую ярочку, для маскировки спрятанную в мешке. Попросили к завтраку приготовить кашу с мясом. Сочная баранина пошла в котёл, а повар устроился рядышком под деревьями. Уже на рассвете задремал. Проснулся от слабого стука и не поверил своим глазам – его полевая кухня своим ходом уезжала в сторону нейтральной зоны. Протёр глаза. Всмотрелся внимательнее. Возле колёс стали видны две фигуры, накрытые с головой солдатскими плащ-палатками, а впереди, возле дышла, копошился третий воришка.

– Вашу мать... Вы шшшто шшшшшакалы делаитии... – Филипп даже заикаться стал от злости.

Схватив черпак, приставленный для просушки к дереву, двинулся на воров. Одна из фигур отмахнула в сторону полу плащ-палатки и острое длинное

лезвие штык-ножа нацелилось в грудь повара. Дальше всё происходило быстро и трагично. Филипп сходу ткнул нападающего длинным черенком своего импровизированного оружия в солнечное сплетение и этим надолго вывёл вора из строя. Второму противнику обратная сторона черпака, похожая на круглую булаву, пришлась в висок и опрокинула вбок так, что только ноги, обутые в короткие сапоги, подбитые стальными подковками, мелькнули.

– Наши таких сапог не носят, – мелькнула мысль у повара, – неужели фашисты?

Долго раздумывать было некогда. От дышла полевой кухни на повара двинулась третья фигура, вырывающая из-за спины автомат. Своим резким движением нападающий сорвал плащпалатку с головы и одного плеча в сторону, и теперь Филипп ясно разглядел германскую униформу.

– Ну, гад, погоди.

Третьему досталось по полной программе. Черенок со всего маха врезался в рот германца, кроша зубы и выламывая челюсти. «Шмайсер»* отозвался на последнюю команду своего владельца длинной очередью, но пули веером прошли мимо повара. Не успел вор повернуть ствол. Защитник кухни, вырвав конец своего оружия изо рта противника, с разворотом, уже падающего, достал краем черпака по голове и разворотил ему череп до самых глазниц. Кухонный инструмент, кованный ещё в царское время, не подвёл и в рукопашном бою.

Так, на зависть своим однополчанам, заслужил ротный повар медаль «За отвагу».

Не только советские солдаты, но и германские тоже скучали по свежатинке. Прихватывали они попутно всё, что попадалось из съестного. На этот раз их риск оказался слишком велик. Из троих германских разведчиков в живых остался один. Пленный был очень удивлён, когда ему сказали, что всю их боевую команду вывёл из строя простой повар. На допросе, где переводчиком был Филипп, оба с интересом разглядывали друг друга.

-А ведь один из убитых может быть Вилли, - подумал Филипп, почему-то именно в этот миг вспомнивший о старшем брате. Успокоился лишь после того, как пленный назвал свою фамилию и фамилии своих напарников.

Командование знало о существовании троицы фашистских разведчиков, маскирующихся под брезентовые плащ-палатки советских солдат. Фашисты уже успели увести несколько языков с собой. На них была объявлена охота по всему фронту, но опытные диверсанты каждый раз ускользали незамеченными на свою сторону.

В последнем походе, по рассказу выжившего германца, их сманил именно аромат вареной баранины, и они решили под покровом рассветного тумана укатить котёл на колёсах к своим. Не заметили они отдыхающего рядом с кухней повара, поэтому и не зарезали его сонным. А когда увидели безоружного мешковатого мужичка, не стали открывать стрельбу, решив убрать живую помеху без лишнего шума. Что чумазый, закопчённый повар прошёл две войны и ад сталинских лагерей и за свою кормилицу-кухню готов костями лечь, они, естественно, знать не могли.

Приехавший за сведениями для репортажа в газету дивизионный корреспондент сделал несколько снимков не только отважного повара, но и помятого черпака, увековечив этим самым боевое оружие, прославившегося на всю армию работника тыловой кухни.

В 1942 году добралось до солдата Кароштейна его прошлое. Графа в заявлении о добровольном вступлении в армию, куда он собственноручно занёс, что он немец, сыграла злую шутку. Несмотря на боевую награду и ходатайство командира вырвали с фронта боеспособного бойца и отправили добывать уголь. Остался в армии, но теперь служил в трудовой. Различие было ощутимое. В боевой армии было разрешено чувствовать себя человеком, а в трудовой – нет. Охрана здесь была злее тюремной, и пайка с каждым днём становилась всё меньше. На кухню Филиппу устроиться не удалось. В тёплых местах начальство пристраивало своих. Пригодился тюремный опыт. Брался за любую работу, и таким образом смог устроиться в мастерскую, где ремонтировали инструмент. Выжил. Со временем устроился нормировщиком, где физически стало намного легче. В 1947 году освобожден из трудармии по состоянию здоровья. Решил больше судьбу не испытывать и уехал в края своей прежней ссылки. В школе приняли с радостью. Так в городе Каменец-Подольске на реке Хор появился новый житель, правда, на этот раз не ссыльный, а относительно свободный гражданин Советского Союза.

Тридцать пять лет прожил Филипп Кароштейн в Забайкалье. Женился на сосланной с Кавказа немке, но не дал бог ему больше детей. В 1982 году покинул страну, в которой родился и вместе с родственниками жены поселился в живописном городе Падерборне в центре Германии. Как-то во время одной из ознакомительных поездок, поглядывая из автобуса на быстро меняющиеся за окном картины, ему подумалось о том, что таким же образом, словно один миг, промелькнула и жизнь. Быстро пролетела калейдоскопная цветная лента, и нельзя разобратся каких красок было в ней больше – чёрных, белых или других.

Однажды на книжной выставке во Франкфурте-на-Майне, куда Филипп был приглашён на презентацию собственной книги, его внимание привлёк седенький старичок, усердно рекламирующий книгу о жизни германского солдата на фронте и в советском плену. Разговорились. При упоминании Филиппом о том, как он во время войны защищал свою кормилицу-кухню от воров, у писателя-германца брови полезли на лоб, и он уставился на своего собеседника, как на пришельца с того света.

– Wo*?

– Wann*?

– Du bist der Koch, der mir die wichtigste Lektion meines Lebens erteilt hat*?

– Wahnsinn*...

Всмотрелись внимательнее друг в друга. Стали узнавать знакомые черты. Взялись за руки. Обнялись, отвернув от многочисленной публики лица.

Через сорок с лишним лет после первой встречи, теперь уже на германской земле встретились снова два бывших противника. Они прожили нелёгкую жизнь. Оба стали известными авторами, правда, ужасы войны каждый из них описывал так, как он их воспринимал. Но оба бывших смертельных врага в своих произведениях, в один голос, твердили об одном: «Пусть будут прокляты войны!»

– Wo*? – Где?

– Wann*? – Когда?

- Du bist der Koch, der mir die wichtigste Lektion meines Lebens erteilt hat*? – Ты тот самый повар, который преподнёс мне самый важный урок моей жизни?
– Wahnsinn*... – С ума сойти...

*ЧОН – воинские части особого назначения

* «Шмайсер» - автомат, ручное автоматическое огнестрельное оружие, широко распространённое в германской армии

Родня

Полвека прошло после войны. Время разбросало многочисленный семейный клан Црук-Намретсом по свету. Часть оставшихся в живых навсегда прижилась в Сибири, но большинство переехало в девяностых годах в Германию. Могилы представителей этого клана, если была бы возможность установить их точное месторасположение, можно было отметить точками на всём евроазиатском континенте.

Чем занимаются российские немцы-пенсионеры на новой родине?

По-разному проводят своё время пожилые люди. Одни, считая, что поработали в своей жизни достаточно, попивают пиво или что-то покрепче, не загружая себя излишними моральными и физическими заботами. Другие заводят себе дачный участок, обеспечивая всю родню овощами и фруктами. Третьи заняты внуками и правнуками.

Куно Намретсом, последний довоенный отпрыск клана Црук-Намретсом, стал путешествовать. Не было у него раньше такой возможности. Дом, хозяйство, дети, в общем, забот хватало всегда. На разъезды времени, конечно, не оставалось. Теперь в тёплой квартире ни о чём не надо заботиться. Всё есть, а чего не хватает в доме, то с избытком лежит на полках магазинов. Даже глазам больно от изобилия. Поэтому каждые полгода ездил изучать новые страны. Таким образом, побывал во всех европейских государствах. Как-то его сосед и приятель предложил слетать в Петербург, мол, уж очень заманчивое предложение получил от знакомого организатора туристических поездок.

Так оказался в Северной Пальмире. Погода не подвела. Золотая осень не досаждала туманами и дождями. Эрмитажу посвятили два дня, но попробуй за такое короткое время полностью обозреть вместилище чудес, где хранятся тысячи экспонатов. К концу второго дня, когда уставшие ноги уже отказывались служить, отошёл в сторонку от своей группы и присел в уголке на стул. Сердце, уже который раз, сделалось чужим. Прикрыл глаза и отдался уже привычной истоме, охватившей всё тело. Пришёл в себя от прикосновения чьей-то руки.

– Вам плохо?

Перед ним, осторожно придерживая рукой за плечо, в полупоклоне, стояла высокая седая женщина. Прямо перед глазами Куно висело подвешенное на тёмно-бордовой ленте удостоверение служителя музея, на котором чётко была видна надпись: «**ЗИНАИДА НИКИФОРОВА**».

Сердце рванулось, пытаясь покинуть своё гнездо.

– Зинаида Никифорова?! Этого не может быть...

Он снова, теперь уже сознательно, прикрыл глаза, пытаясь справиться с волнением.

– Генка?! Наш Генка Никифоров?!

– Мне нельзя теперь умирать!

...

Генке повезло. Фонтан огня из пробитого осколками бензобака не достал его, а большая лужа в кювете смягчила приземление. Подняв голову, он увидел, что полуторка*, колёсами вверх, летит под откос, разбрасывая во все стороны не только обломки кузова, но и человеческие тела. Вокруг горело всё – автомашины, земля, трава и люди. Кювет, заполненный до краёв осенней дождевой водой, был своеобразным островком спасения. Генка инстинктивно нырнул снова. Но долго под водой не продержишься. Приподнявшись, он услышал громкий рёв. Это очередная группа самолётов с воем валилась с неба на шоссе, поливая свинцом и сталью не только колонну бензовозов, но и всё, что ещё двигалось.

Ноги выбросили тело из воды и понесли, понесли в сторону виднеющегося невдалеке леса, так, как ещё ни разу не носили. Вода из большущих сапог от быстрого движения летела во все стороны, мокрая рубаха прилипла к телу. На ходу оглянулся: ни одного живого человека не увидел, только столбы чёрного дыма и сполохи огня, закрывшие полнеба.

Первые ветви недружелюбно стегнули по лицу, но не задержали бега. Мальчишка бежал от чёрного дня, от чёрного солнца, от чёрных самолётов: от всего чёрного, что в последние дни преследовало неустанно...

Отец приехал в отпуск неожиданно. Сестрёнка Зина не захотела идти к нему на руки, не узнала родного отца. Да и откуда было ей узнать, когда отца больше года не было дома, а ей от роду-то всего два годика. Генка отца тоже не сразу признал, но, когда тот пощекотал его за ухом колючими усами, всё стало на свои места.

Финский нож, подаренный отцом, стал лучшим помощником. Им можно было делать всё: открывать консервные банки, рубить проволоку, выстругивать сабли, мечи и рогатки, резать колбасу, хлеб и даже затачивать карандаши. Правда, в тесной городской коммуналке с таким сокровищем, как настоящая финка, сильно не разыграешься, но зато в деревне у деда можно было использовать его почти постоянно. Дедушкина «будочка для раздумий», сколоченная из горбылей и досок, покрывалась со всех сторон свежими сколами, а внучок каждый раз радовался своим успехам в метании ножа из позиций стоя, сидя, лёжа.

Нож бил по боку, словно живой, пытаясь вырваться из ножен. Мальчишка инстинктивно прижал одной рукой своего стального друга к бедру, а ноги несли, уносили его от огня и грохота вглубь леса. Ветви хлестали плетью по лицу и курточке, но, подныривая головой под особенно большие сучья, бега он не замедлил. Остановился лишь на небольшой светлой поляне. Огляделся.

Тишина! Впервые за последние несколько дней она заставила мальчишку замереть на месте.

– Ты чё застыл, как столб?

Генка вздрогнул, озираясь по сторонам, сделал несколько шагов в сторону деревьев.

– Стой! Иди сюда.

Из верхушки стоящего в центре поляны стога показалось чумазое, закопчённое лицо подростка. Генка положил руку на рукоять финки, готовясь постоять за себя.

– Не бойсь, не трону, – проговорил чумазый парнишка, съезжая, как на санках, на заде, со стога.

Постояли молча, внимательно оглядывая друг друга. Одинакового роста. Одеты правда, по-разному. Генка налегке, а его противник обряжен почти по-зимнему. Долгополое пальто, очевидно с чужого плеча, тёплая шапка-ушанка, а на ногах огромные резиновые сапоги, из голенищ которых выглядывали пучки сена. Оба решили, что мир всё же лучше, чем война.

Никто из них так никогда и не узнал о том, что судьба свела в большом лесу возле шоссе двоюродных братьев.

– Жрать хочешь?

Генка отрицательно помотал головой.

– Не брешь, жрать хотят все и всегда. Пошли.

Чумазый, не оглядываясь, стал обходить скирду. Генка двинулся за ним. Старожил поляны нагнулся, обеими руками отодвинул в сторону охапку сена и молчком полез в открывшийся зев узкого лаза. Генка постоял, удивлённо поглядывая по сторонам.

– Чё встал, как слон, залезай.

Приглушенный сенными стенами голос чужака приказал мальчишке встать на четвереньки, но лаз оказался настолько низким, что пришлось лечь на живот и пробираться ползком. Сходу упёрся головой в бок гостеприимного незнакомца, проворчавшего что-то нечленораздельное. Почувствовав сбоку пустоту, катнулся в сторону. В приоткрывшееся место хлынул свет. Генка огляделся: «Ничего себе! Как в пещере, даже сидеть можно».

Хозяин одним махом расстелил невесть откуда взявшуюся замызганную солдатскую плащ-палатку. Затем таким же образом бросил на грязный брезент полбулки хлеба и большую луковицу, в заключении на импровизированном столе оказалась банка тушёнки и обтянутая войлоком солдатская фляжка.

– Ну! Как я живу?! Неплохо, а?!

Генка промолчал, удивлённо поглядывая на хозяина-фокусника, живущего в стогу и имеющего такую роскошную еду.

– Учись, пока я рядом.

Он умело разломил хлеб на равные доли, бросил одну своему гостю, затем занялся тушёнкой. Покосившись на Генку, ругнулся вслух:

– Падло. Не могу добыть ножа, вот и маюсь с тяпкой.

Только теперь Генка разглядел, что в руках у хозяина обыкновенная тяпка, но только без черенка. Этим своеобразным орудием он и проделывал мучительную операцию добывания мяса из небольшой плоской жестяной банки, стараясь при этом не уронить ни крошки.

– Возьми мой нож.

Хозяин осторожно принял финку, протянутую ему рукоятью вперёд.

– Ого! Вот это да! Где стибрил? Подари.

Поглядев на насторожившегося Генку, продолжил:

– Подарок? Понятно, подарки не дарят. От кого?

– Отец с фронта привёз.

Помолчали. Хозяин уминал кусок за куском, а гость с трудом осилил лишь корочку.

– Счастливым ты, а моего батяню по тюрьмам замотали. Не знаю, куда писать и где искать. Мама умерла. Дед Мертин тоже...

Мальчишка помолчал, сдерживая дыхание, затем продолжил свой рассказ:

– Я остался один. Уже второй год по тёткам кочую. Одной надоем, спихнёт другой, так и живу, как колобок из сказки, только не сам бегаю, а меня швыряют. Говорили мне, что где-то в Питере в большом достатке живёт ещё одна из моих тёток. Какая-то Юлия, меньшая сестра моего отца, но её адреса я так и не добыл. Правда, теперь уже два месяца, после того, как наш эшелон разбомбили, живу один. Сам видишь – я неплохо устроился. Пошли они в баню, или куда подальше, эти тётки.

Незнакомец отвернулся к сенной стене. Шмыгнув носом, громко высморкался. После продолжительной паузы, еле слышным, упавшим голосом добавил:

– Не верь. Сбрехал я. Сгорели мои тётки Матильда и Гертруда в одном вагоне. Я возле открытой двери сидел, выбросило меня ещё до того, как бомба в наш последний вагон попала. Воруя по деревням, хожу на станцию попрошайничать. Солдаты жалеют, дают поесть. Ты смотри, на железной дороге осторожней будь. Там нас беспризорнейшей ловят, запирают в вагоны и ту-ту... в Воркуту. Поедешь неизвестно куда. Мы эту пещеру с корешем Петрухой вырыли. На станции с ним встретились. Он порядком старше меня был. Говорил, что в армию не хочет. Дурак. Там же два раза на день кашу дают, сам видел. Прихватили его намерзши, когда он керосиновую лампу у железнодорожников стибрить хотел. Я за углом будки стоял и всё видел. Ему так рёбра намяли и таких фонарей понаставили, что он сам идти не мог. Охрана волоком утащила. Тебя как зовут?

Гость назвал, поведал о своём горе. Рассказал о том, что, наверное, сгорели его сестрёнка и мама. Хозяин пещеры понимающе кивал головой. Затем стал подробнее рассказывать о своём житье-бытье, не заметив, что его гость уснул. Сработала естественная природная защита. Отключила сознание мальчишки. Укрыла за покрывалом сна страшные подробности войны, спасая этим разум очередной жертвы звериного обхождения человека с человеком.

Генка проснулся и ничего не мог понять. Страшно болела голова. Темнота. Кругом какие-то непонятные стены. Попробовал встать и упёрся в колючее

сено. Постоял полусогнувшись. Присел и только теперь увидел сбоку от себя небольшой просвет. Наконец, вспомнил всё и снова прилёг на бок. Куда же делся чужак? Нервно схватился за ножны – так и есть, ножа нет. Приподнялся. Посидел, собираясь с мыслями и ругая себя за неосмотрительность. Снаружи раздались едва различимые чавкающие звуки, и затем в пещере стало немного светлее. Чья-то грязная рука отодвинула ворох сена, закрывающий нору, и стали видны большущие резиновые сапоги хозяина пещеры с неровно обрезанными голенищами. В лаз просунулась чумазная физиономия.

– Ну, кореш, живём. Я в деревне добрый шмат копчёнки сумел добыть при помощи твоей финки. Всю ляху побоялся брать, больно тяжёлая, но нам и этого куса надолго хватит. На, возьми свой подарок. Хорошая вещь. Даже проволоку режет, я испытал на деле, когда в кладовку через отдушник залезал.

– Да, я вчера забыл тебе сказать – меня Ванькой кличут. Тётки и дед меня Йоганнесом звали, но я не люблю это имя. Зови просто Ваня. Ты должен поесть, день ведь прошёл, а ты не жрамши. Не пойдёт. Заболеешь, мне куда потом с тобой?

На следующий день решили пробраться к шоссе. Уже издалека видны были обгорелые остовы автомобилей. В нескольких сотнях метров от дороги их окликнул солдат и велел убираться подальше. Чумазый спросил, остался ли кто в живых после бомбёжки.

– Куды там, ни одной живой души. Одни угли кругом. Две автоколонны на раз накрыли, проклятые. Десяток горючезовов встретились в узком месте с несколькими грузовиками эвакуированных. Как специально подкараулили фашисты. Бензин, ети его мать... От него здесь вчера преисподняя была. Сгорело всё дотла. Вы уматывайте подальше от этого ада.

Несколько дней прожили в стогу, изредка бегая «до ветру», как высказался старожил пещеры. В костерке, зажигаемом в отдалении от скирды под деревьями, Иван пёк добытые в близлежащих деревеньках картошку и яйца, предварительно обмазывая их толстым слоем глины. Заставлял есть и своего нежданного гостя. Чтобы отвлечь от горестных мыслей, решил занять его делом.

– Сходил бы ты на станцию. Морда твоя уже закоптилась. Похож теперь на бездомника, авось подадут хлеба сердобольные. Смотри, станционной охране не попадись, они на нас злы, словно бешеные собаки. Меня на днях чуть не сцапали.

Хихикнул и продолжил.

– Нас много развелось. Тащим всё, что плохо лежит, а отвечать им, вот и бесятся. В детей стрелять запрещено, а поймать нас попробуй. Я как-то даже в вагон с полевой кухней, который в тупике стоит, забрался. Пока повар с железнодорожницей любезил, я шмыгнул с другой стороны вагона, спрятавшись за ящиками. Все карманы набил луком, да полкруга какого-то концентрата сунул за пазуху. Думал что путнее, а оказалась какая-то вата, скорее всего это сушёная картошка. Даже пичуги не жрут её, проклятую. Ты, наверное, видел за кострищем в кустах серую кашу? Я её в силки из конского

волоса набросал, но бестолку. Даже вороны не подлетают, а я уж было размечтался, что куропаток, запечённых похаваю.

Хозяин ругнулся вслух, да такими словами, которых гость отродясь не слышал.

– Мать... мать... мать... Такая пакость. Ни на костре поджарить, ни сырой съесть.

Помолчали. Затем он, уже тоном приказа бросил небрежно:

– Завтра с утра и пошагаешь. До станции около десяти километров, часа два ходу тебе будет. Назад столько же. Да пока разживёшься чем-нибудь, считай к вечеру только вернёшься. Я к тому времени картохи на ужин напеку: у нас с десяток ещё со вчерашнего осталось.

Пробираясь между вагонами, Генка наткнулся на женщин. Те окружили мальчика. Одна из них протараторила скороговоркой:

– Ой! Девчонки. К нам жених. Посмотрите, какой симпатичный, чумазый, правда, но мы его отмоем.

– Брысь, стрекотухи. Вам лишь-ба похихикать. Чей будешь?

Толстая, неуклюжая с виду немолодая женщина в нелепом кургузом сером халате ухватисто, всей рукой, взялась за воротник курточки.

– Беженец? С Питера небось, не маши головой, я вас по обличью узнаю. Пошли.

В санитарном вагоне женщина продолжила допрос. Генка рассказал всё, не утаив и то, что в стогу его дожидается хозяин пещеры.

– Вы, ребята, зиму в стогу не переживёте. Выбирайтесь к людям. А, вообще, мой вам совет – уматывайте на восток.

Строго поглядев на хихикающих девушек-санитарок, продолжила:

– Подальше, подальше на восток, детки мои, бегите. Война – не шутка. Не этим так тем боком достанет. Дай вам Бог выжить! Я бы вас с собой забрала, да мы на днях на запад тронемся за ранеными. Как только полностью укомплектуют наш санпоезд, двинемся вперёд – в самое пекло...

Генка был доволен. Его первый поход на станцию оказался удачным. Некрасивая, строгая с виду женщина, оказалась не просто доброй, но и щедрой. В придачу к солдатскому вещевому мешку с несколькими булками хлеба и парой банок тушёнки, подарила потрёпанную, но всё ещё добротную серую фуфайку и солдатскую шапку. На прощанье сунула за пазуху целый круг твёрдой, как дерево, копчёной колбасы. Теперь, экипированный по-зимнему, с солидным запасом продовольствия в заплечном мешке, он уже не чувствовал себя иждивенцем, прижившимся на птичьих правах в сенной пещере.

Вырвавшись из цепких лап кустарников, окружавших поляну, Генка остолбенело замер. Скирды не было. Огромная чёрная яма, уже частично заполненная чёрной грунтовой водой, виднелась на том месте, где недавно

возвышалась куча сена. Отступая спиной вперёд к кустам, споткнулся о что-то. Глянул вниз и увидел знакомый резиновый сапог с неровно обрезанным верхним краем голенища. Из сапога страшно, словно палка, торчала закопчённая кость.

Теперь мальчишка бежал не в лес, а из него. Перед его глазами всё ещё стояла картина, увиденная на поляне. Чёрная земля, чёрная вода и даже не сгоревшие полностью охапки сена на кустах были чёрными.

Очевидно, лётчики приняли скирду за маскировочный трюк противника и не пожалели бомбы, считая, что уничтожили спрятанную в лесу батарею или танки. Привлёк их, наверное, дымок от костра под деревьями. А что потратили немало килограммов взрывчатого вещества лишь на то, чтобы распылить ни в чем не виноватого мальчишку – о таких вещах на войне не думают.

Как добрался до станции, Генка не помнил. Выпало из головы. Очнулся, пришёл в себя на железнодорожных путях. С двух сторон его подхватили под руки двое пожилых мужчин в гражданской одежде, с повязками на рукавах. Попробовал вырваться и получил тычок в ухо.

– Не дёргайся, а то ещё схлопочешь. Нам возиться с тобой некогда. Ты точно, как по расписанию, подгадал к поезду с эвакуируемыми.

Один из мужчин бросил другому: «Быстрее, а то тронется состав, возись тогда с ним до следующего эшелона».

И ещё громче прокричал в приоткрытое окно одного из вагонов: «Сидоровна, принимай ещё одного до полного комплекта».

Вдвоём приподняли мальчишку в воздух и понесли к вагону, дверь которого услужливо приоткрылась перед ними. В щель высунулась женская голова:

– Куда ещё? И так сесть негде!

– Перебьёшься, не оставляй же сорванца на произвол судьбы.

Из одних рук мальчишка перешёл в другие. Женщина, одетая в железнодорожную форму, обняв за плечи, повела из тамбура в вагон.

Повёз поезд, вагоны которого были забиты под крыши эвакуируемыми детьми и стариками, мальчишку-подранка в новую жизнь.

В большом сибирском городе неделю продержали в распределителе. Потом железной дорогой под охраной доставили до небольшой станции. Здесь ребятню пересадили в телеги и повезли по деревням. Генка попал в семью сосланных с Волыни немцев, состоящей из двух женщин и четверых детей, ютившихся в крохотной пластанке*, больше похожей на крытый погреб, чем на жилое помещение.

...

Фрида Локштедт-Црук-Намретсом прожила нелёгкую жизнь. Две высылки из отчего дома и родного края за тысячи километров со всеми вытекающими последствиями. Два замужества. Первый муж, Альберт Црук, погибший в Первую Мировую войну на стороне войск Российской Империи, был любим и почитаем женой, несмотря на его отрешённость от мира сего и неприспособленность к ведению хозяйства.

Грамотный, начитанный Альберт в обращении по дому сызмальства уступал своим сноровистым братьям, но зато был докой в деле писарском. Все его друзья обращались к нему за помощью при написании любовных посланий

своим невестам. Если бы историей большого украинского села, где больше половины были немцы, занялся дотошный исследователь, то он был бы удивлён обилием поэтических талантов среди мужского населения. А секрет был прост – почти за всех влюблённых наброски писем, предназначенных девушкам, писал Альберт. Ему ничего не стоило за пару минут набросать, притом в стихотворной форме, складное послание с учётом характера адресата. После тайного принятия такого письма, девушки совсем другими глазами смотрели на своих ухажёров, а что содержание пылкого послания было тщательно переписано отправителем с черновика на оригинал, оставалось тайной двух парней.

Было местному поэту дано что-то такое, что даётся немногим, но он умело скрывал это, и, очевидно, именно поэтому у его жены не осталось от него ничего, кроме нескольких коротких сухих посланий с места службы, пары золотых украшений и малолетней дочери-сироты Ланиды. Погиб Альберт Црук на флоте, воюя против своей прародины, а жену с малой дочерью на руках, не спрашивая согласия, как солдатку, отправили подальше от фронта, разлучив с родственниками навечно.

Второй муж мамы Фриды, Фридрих Намретсом, был другого склада характера. Хозяйственный мужик, приученный жизнью гнуться по ветру и не ломаться, открыто никому не перечил, но своего никогда не упустил. Его отец, Йоганн Намретсом, сумел пережить все ужасы Первой Отечественной и Гражданской войн, разбойное время разгула банд с разноцветными флагами и знамёнами.

Чудом сохранил одноногий хозяин небольшого подворья и часть домашней скотины, в том числе несколько лошадей, которых затем, в начале тридцатых годов, передал единственному наследнику - сыну Фридриху.

Молодой хозяин, жена которого умерла при родах сына Рудика, стал присматриваться к своей соседке-бобылке, вернувшейся из принудительной эвакуации в Среднюю Азию. Откупила она часть бывшего отцовского двора у предприимчивого польского землевладельца, воспользовавшегося безвластием, и захватившего обширные земельные площади и по-мужски взялась за дело. Сохранила, наверное, кое-какие украшения и в обмен на них приобрела теперь не только земельный надел, но и пару лошадей и коров с мелким домашним живьём в придачу.

Поняв, что Фрида Црук – женщина волевая и работающая, сделал вдовец ей предложение стать его женой и объединить оба хозяйства. Одиноким женщинам было не до большой любви, поэтому она согласилась соединить жизнь с ухватистым соседом. Так появилась новая семья из четырёх человек, а два небольших хозяйских двора слились в один.

Фрида и Фридрих были личностями с характерами, и отстоять своё мнение мог каждый из них. Иногда доходило до смешного. Как-то на кухне сердитый из-за не во время приготовленного обеда Фридрих в горячке хватил тарелкой об стол. Старенькая посуда с треском разъехалась по столешнице. Фрида, не задумываясь, вдребезги разнесла вторую об пол. На пару били посуду, пока ничего не осталось на столе. Хозяин направился к кухонному шкафчику, строптивая хозяйка рванулась следом. Остановились после того, как услышали шум вбегающих в дом Ланиды и Руди. Попробуй объяснить детям, по какой причине бьётся посуда, да ещё так активно. Вдвоём, не сговариваясь, в один голос объявили, что ещё до обеда едут всей семьёй покупать новую кухонную посуду, а старую, выщербленную, бьют на счастье. Для подтверждения слов каждый из подростков получил по тарелке, которые тотчас были с грохотом разбиты. Убিরались в кухню всей семьёй. Только трое меньшеньких, Ольга,

Гарри и Куно, удивлённо вертели головами, не понимая, чему так радуются их родители, старшие брат и сестра. Случай этот все участники звонкого кухонного спектакля запомнили на всю жизнь.

Второго мужа Фриды убили в собственном дворе. Комиссар в кожаной тужурке имел все полномочия, и со строптивыми единоличниками, не желающими «добровольно» сдать скот и хозяйство в общее пользование, разговаривал круто. С теми же, кто проявлял малейший протест, разбирался сразу же, не откладывая экзекуцию на завтра, потому что рапорты о полной коллективизации он писал ещё до того, как начинал массовое мероприятие по сгону людей и скота в одно стойло.

Умел этот активный комиссар работать с народом. Он даже оригинальную систему выработал, правда, секрет свой никому не раскрывал. В каждом новом поселении, куда приезжал по заданию руководства, он умело провоцировал конфликт с одним из наиболее зажиточных хозяев, толкая этим самым его на открытое сопротивление. Ничем не рисковал опытный активист при узаконенном убийстве, мол, защищал свою жизнь. Он всегда стрелял не из нагана, демонстративно находящегося в застёгнутой кобуре на поясе, а из браунинга, мастерски спрятанного в левом рукаве шинели. Попробуй потом разберись, взял хозяин вилы или палку в руки для того, чтобы выгнать скот со двора или же для того, чтобы убить уполномоченного, а слух о крутых мерах, принятых приезжим комиссаром, разносился по округе со скоростью ветра. Таким образом, кампания по организации коллективных хозяйств, проходила успешно и быстро. «Добровольцев» уже не надо было искать по заимкам и уговаривать – все единоличники строем шли вступать в колхоз.

«Враги народа», а таковыми считались все члены семей, оказавших, пусть и пассивное сопротивление власти, высылались при первой же возможности. Так оказалась Фрида с детьми в Сибири. Поселили их в полуразрушенном сарае. Старшие просили в соседних сёлах милостыню, иногда, если удавалось, подрабатывали копкой огородов, тасканием хвороста. Семье повезло в одном – их выслали по весне, и к зиме они смогли немного подготовиться. По разнарядке Фриду, Ланиду и Руди зачислили в колхоз, но без права голоса. К осени перебрались в пластанку*, сложенную над вырытой ямой и разделённую на две части печью. В передней половине поселились люди, а в задней разместили поросёнка с телушкой, заработанных на трудодни. Первую зиму пережили трудно, но с голоду никто не умер. Несколько лет перебивались с хлеба на воду, а потом полегчало. Со временем пристроили к избушке небольшой пригончик* и домашнюю живность выселили из дома.

Ланида вскоре вышла замуж за мужчину, сосланного из западной Украины и им отделили уголок в передней комнате. Зять оказался человеком мастеровитым. В доме появились вместо нар деревянные кровати, правда, они были рассчитаны на несколько человек, но зато солома, которой забивались кроватные ящики, не разлеталась во все стороны. Всю имеющуюся обувь тоже отремонтировал умелец, и даже по паре массивных деревянных шлор* получил каждый член семьи от него.

Перед самой войной мужчинам, то есть Руди и мужу Ланиды Петру Тофу оказали честь послужить Родине в рядах Красной Армии. Всего несколько писем пришло от них с Дальнего Востока, а затем – как обрезало. Уже с Крайнего Севера пришёл последний треугольник, и в нём Руди сообщил, что ему досталась доля добывать победу кайлом и лопатой в воркутинском угольном бассейне, а Петра увезли куда-то дальше на север. В этом же

последнем письме просил забыть о нём. На его, такую странную, фразу никто из родственников не мог найти вразумительного объяснения, ведь невозможно забыть, выбросить из памяти родного, близкого человека. Потерялись следы двух членов семьи в крупорушке судеб, но в памяти своих родственников остались навечно.

...

Генка как-то просто, без особых осложнений вошёл, как полноправный член, в новую семью. Оля, Гарри и Куно признали его старшим братом. У них появился защитник, и не просто защитник, а вооружённый. Вся деревенская детвора на следующий же день узнала о наличии финки у нового жителя, а, что такие ножи имеют только бандиты, было известно всем. Так Генка, даже не подозревая об этом, стал пользоваться определённым авторитетом не только у мелюзги, но и у подростков, и это уважение автоматически распространилось на его подзащитных, живущих с ним в одном доме. Ланида, покладистый характер которой был известен всей деревне, тоже сделала первый шаг сближения, предложив сразу же в день приезда, постирать потрёпанную одежду. Проблемы с языком решались с двух сторон. Генка учил немецкий, а его меньшие и старшие вновь приобретённые родственники интенсивно учили русский.

Ланида рассказала Геннадию, что незадолго до него к ним в дом по распределению попала Марта Ретамис, молодая женщина, эвакуированная из Латвии с грудничком-девочкой на руках. Не вынесла она суровых сибирских морозов и кабальной колхозной работы. Ещё один холмик с грубым берёзовым крестом вырос на деревенском кладбище, а маленькая девчушка Надюша осталась у них, как полноправный член семьи.

Именно маленькая Наденька оказалась позднее своего рода якорем спасения для хозяйки большой семьи: Фриду Намретсон обошла участь всех трудармистов только потому, что она официально удочерила эвакуированную девочку, а малышке в это время не было ещё и годика.

Мама Фрида, так Генка называл её, редко бывала дома. Мужчин из деревни вымели практически всех, а работы на ферме, где она трудилась последние несколько лет, не убавилось. Нередко приходилось и мальчишкам в свободное от школы время помогать убирать навоз и подвозить корм.

Вскоре семья уменьшилась ещё на одного человека. Ланида оказалась в списках женщин, привлекаемых к принудительным работам, и поехала молодая женщина не на фронт, а в большой город Челябинск добывать победу в шахте. В последнем коротком письме сообщила, что её перебросили из заводского цеха за непослушание начальству в город Копейск на шахту 15/16. Между строк можно было прочесть, что женщина не захотела быть объектом развлечения в руках одного из высокопоставленных чиновников, и этим она подписала себе смертный приговор. Потерялись и её следы.

Генке физическая работа пошла на пользу. Окреп он. За год вымахал под дверной косяк. Даже повыше приёмной матери стал, а своих меньших братьев вообще оставил далеко позади. Доверили ему колхозное стадо, и стал бывший городской мальчишка пастухом. Восседая на своём мосластом мерине, проезжал он по деревне, и малышня, которой не было оказано доверия управлять конём, с завистью смотрела ему вслед. Не одна из девушек стала заглядываться на симпатичного чужака, но он ни на кого из них не обращал внимания. Гарри и Куно часто навещали его на пастбище. Учил меньших ставить силки и петли (пригодился опыт, нажитый за несколько дней в скирде).

Куропачье и заячье мясо стало хорошим подспорьем большой семье, где ртов было много, а еды всегда недостаточно.

Много рассказывал бывший ленинградец о своей младшей сестричке Зинуле. Подробно описывал её золотые косички. Часто и охотно играл с малюткой Надюшей. Мама Фрида убедила его в том, что нужно попытаться найти родственников. Ни на одно письмо, отправленное домой в Ленинград, Геннадий ответа не получил. Был уверен, что остался полным сиротой.

Никому, ни одним словом, не обмолвился о том, что подал заявление в военкомат. Повестка пришла неожиданно для всех. По этому случаю вечером семья собралась за столом.

– Тебе же нет ещё шестнадцати, почему же это вдруг тебя забирают от нас?

Фрида не смогла удержать слёз, а меньшие, глядя на маму, были расстроены не меньше.

– Нет, мама. Прости меня. Меня не забирают, я добровольно уйду на фронт. В справке, выданной в Сибирске, обозначено, что я эвакуированный из Ленинграда, а год рождения не указан. Других документов у меня нет, поэтому я смог приписать себе полтора года. Я не рассказывал о том, что подал заявление, чтобы не расстроить вас заранее.

Все скромные съестные припасы в этот вечер вытащили из укромных и потаённых уголков. Что могло храниться несколько дней – уложили в вещмешок призывника, а остальное попало на стол. Не радостным было это застолье.

Ребятам Гена на прощанье вручил самое дорогое – финку. Ольге и матери подарил по изящной корзинке, сплетённой втайне от всех из ошкуренных тальниковых прутьев. Наденьке досталась детская коляска, также сплетённая из тальника, и поставленная на крохотные колёсики, вырезанные из берёзового ствола.

– Мама, у меня просьба – вы моя семья! Если случится, что ранят, могу я приехать к вам домой?

– Как тебе не стыдно... ты ещё спрашиваешь...

Всего несколько почтовых треугольников прилетело с фронта в небольшую сибирскую деревеньку на адрес мамы Фриды. Она же, вечерами, когда выдавалась свободная минута, регулярно отчитывалась перед сыном обо всём, что происходило в доме. Один из однополчан откликнулся на письменный зов матери. Сообщил он подробности гибели Геннадия Никифорова, но место захоронения указать не смог. В этом же коротком письме сослуживец Гены рассказал о том, что тот часто с гордостью вспоминал о новой семье в далёкой Сибири, приютившей его и ставшей ему родной.

Мама Фрида похоронку так и не получила. Она не была занесена в официальные бумаги молодого солдата как мать, а эмоции и чувства к делу не пришить. В военкомате, куда она обратилась за помощью по розыску приёмного сына, ей также отказались дать информацию о месте его гибели, ссылаясь на то, что она не является близкой родственницей погибшему.

...

Куно вновь открыл глаза.

– Вы Зинаида Никифорова?

– Да. А что?

– У вас был брат Гена? Вы родились в Ленинграде?

Лицо женщины побледнело...

– Дааа..., но почему вы спрашиваете?

– Нельзя! Я не имею права умереть...

Женщина с испугом смотрела на незнакомого мужчину, а тот вёл невидимый бой со своим собственным сердцем. Упрашивал, умолял его дать хотя бы небольшой срок для того, чтобы рассказать сестре Генки о том, что у неё была и есть многочисленная родня не только в России, но и в Средней Азии и даже в Германии.

***Полуторка**: грузовой автомобиль грузоподъёмностью в полторы тонны

***Пластянка**: избушка, сложенная из пласта (дёрна) над вырытой ямой

***Шлоры**: обувь, вырезанная из дерева наподобие галош

***Пригон (пригончик)**: небольшой сарай возле жилого помещения

О Немых Кочевниках и умных чиновниках

Жил-был на свете осёдлый, трудолюбивый народ. Трудился, не покладая рук. Были у этого народа прекрасные ремесленники, земледельцы, виноделы и садоводы. Притесняли их, конечно, кому не лень. Душили их, как могли, самые различные князья и феодалы. Церкви тоже не забывали урвать хороший кусок, а иначе как можно построить храмы, которые только с царскими хоромами и можно сравнить и где можно спрятаться от своего же бедного голодного народа церковным чиновникам?

Но со всеми этими бедами ещё можно бы было жить, если бы не многочисленные прожорливые государственные чиновники, которые требовали порой уже не одну шкуру с барана, а полторы.

Чиновники – это особенное отпочкование от рода человеческого, и описать их характерные черты практически невозможно. Они по природе своей очень схожи с хамелеонами, только у названных животных меняется лишь цвет кожи, а у чиновников при необходимости может меняться абсолютно всё: цвет кожи, осанка, голос, рост, лицо. Да, пожалуй, всех преобразований, которые могут прodelывать чиновники со своим телом, перечислить невозможно.

Чиновники не имеют национальности или национальных особенностей. Во всём мире они совершенно одинаковые, несмотря на различный цвет кожи или одежды. По мере надобности чиновник одевает на лицо соответствующую данному моменту улыбку. Точно так же и с телом. Коли нужно для дела, то чиновник согнётся до пола в самом низжайшем поклоне или станет в позу вопросительного знака, оказывая особую честь посетителю. Но чиновник также может стоять или сидеть с высоко и гордо поднятой головой, всем своим видом показывая царственность своего положения. И все чиновники без исключения обладают ещё одним чудесным свойством: по мере надобности, их руки могут вытягиваться за получением взяток до неизмеримой длины. Причём, именно этим феноменом природы они особенно охотно пользуются.

И решил бедный трудолюбивый народ бежать от непосильных поборов. Да и слух очень странный носился по земле трудолюбивого народа: говорят, мол, в тридесятом царстве в тридесятом государстве объявился, на удивление всему земному люду, добрый царь. По слухам, этот царь, прозванный «Большим», пообещал всем пришлым вольготную жизнь и освобождал всех новосёллов от государственных служб и пошлин. Готовый рай на земле сулил Большой всем,

кто раскорчует новые земли в его царстве-государстве, самое же главное и заманчивое было, что будто бы на новых восточных землях вообще никогда не будет чиновников.

Тронулись самые бедные люди трудолюбивого народа в дорогу. Да видно, слишком долго собирались. Умер к тому времени Большой, а пришедший к власти маленький цариска вместе со своей престарелой мамашей думал иначе. По болотам разогнали переселенцев да в придачу за то, что их речи никто не понимает, окрестили навечно «Немыми кочевниками».

Великий Побег трудолюбивых от чиновников на время приостановился. Но недолго владычил умственный недоросль-царь в тридевятом царстве. Быстро сумела новая царица сжить со света своего хилого царька-муженька. И понеслись громогласные глашатаи по всему миру, приглашая трудолюбивый народ на новые земли. Все обещания, данные Большим, объявлялись снова действительными, и даже целую кучу самых различных новых льгот и пособий было обещано новой владычицей Немым кочевникам. Сильные, здоровые рабы были честолубивой царице очень нужны. Много новых земель захотела она иметь под своим началом, а земля ведь сама по себе не вспахивается и не обрабатывается. Вот и сумела хитрая царица сманить сладкими обещаниями трудолюбивый народ на бескрайние и вольные восточные земли.

Целыми семьями, родами и селениями собирались трудолюбивые в путь, не зная, что будет их кочевая жизнь длиться больше двух веков.

С тех пор прозвище «Немые кочевники» закрепиться за трудолюбивыми, уже официально, как языково-национальный признак.

А когда вернуться, наконец-то, Немые кочевники в места, откуда когда-то выехали или пошли пешком трудолюбивые, то их и здесь встретят не очень приветливо западные чиновники и первых назовут «Немыми возвращенцами». Будут чиновники к этому времени внешне выглядеть уже иначе, но сущность их за много лет не изменится.

...В дороге обдирали бедных кочевников все, кому не лень, и пожаловаться было некому. Царица далеко, а восточные чиновники сами были страшнее всяких разбойников, и коли им в рот попадал палец, то они живо отхватывали всю руку.

Приехали Немые кочевники, наконец, на новое место, а восточные чиновники тут как тут, и даже гусиное перо за ухом такое же, как у западных чиновников. По жадности восточные чиновники тоже ни в чём не уступали западным, даже были ещё бессовестнее. Пользуясь бесконтрольностью, драли восточные чиновники с Немых шкуры, не взирая на их сильно исхудавшие за дальнюю дорогу лица.

Обещанного царицей рая и в помине нет, а от призрачных молочных рек с кисельными берегами, один едкий ядовитый туманец остался.

Куда деваться бедному Немому кочевнику? Назад не вернёшься, провианта не хватит, да и штаны пообтрепались, не пойдёшь же назад с голым задом через все царства. Пришлось им засучивать потрёпанные рукава и дружно взяться за топоры, пилы, вилы и лопаты. Раскорчевали и вспахали не одну тысячу гектар новых земель. Стали шить новые штаны, рубахи и на всякий случай сушить сухари.

Хлеб, масло, шерсть и всё остальное непрекращающимся потоком пошло на чиновничьи и царские нужды. Поборами давили Немых кочевников до земли, но они, уже наученные горьким опытом, каждые двадцать или тридцать лет

перекочёвывали на новые места, где поначалу всё же было поменьше живодёров-чиновников.

Так и жили Немые до поры до времени. Но не спас их принудительный цыганский образ жизни. Пошутил с ними новый император огромной Восточной империи по кличке – «Бородатый». Провёл он целый ряд экспериментов на выносливость и выживаемость. Выдержали Немые и это несчастье несмотря на то, что часть из них во время царствования «Бородатого» была выброшена из собственного дома далеко за горизонт, без права брать с собой какое-либо имущество. Выдержали и это испытание. На новых, землях, зачастую без необходимого инструмента, стали возводить новые дома.

А потом грянул страшный гром, который уже всерьёз оглушил всех Немых кочевников, от мала до велика, на целых полвека. Одним росчерком золотого пера очередной царь, по прозвищу «Усатый», выбросил их, бедных, без сортировки и разбора в совсем уж необжитые места, за Уральские горы. Что ж, не привыкать, пережили и эту новую беду, несмотря на то, что потеряли больше половины своего взрослого состава во время «весёлых» развлечений Усатого и его придворных. Только ещё трудолюбивее и закалённее стали от всех бед. Даже по две шкуры умудрялись восточные чиновники драть с них в это время, а угробить до конца так и не смогли.

Чуть только оклемались Немые кочевники от бешеных выкрутасов Усатого, как стали опять размножаться неисчислимо. Крепкими домами стали обзаводиться и даже всеильных чиновников перестали дрожательно бояться-уважать. В необъятных степных азиатских просторах их селения можно было узнать уже за много километров. И свои не совсем уж скромные жилища стали они прятать среди высоких деревьев, цветов и кустарников. Покрасили, выбелили всё и зачастую даже улицы стали подметать.

Зажили на некоторое время Немые кочевники осёдло и жиреть стали не в меру. После смерти Усатого стали смелеть и голос подавать. Не понравилось им, видите ли, быть вечно немymi. Затребовали своих школ и церквей, будто других дел нет. Но чиновники им быстро ум вправили и указали их место в жизни. Не один шибко умный Немой снова откочевал в эти годы, опять же против своей воли и в назидание другим, в места очень даже отдалённые.

Но со временем отпустили власти опять чуток туго натянутые вожжи, некогда им стало за пьянками следить за прежним порядком.

Сразу же появились, среди Немых кочевников первые ласточки шибко грамотных и умных, которые не хотели быть больше рабами.

Рванули смельчаки, воспользовавшись международной оттепелью, точнее сказать, отсутствием сильных политических заморозков-морозов, назад на родину своих предков. Первым не всегда хорошо, но здесь вначале всё сработало иначе.

Встретили их на родине далёких предков с распростёртыми объятиями. Оказывается, западные чиновники очень даже нуждаются сейчас в «Новых Немых кочевниках». Туалеты, печки, окна и всё другое некому чистить и улицы подметать. Новые Немые кочевники, имеющие в этих делах большой опыт, пришлись как нельзя кстати.

Умный народ – западные чиновники и дальновидный. Знали, наверняка, чем поманить назад кочевников. Хорошим обхождением с первыми возвращенцами добились чиновники действительно небывалых результатов обратного переселения.

И пошли-полетели по миру быстрые, как молнии, слухи о новом западном царстве-рае. Ринулись толпами Новые Немые теперь уже не на Восток, а на Запад. От большой прыти многие из них даже подмётки теряли, но назад не возвращались. Как-никак на Западе уже ждала их новая яркая обувь. Да никто не подумал о том, что новая обувь иногда жмёт ногу и если размер подходит не совсем точно, то даже самая лучшая в мире обувь может до крови натереть не только ноги, но и душу.

Где можно набрать столько «путцштел*»), чтобы обеспечить ими всех, расплодившихся, как мухи при благоприятных условиях в урожайном на детей Востоке, Немых. Река возвращающихся на родину предков кочевников стала разливаться всё шире, грозя смыть всеильных чиновников с их мягких удобных кресел, подогнанных под каждого персонально. Да ещё в общую реку возвращенцев стали вливаться людишки с не совсем ясно различимыми родословными признаками Немых.

Но вовремя сумели сориентироваться умные западные чиновники. Их смекалистости можно только позавидовать. Бетонными плотинами улыбок, подкреплённых стальными прожилками-словами «тутмирлайд*»), стали сдерживать реку кочевников, рвущихся до знакомой с детства работы. Не пустили чиновники дело на самотёк, а стали проверять у вновь прибываемых на Запад их принадлежность к Немым самым тщательным и внимательным образом.

Говорят, что истинного кочевника-монгола можно сразу же после его рождения узнать по голубоватому треугольничку на нижней задней части тела. Настоящего же Немого кочевника можно узнать только по огромным мозолям на теле.

Всю социальную лесенку возвращающихся на запад Немых поделили чиновники на четыре ступени-подвиды: первая ступень – возвращенцы, вторая ступень – переселенцы, третья ступень – поздние переселенцы. Четвёртая ступень – кочевые-переселенцы. Подвиды, для удобства обработки машинами документов, дополнительно разбросали ещё по восьми отрядам-ступеням.

Для того, чтобы не отпугнуть ожидаемые последующие массы, первых Новых Немых кочевников-аусзидлеров, всех без исключения, одним росчерком пера, усаживали чиновники на первую ступень. (Именно отсюда-то и пошёл весь беспорядок-ералаш). По мере нарастания потока, стали хитрые чиновники делить его уже на два русла. Если понравится чиновнику Новый Немой, то получает первый, второй, третий или четвёртый номер социальной ступени и соответствующие льготы.

Счастье тому, кто попадает на первую ступеньку. Счастливчику обеспечены все мыслимые блага, и он может смело глядеть сверху вниз на своих же собратьев, прибывших после него.

Но горе было в последующие годы уже тем Немым, которые чем-то не пришлись по душе чиновникам. Таким были обеспечены только самые нижние ступеньки социальной лестницы.

Ещё чуточку позднее западные чиновники уже не захотели больше заниматься нахлынувшей работой и спорить с ничего не понимающим вновь прибывшим восточным гражданином о лестничных ступеньках, видах, подвидах и отрядах. Умные западные чиновники, вооруженные теперь уже не гусиным пером, а самыми мощными электронными машинами, нашли всё же, конечно, не без помощи всё тех же умных-преумных машин, давно забытый, но абсолютно

надёжный способ определения настоящего Немого. Чем больше мозолей на теле – тем выше стоит Новый Немой переселенец на оценочной шкале. Стали западные умные чиновники все контрольные замеры мозолей и их последующие оценки полностью доверять машинам.

Вновь прибывшего восточного гражданина проводят под высокочувствительной рентгеновской камерой, которая и определяет, в какую графу-ступень должен быть занесён новый житель западного рая. Секрет камеры очень прост, но, естественно, только для посвящённых людей: она элементарно определяет размеры мозолей на теле, а подключенная к рентгенкамере вычислительная машина сама проводит все дальнейшие расчёты.

Нет у проверяемого мозолей совсем – дорога в западное царство плотно закрыта, а есть мозоль на всю спину, коленках и на заде – значит, Новый Немой кочевник-аусзидлер налицо и ему дорога открыта.

Правда, последних, как говорится, всегда собака кусает. И не просто стали гнать через рентгеновскую камеру, не взирая на личность, поздних Немых, а стали пропускать их уже и через какие-то дополнительные каналы-трубы, о которых рассказывают такие страсти, что некоторые из последних оставшихся на Востоке кочевников говорят, что лучше они умрут, но на такие муки не пойдут.

Ходят слухи, что даже мысли считываются и записываются на плёнку и другие носители информации в этих каналах-трубах у человека, а кто же согласится на то, чтобы его мысли стали всеобщим достоянием.

В списки принятых вносят только до восьмого номера, а если машина определила подвид или отряд ещё ниже, то проверяемый выбрасывается, как непригодный элемент, назад в одно из бедных восточных царств, без права повторной попытки попасть в западный рай. Иначе нельзя. Хитрецов-то много. Пойдёт такой хитрован в какой-нибудь фитнес-клуб и накачает себе искусственные мозоли, а не потомственные.

Поговаривают, правда, что западные чиновники и это уже предусмотрели. Новые умные машины и эту хитрость уже могут определить. «Знатоки» рассказывают, что умная машина сразу же определяет, какой это мозоль – потомственный или наращённый позднее.

Если же случайно при проверках у какого-нибудь Немого обнаруживается мозоль на языке, то это сенсация. Такой гражданин ни в коем случае не может быть простым переселенцем, а только политиком, притом трудолюбивым. Мозоли даже на языке даром не даются. Только из высшей, говорливой знати может происходить такой экземпляр, и обращение с ним должно быть соответствующее. Дальше проводят почётного гражданина уже не по общим приёмным, а по особым коридорам, и чиновники почётному человеку с большим уважением отдают поклон.

С такой персоной рядовым чиновникам уже не разрешают даже общаться, здесь в дело вступают дворцовые приближённые. Но на единичных случаях жизнь царства не строится и причиной наводнения такие, в отличие от простых кочевников-аусзидлеров, не будут.

Но почему всё-таки придумали чиновники такую градацию Немых? Ответ ясен, как два плюс два.

Человек с огромными мозолями никогда не будет конкурентом для чиновников. Про таких людей даже весёленький анекдотец рассказывают, при закрытых дверях и только в своих кругах, шустрые чиновники:

«Задаёт один западный чиновник вопрос Немому кочевнику:

– Какой самый лучший гибрид двадцатого века ты знаешь?

Глядя на удивлённого посетителя, усмехающийся чиновник сам отвечает:

– Смесь осла с рыбой.

Немного погодя говорит умный чиновник ничего не понимающему и сидящему с открытым ртом кочевнику-аусзидлеру:

– Да ты, мой любезный, самый лучший тому пример. Трудиться должен как осёл, и молчать при этом как рыба, потому что всё равно ни слова не понимаешь из того, что тебе говорят».

Прав умный человек, придумавший такой чудный анекдот. Трудятся люди с мозолями на теле точно так же, как и их трудолюбивые предки.

Трудятся Новые Немые кочевники-аусзидлеры на всех самых «тёплых» местах: в путцколоннах, в траншеях канализаций, на конвейерных линиях вместо робота, потому что робот стоит на рынке гораздо дороже, чем кочевник-аусзидлер. Трудятся молча, не покладая рук, днём и ночью, в хорошую и плохую погоду. И как ни будут стараться зловерные чиновники сжить Немых со света, им это не удастся. Слишком выносливыми стали наши Немые кочевники за два с лишним прошедших столетия. Не по зубам, как восточным, так и западным чиновникам, были, есть и будут Немые.

Слава им, молчаливым и трудолюбивым бывшим кочевникам, а теперь аусзидлерам – Немым!

Путцштел* (Putzstelle) – место уборщицы или приходящей домработницы

Тутмирлайд* (Tut mir leid) – сожалею, служит вежливой формой отказа

Львы (сказка-быль)

Жили-были лев с львицею. Были они по натуре своей интеллигенты до мозга костей, но, конечно, с хищническим уклоном. Какой же ты лев, если время от времени кого-нибудь да не накажешь, не съешь. Вся подвластная тебе братия сразу всё уважение к тебе потеряет. Не успеешь глазом моргнуть, как и сам у кого-нибудь из них в зубах окажешься. Поживали они себе относительно мирно и тихо в своём краю. При надобности съедали кого надо и когда надо. Большого шума при этом не производили, но особенно и не скрывали свои повседневные дела. Кормиться-то тоже надо, иначе сил не будет, а они были нужны, да ещё как. Жили-то все по известному принципу: «сильный всегда прав».

Имел лев и влиятельных друзей. А как же без них выжить? Иначе охотники-отстрельщики давно добрались бы и до его тихих краёв, и, кто знает, может быть, красивая шкура льва уже давно украшала бы чьё-нибудь не совсем скромное жилище.

Об уме и добропорядочности этой пары львов слухи разносились по всей окрестности, и как-то так уж получилось-сложилось, опять же не без помощи могущественных друзей, что весь лесной, степной, горный и болотный люд, как всегда единогласно, выбрал льва в цари, ну, а львица, конечно, стала царицей.

Так неожиданно вырванные из своих привычных мест и вознесённые на столь высокий трон, лев с львицею почувствовали себя как-то неудобно, непривычно. Прежних надёжных, послушных слуг, то бишь шакалов, под рукой оказалось слишком мало. А придворным слугам-гиенам когти в пасть класть было слишком опасно, они могли при случае и лапу отхватить под корень. Своих же бывших друзей-львов царь с царицей сами стали сторониться, боясь конкуренции.

Посидели лев с львицею, посовещались, ума-то не занимать, и решили: нужно всю хищную братию собрать вместе и занять новым делом, а если нового ничего нет, то хорошо забытое старое назвать новым. Для толпы тоже сойдёт. Пока разберутся, что к чему, вся масса уже будет мчаться бешеным аллюром, а слишком умных и много думающих одиночек сомнут и растопчут в этой сумасшедшей скачке. Даже мокрого места от них не останется. А им, царю и царице, нужно будет только наблюдать с Олимпа за ходом действий и время от времени указывать лапой дальнейший курс толпе. И помимо всего снимать для себя сочные вызревшие плоды.

Решили – сделали. Собрали гиен, волков и шакалов. Объяснили, что впредь править будут только плюрально. Все хищники проголосовали, конечно, как всегда единогласно, даже не поняв, за что голосовали, но надеясь в любом случае на самый жирный кусок добычи. И рванула вся толпа-стадо окончательно озверевших от предчувствия добычи хищников в неизвестность.

Да зазнайство к добру не приводит. Оторвались лев с львицею от своих братьев по крови львов, а у гиен, шакалов и другой мелкопакостной нечисти законы другие. Те рвут всё подряд и не для порядка, острастки или для насыщения, а просто так, для веселья. И львам-одиночкам с ними не совладать. Был когда-то, говорят, много лет назад такой сабельный лев-герой. Свирепее и страшнее его земля не знала. Тот для устрашения поуничтожал даже всех своих одноплеменников-львов и окружил себя похожими на него самого

каннибалами. (Правда, такие отклонения природа допускает только раз в тысячелетие). Но не нашим интеллигентным царю и царице было тягаться с их очень далёким и талантливейшим во всех самых чёрных делах предком.

Толпе хорошо. Никто ни за что не отвечает. Не бегущих в ногу одиночек стирают в дорожную пыль, и никто в этом не виноват. Шевели ножками, коли хочешь выжить.

Гиенам вся эта кутерьма не особенно нравилась. Волки и даже шакалы и другая шушера стали частенько вырывать самые лакомые кусочки из-под самого носа гиен.

И нельзя было разобрать в густой серой толпе, кто это сделал. Юркнет под носом что-то серенькое, незаметное, а попробуй узнай или догони в толпе такого шустряка.

Над царём и царицею нависла грозная опасность и именно с той стороны, откуда они и ожидали – от гиен. Принятые царём меры предосторожности запоздали.

Сбитые с толку всей наступившей суматохой, да и не такие быстрые в беге, как волки и юркие шакалы, гиены стали отставать от всеобщей толпы. И неожиданно для всех оказались, как настоящие пастухи, в хвосте стада-толпы. Лучшего и придумать нельзя. Скрытно от стада-толпы во время бега обговорили кое-что: «Царя с царицей немедленно сожрать. Стадом-толпой управлять сзади, уходящих в стороны одиночек наказывать клыками и когтями. Отстающими особями кормиться на ходу, не снижая бешеного темпа скачки. Причём темп бега, по возможности, только ускорять, ускорять до предела. Стадо-толпа управляется во время бега лучше всего. Никто не имеет возможности повернуть вспять, ведь каждый знает, что любая такая попытка равно самоубийству».

И дело пошло. Гиены, обхватив стадо-толпу грозным эскортом сзади, дружно погнались его дальше. Не забывая, естественно, вовремя кормиться.

Стадо-толпа даже не разобралась, что власть в мгновение ока сменилась. Гиены стали у правила, а царь со своей царицею остались одиноко сидеть далеко позади на своём Олимпе. Но гиенам было уже не до них. Не возвращаться же назад для расправы.

Жил-был в то же самое время и ещё один наш герой: лев-изгой.

Прогнали его сильные и спокойные львы уже много лет назад из своей семьи. Исключили его окончательно из своего сословия. Невыносим стал он для них. Рвать добычу для себя – рвали все, жить то надо. Но друг у друга не воровали, брали только из общего котла. Сильный брал по праву своё, слабый получал остаток, и всё было прекрасно. И это было справедливо и правильно. Этот же лев, если кража ему не удавалась или более сильный брал кусок, уже выбранный им, львом-изгоем, долгое время потом ревел по всей округе о своей обиде и будоражил всех. Не давал львам жить спокойно, так как привыкли жить уже немало лет. Все его нечистоплотные, воровские, скандальные проделки выводили всё стадо из равновесия. Наконец, терпение у львов лопнуло, и изгой оказался один и вдали от своих собратьев.

Но время он даром терять не стал. Чтобы выжить, учился всему подряд: воровать и не попадаться – у сороки; громко кричать, не реветь, а именно кричать охрипшим голосом – у ворон; хитрости и проворству – у лисицы; искусству подпустить нечистый душок и обойти расставленные ловушки – у хорька; нападать тихо и неожиданно – у совы; прыгать бесшумно на головы своим жертвам – у рыси; крутить лихие петли и совершать неожиданные

прыжки в сторону – у зайца. И равных ему во всех этих фокусах не стало. Одно было плохо. Стало подводить здоровье.

Правда, звери самой матушкой природой обучены искусству самолечения при помощи различных трав и корней. Но нашего бедного льва-изгой подвело на этот раз его чутьё. Не ту травку нашёл он, и она ему настолько понравилась, что стал он её потреблять не только при необходимости. Дурман-травка стала ему чуть ли не повседневной пищей. Его от рождения розоватые глазки и нос теперь частенько принимали тёмно-красный цвет с буровато-лиловым оттенком.

И надо же такому случиться! Гиены гнали уже почти совсем покорное стадо хищников именно туда, где в своей пещере жил одинокий, но многоопытный теперь в житейско-жонглёрских делах лев-изгой.

Лев-изгой, услышав незнакомый ему шум, быстренько забрался на камни, окружающие его логово, как высокая баррикада. Но всё, что он мог разобрать в своём полудурманенном состоянии, это что кто-то кого-то куда-то гонит.

Однако при всей своей болезненности лев-изгой всё равно быстренько сообразил, что счастье само бежит в его лапы, и он замахал ими, что было сил, закричал-заревел, что было мочи:

„Врассыпную, братья мои родные. Кто ещё может: быстро на баррикады. Остальные рассыпайтесь горохом по округе, окружайте преследователей и нападайте на них скопом. Сзади, сбоку, со всех сторон. Я с вами. Не бойтесь, мы победим! Долой! Всех долой! Мы победим!“

И глупые хищники поверили в крики-лозунги взбесившегося от предчувствия наживы льва-изгой. Он даже отрезвел малость от таких весёлых драчливых дел. Это была уже не просто борьба за выживаемость. Нет! Это была открытая война хищников между собой и со всем остальным миром вместе взятым. Пастухам досталось на орехи, и не все из них выжили в этой борьбе.

И можно себе только представить, как в такой войне приходилось бедным травоядным животным и всей остальной не хищной мелочёвке. Хищники рвали их мимоходом, походя, не разбираясь, нужно это или не нужно. Только шерсть, пух и перья летели во все стороны. Мычание, писк и визг неслись со всех сторон.

Даже всеильные в прежние времена львы, напуганные всей этой непривычной кутерьмой, попрятались по своим убежищам и с тревогой наблюдали издали за происходящим. Попадёшь ненароком под такой всеокрушающий вал, и разнесёт ветер твой пушок по округе. Даже косточек не останется.

У звериной толпы, по парадоксальному стечению обстоятельств, оказался слеповатый от травяной болезни, но умеющий всё ещё очень красиво и захватывающе орать-кричать лев-лидер.

И кричал он именно то, что так сильно хотелось всем слышать: „Долой царей-львов и их приспешников!“ Несмотря на то, что сам происходил из рода львов. Да, ошибка вышла у природы. Он должен был бы родиться хамелеоном.

Долой-то долой, а дальше что? А дальше, как всегда: лев-лидер впереди, остальные – сзади. И пошла гулять империя. Льву-изгою все слепо верят. Дружно помчались хищники за ним, попутно подгоняя и всех остальных травоядных и малых. И никто, абсолютно никто, даже из обладателей крупных рогов и копыт, не раскрыл шире глаза. Не посмотрел зорким глазом вперёд. Не упёрся рогом в землю. Не стал в круг рогами или копытами наружу и не сказал: „Ни шага дальше. Иначе всем нам конец“.

А впереди лежала пропасть. И без крыльев через неё никому не перебраться. Но всей этой многочисленной мчащейся массе и во сне не могло присниться,

что лев-изгой с умыслом ведёт их в этом жизненно опасном для всех направлении.

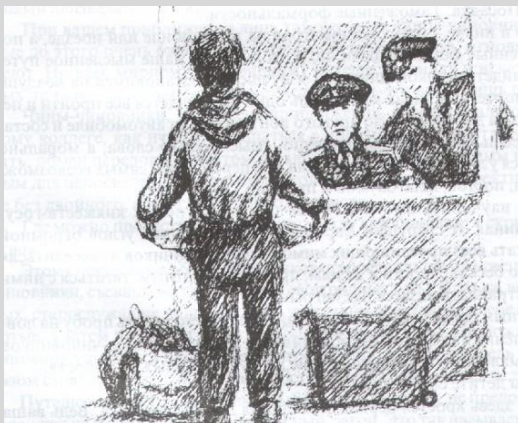
В самые плохие для льва-изгоя времена ему иногда подкидывали какой-нибудь объедок странствующие крылатые стервятники. На одной дурман-травке долго ведь не протянешь. Мясо или, на совсем уж худой конец косточки время от времени хищникам очень даже необходимы.

Благодаря своим огромным крыльям летающие стервятники могли, не расходуя много сил, парить над всем миром. Сверху они многое видели и заранее знали, где в будущем можно будет пожить. Всю неразбериху в этом издавна беспокойном царстве, они даже приветствовали и время от времени, совсем незаметно, подкидывали всё новые яблоки раздора. Знали наверняка: где большая драка, там много жертв, а значит, и пожить будет чем на много лет вперёд. И бросали они время от времени несъедобные уже для них косточки разным наземным хищникам. Может, когда и пригодится. Они даже пообещали льву в случае нужды перенести его на своих крыльях через непроходимое ущелье. Но с условием: пропасть должна быть заполнена наживой для крылатых стервятников до самых краёв. Лев-изгой обещал, конечно, всем и всё. Лишь бы подкармливали.

Ну, а конец этой сказки известен заранее...

Лев-изгой свалится в пропасть сам и немало виноватых, а ещё больше невинных жертв увлечёт за собой. Стервятникам он в любом случае уже будет не нужен. Ведь им ждать от такой развалины больше нечего. Да и роль свою он сыграл успешно и довольно с него.

Крылья же свои летающие стервятники ещё никому и никогда к услугам не предоставляли. Благотворительности эти широкогорлые вездесущие господа не обучены. За красивые, пусть и розовенькие, глазки они подачек не дают.

Чины-чиновники (шутка)

Кто не любит путешествовать?

Очевидно таких немного, но не всякий решается взять мешок на плечи и тронуться, как это делали наши предки, в далёкий, неизведанный путь.

Ничего особенного. Бояться не надо. В наше время видов транспорта хватает и новых, ещё не совсем изученных мест тоже.

Сколько народу находится постоянно в дороге, но редко кто задумывается над тем, как много интересного материала для огромного количества анекдотов и историй можно собрать только при пересечении одной из государственных границ.

Давайте отправимся, хотя бы мысленно, в путешествие. Для начала вам нужно проложить маршрут по карте.

Куда особенно сильно влечёт в последнее время рядового бродягу-путешественника из старенькой Европы?

Конечно в страны, которые много лет были закрыты для простого смертного искателя приключений железным занавесом.

Как добраться из Западной Европы в одно из новых царств в глубине другого континента?

Можно самолётом. Можно железной дорогой. Можно автомобилем. Можно и пешком или на велосипеде. Выбор большой и вариантов множество, но начинать нужно всё же с самого простого, то есть добраться до выбранного места самолётом.

Взлёт. Посадка. Таможенные формальности.

Можно и иначе – много километров на автомобиле или поезде, а потом таможенные формальности, но в этом случае наше мысленное путешествие выйдёт слишком длинным и лучше мы остановимся на воздушном транспорте, как-никак всего лишь один раз придётся всё пройти и пережить, а пока доберёшься до другого континента на автомобиле и состариться успеешь, не в прямом, конечно, смысле этого слова, а морально (поизносится у любого нервная система при пересечении самых всевозможных границ, постов, шлагбаумов и пр., и пр.)

Быстро научились шустрые чины-чиновники новых княжеств-государств, начиная от старушки Европы до самых глухих углов огромной Азии, обижать всех проезжающих мимо путешественников и «веселиться» за их счёт до

бесконечности и не нам, простым смертным, тягаться с ними в умении устраивать развесёлые «игры».

Неопытным искателям приключений лучше всего делать пробу на ловкость мышления и скорость изворотливости там, где у чинов-чиновников опыта ещё маловато, то есть подальше, в глубине новых государств.

И так, вы летите самолётом.

Именно здесь кроется первая, невидимая для вас ловушка. Ведь ваша дальнейшая судьба зависит от того, какую авиакомпанию вы выберёте. Первое, на что обращают своё внимание дотошные и опытные таможенные чины-чиновники страны, в которую вы прибываете, это какой авиакомпанией вы воспользовались.

Чем экзотичнее авиакомпания, тем больший интерес проявляют чины-чиновники к вновь прибывшему гостю.

Очень важен и момент при выходе из самолёта. Если вас у самого трапа ждёт целая куча представительных персон и персональный автомобиль, или, в крайнем случае, персональный микроавтобус, то вы автоматически лишаетесь возможности быть свидетелем интереснейшего жизненного спектакля, который можно увидеть далеко не каждый день и не в каждой стране.

Вы, конечно, как самостоятельный человек, любящий приключения, в опеке не нуждаетесь и поэтому должны самостоятельно нести свои вещи и добираться до здания аэропорта, как и все нормальные люди, то есть на общественном транспорте, который очень часто подают с опозданием. Но волноваться не следует. Ведь это в порядке вещей и, в крайнем случае, если не найдётся свободного автобуса, вас ни в коем случае в самолёте или у трапа не оставят, а проведут пару километров пешком по свежему воздуху и может быть, если вам повезёт, под дождиком, о котором вы так мечтали, сидя в креслице, похожем, правда, больше на тесную клетку для откормки рождественских гусей, чем на нормальное сидение, прямо до здания аэропорта.

Всё. Прогулка закончилась, и вы входите, словно первооткрыватель, в новый неизведанный мир.

При вашем приближении лица таможенных чинов-чиновников, которые до этого очень оживлённо беседовали между собой, мгновенно скучнеют. Но вам, мирному безобидному путешественнику и искателю весёлых приключений бояться ещё не следует, ведь это всего лишь цветочки.

Чины-чиновники, до вашего приближения, рассказывали своему новому коллеге, как нужно обращаться с иностранными гостями. Так сказать, обмен передовым опытом, правда, не всегда безвредным и безобидным для непосвящённых. Всё было, конечно, в рамках корректности, но и не без двойного, а иногда и тройного смысла.

Где можно провести точную черту между вежливостью и скрытым хамством?

Этому искусству и обучают новичков старослужащие таможенные чины-чиновники, съевшие на такой работе свои родные зубы. Правда, вместо родных, старослужащие чиновники все уже давно повставляли себе сперва золотые, а затем поменяли их на ещё более дорогие зубы. Не может же чин-чиновник улыбаться иностранному гостю щербатым ртом, ведь таким образом стоящее за его спиной государство сразу же покажется бедным.

Путешественникам большого выбора, как правило, не предоставляют. Загоняют их в один, обычно очень тесный, загон. Это так называемый «удар в лоб», то есть местная адаптация, а точнее сказать, таким образом чины-чиновники пытаются немного остудить, успокоить вечно спешащих куда-то иностранцев. Космонавтов ведь тоже не сразу забрасывают в космос, а сначала

тренируют, именно так поступают и с иностранными гостями, которые не привыкли ещё к невесомости гостя и значительности чинов-чиновников.

Нельзя же сразу приступать к серьёзному разговору без предварительной обработки. Поэтому, от четверти часа и до бесконечности растягивается иногда первая процедура. Таким образом, у человека пробуждают давно забытое стадное чувство. Вытягивает он шею, пытаясь посмотреть вперёд и понять, почему же так медленно движется очередь к заветному окошечку и не понимает он, глупый, что это очень тонкий психологический шаг чинов-чиновников – гость ещё вроде бы и стоит на ногах, а на самом деле уже на четвереньках ползёт к чиновнику и это правильно. Какой же чиновник выдержит работать целый день с контингентом, который тебя в упор не видит. Так нельзя. Уважение должно быть, а каким путём оно достигнуто, это зависит от индивидуальной фантазии каждого.

Но путешественнику, который любит приключения, по-прежнему пока не следует особо тревожиться. Никакой настоящей опасности ещё нет. Просто чины-чиновники готовятся к развлечениям, а для этого им, как и всем нормальным людям, тоже нужна предварительная психологическая подготовка.

Но всё же для мирного иностранного гостя наступает очень ответственный момент. Перед ним возникает дилемма, так сказать, необходимость выбора из двух возможностей...

Если вы хотите быстро закончить все таможенные формальности и без всяких происшествий и искусно разыгранных комедийных спектаклей покинуть здание аэропорта, то вам нельзя поддаваться общей истерии. Ведите себя спокойно. Зевайте время от времени, прикрывая для вежливости рот ладошкой. В общем, всем своим видом давайте понять окружающим, что вам смертельно скучно и этим вы достигнете желаемого результата.

Конечно, вы проскучаете ещё немного возле самых различных окошечек. Вас обслужат, как неодушевлённый предмет, и выбросят в общий зал, где вы попадаете в совершенно другие руки, то есть, в царство дельцов и таксистов, но это уже совершенно другая история и мы не будем отвлекаться от главной темы.

Если же вы ищете приключений и веселья, то начинайте бегать от одного прохода к другому и делайте вид, что очень торопитесь, хотя на самом деле вам вообще-то торопиться некуда и вы желаете просто поразвлечься. В этом случае на вас обратят внимание. Вида, конечно, не подадут, но пару весёлых часов вам обеспечат.

Не понимает толпа-стадо, что проходящие с многозначительными, царственными полуулыбками-полуухмылками мимо загона чины-чиновники, не просто развлекаются, но и очень внимательно присматриваются к запертым в тесной клетке гостям. Именно здесь, в первом загоне, выбираются чинами-чиновниками достойные партнёры для «игр». А это совсем непростое дело.

Настоящим талантливым психологом должен быть чин-чиновник, умеющий безошибочно выбрать нужный экземпляр, который потом отделяется от общей толпы и попадает в загончик, поменьше размером, чем первый, и где не так много посторонних глаз.

Здесь разыгрывается основное театральное представление, и сколько времени оно будет длиться, практически от вас уже не зависит.

Вы свой выбор сделали, так сказать, выбрали русскую рулетку и во сколько времени или может быть даже денег это удовольствие вам обойдётся, решать уже будут другие. Теперь вам остаётся только подчиняться чинам-чиновникам,

а вернее сказать не им, а неписаным законам и порядкам, которые с этого момента вступают в силу.

Если вы в этот момент почувствуете себя неуверенно, то естественно, потеряете пару лишних сотен и не в местной денежной единице, а в западной или мировой. Конечно, за веселье нужно платить, а в дальних и ближних новых странах-княжествах, расценки на этот дефицит даже выше, чем во всём старом мире, но вы же знали на что шли и обижаться, в любом случае, на чинов-чиновников не стоит. Им же тоже как-то жить надо, да и своё удовольствие они хотят получить.

Если же вы наберётесь смелости и решите закончить игру вничью, то по быстренькому прикиньтесь абсолютно ничего не понимающим. На каком ломанном языке с вами бы не пытались общаться, выбирайте другой. Конечно, в этом хитром шахматном ходе всегда остаются уязвимые места: может именно в этой смене чинов-чиновников есть учённый полиглот, который знает по десятку слов из десятков языков; а может быть именно в этой смене работает особенно интеллигентный чин-чиновник, который не любит, когда над ним так плоско подшучивают; возможно, что именно в этой смене работает чин-чиновник, который вообще не понимает юмора и т.д.

Обратного пути нет, но вы не давайте чинам и чиновникам понять, что вам уже слегка становится не по себе, и делайте вид, что всё равно ничего не понимаете. Попросту говоря, прикиньтесь полнейшим идиотом. Объясняйтесь руками, ногами, телом и мимикой, но не сдавайтесь на милость победителей, иначе вам ваше удовольствие обойдётся слишком дорого. В лучшем случае у вас станут проверять только портмоне и шляпу, а в худшем, будет проверено на прочность всё ваше нижнее бельё, вплоть до двойных швов включительно, а вам же не хочется ворошить трусы, майки и рубашки, с таким вниманием и заботой уложенные вами, вашим супругом или супругой.

Как уже было сказано выше, за удовольствие нужно платить, и разницы теперь уже нет, кто веселится в данный момент – вы или же чины-чиновники. Весь вопрос теперь в том, как на это посмотреть: оптимистически или пессимистически.

И лучший совет путешественнику, который любит весёлые приключения и игру с неизвестными для него правилами, – оставайтесь оптимистом, иначе вам с этого момента небо покажется с овчинку.

Чины-чиновники быстренько и совершенно незаметно для вас наденут на свои лица другие маски. Серьёзными они станут и даже страшноватыми, но вы не обращайтесь на это внимания. Таковы условия игры, в которую вы решили поиграть.

А уж дальнейший ход вашей весёлой игры зависит от того, что вы везёте с собой. Если у вас в мешке на одну пару носков или трусов больше, чем предписано правилами, то вы игру проиграли. Лучше без промедления сдавайтесь на милость победителя, то есть чинам-чиновникам. Для вас веселье закончилось. Доставайте кошелек и платите чуть больше, чем с вас потребовали.

Если же у вас всё в порядке с документами и вещами, то вопрос об исходе игры остаётся открытым. Всё зависит теперь от талантливости и занятости чиновника, который занят игрой с вами.

Если наступает время обеда или полдника и его приятели уже нетерпеливо машут ему руками, то вся игра мгновенно будет сведена вничью. Вам будут вручены ваши документы, но свои вещички вам придётся очень терпеливо складывать самим и не беда, если иная белая рубашка, как бы нечаянно, вдруг

окажется на грязном полу. Вы же сами желали играть в игру с незнакомыми для вас правилами, так что оставайтесь и дальше оптимистически настроенным.

Если же чиновник только что пообедал и полон сил и энергии, то игра продолжается, но уже на более серьёзном уровне. Уведут вас в отдельный кабинет, и именно здесь разыграется основное театральное представление, ради которого вам стоило столько времени ждать и страдать.

Настоящий «игровой» досмотр начинается лишь здесь и вам теперь можно только пожелать дальнейших весёлых развлечений за закрытыми дверьми, куда доступ постороннему взгляду закрыт.

После выхода из отдельного кабинета вы можете с полным правом называть себя «посвящённым». Эти «приятные» минуты вы будете вспоминать потом всю свою оставшуюся жизнь и даже с гордостью рассказывать о некоторых пикантных подробностях своим знакомым, конечно, скромно умалчивая при этом о той кругленькой сумме, в которую вам обошлось ваше удовольствие.

Но как говорится: «Не всё в жизни можно иметь, а за удовольствие нужно платить всегда!»

Отпуск

*«Эти строки посвящены всем бывшим
трудармейцам и людям, помогавшим,
порою и под угрозой собственной смерти,
невинным жертвам властвующих людоедов.
Повествование написано благодаря
тому, что одному из «отпускников» чудом
удалось добраться живым домой из
страшной человеческой мясорубки, которую
все российские немцы, вплоть до
сегодняшнего дня, называли и называют
не иначе, как: «трудовая армия».*

Мартын пришёл в себя от невыносимой боли в боку. Огляделся. Всё незнакомо. Тесная, узкая клетка, открытая с двух сторон. Под грязными досками, на которых он лежал, грохот железных колёс. Как я оказался здесь, размышлял до крайности измождённый человек, лёжа на полу и не в силах встать. Вдруг его всего пронзило: «отпуск». Меня выбросили, словно старую сломанную лопату. И мужчина снова окунулся в ватное и приятное беспмятство.

Тормозную площадку товарного вагона, на полу которой лежал бывший трудармеец, а теперь «отпускник», било и мотало из стороны в сторону, как малое судёнышко во время шторма на море.

От бешеной тряски и боли в боку Мартын снова вынырнул из небытия. Он бессознательно отодвинулся немного в сторону от бокового провала и осторожно перевернулся на спину. Сознание медленно, неохотно, как бы рывками, возвращалось в измученное тело. Первое, о чём он ясно и чётко вспомнил, это как ему вдруг хорошо стало на плацу во время развода. Что-то светлое, невыносимо яркое бросилось сначала в глаза, а затем заполнило его всего без остатка и стремительно понесло куда-то в сладкую неизвестность. Надолго отключилось сознание. Он уже не слышал разговора начальников, которые распорядились его дальнейшей судьбой, как отработанным инструментом.

Начальник колонии спросил у отрядного командира, почему такой шум в строю и почему отряд всё ещё не двигается на делянку. Отрядный молча показал на Мартына, лежащего грязным мешком костей и тряпок у его ног, мол, куда с ним. Начальник колонии, здоровенный мужчина, глядя сверху вниз

на скукоженного трудармейца, не задумываясь, проговорил: «Отряд немедленно по работам. Этого доходягу в отпуск. У нас в этом месяце мертвяков и так уже слишком много. Отправь эту дохлятину с глаз моих долой. И поживее».

Стоящие рядами трудармейцы содрогнулись. Все без исключения знали, что означает здесь слово «отпуск». Это был хитро скрытый смертный приговор. Обессиленному трудармейцу писали краской на груди и на спине фуфайки домашний адрес. Если не было краски, то писали, чем придётся. Иногда куда-нибудь в карман засовывалась записка о так называемом вынужденном «отпуске для лечения». Полутруп бросали на первый проходящий товарняк, уходящий на юг, и уезжал бедный трудармеец без сил и сознания в неизвестность. Стаскивали таких, уже окоченевших доходяг, потом где-нибудь за сотни километров от лагеря, железным крюком с открытых железнодорожных платформ и тормозных площадок, и бросали в первую попавшую яму.

Наверное, по пальцам можно пересчитать тех «отпускников», которым удалось живыми добраться домой. В рабочих лагерях же статистика выглядела образцово. Внешне всё было в порядке. В отчётах всё регистрировалось таким образом, будто призванные в трудовую армию люди получали нормальные отпуска. Так что не жаловаться трудармейцам на плохие условия надо, а благодарить родную партию и правительство за заботы о простом народе.

Самый же ухищрённый чёрный юмор начальства состоял в том, что по истечению срока «отпуска» они объявляли розыск пропавшего, и горе было опять же тому, кому удалось, вопреки всем бедам, добраться до родного дома, но ещё не вылечиться. Забирали их, сошедших с ума от голода, сотрудники НКВД и всё мытарства начинались заново. Правда, если бедолаге везло, то его отправляли не назад, в трудовую армию, а в тюрьму.

Все люди, пережившие трудовую армию и тюремное заключение, говорят одно и то же: «Лучше бы сразу в тюрьму попасть, чем в ад трудовой армии».

Мартыну всё вокруг ещё казалось каким-то расплывчатым и туманным, как во время беспокойного сна. Страшная боль в боку не давала дышать. Невыносимо болело бедро. Он нащупал рукой больное место, но ни крови, ни раны не обнаружил. Пошарил по дощатому холодному настилу. Непослушные пальцы нащупали головку большого болта, торчавшего из доски пологого настила. Всё объяснилось само собой. Проклятый болт глубоко врезался от толчков и рывков вагона в бедро. Простой железный болт и явился своего рода спасителем «доходяги-отпускника».

Не будь этой невыносимой боли, не захотело бы его сознание возвращаться из светлого, приятного, полубморочного состояния в чёрную, страшную действительность. Так и замерло бы тело в скрюченном состоянии навеки. Болт, словно безжалостное сверло, раздирал бешеной болью бок Мартына до тех пор, пока не вынудил его сдвинуться с места, то есть сделать сознательное усилие.

«Хорошо, что во мне так мало веса осталось от голода, а то этот железный мучитель насквозь бы меня прогрыз», – усмехнулся он про себя и подтянул под голову свою брезентовую котомку, которую, наверное, кто-то из соседей по нарам успел всё же бросить вслед «отпускнику».

Да, юмора этому мужчине было не занимать. Даже находясь на походном смертном одре в прямом смысле этого слова, он ещё пошучивал над самим собой. Может быть, легче было ему таким образом жить. Может, это и была его сознательная защитная тактика, которая помогала ему выживать в самое страшное время. Может быть, именно за шуточками и прибаутками прятал он свою физическую и душевную боль и беспомощность против насилия. Кто знает, что творилось на самом деле в душе человека, брошенного, как и тысячи других, в пекло насилия и бесправия, но помогали его шутки не только ему, а всем его соседям по нарам и коллегам по работе. Даже при самых тяжёлых каторжных работах, Мартын, словно бы между прочим оброненной шуткой, поднимал настроение у всех трудармейцев, находящихся рядом с ним.

Иные шутки самоучки-юмориста стали со временем летучими анекдотами, которые устно передавались из отряда в отряд, из колонии в колонию, становясь, таким образом, народными и бессмертными.

Прислонился как-то раз совершенно обессиленный Мартын боком к сосне, держа в опущенных руках мучительницу-пилу. Проходивший мимо надсмотрщик-офицер со злой усмешкой окликнул бедного измождённого трудармейца, мол, не позаигрывать ли тот собрался с сосной.

Откуда только слова взялись у доходяги. Не задумываясь о последствиях и с трудом оторвав спину от дерева, он осипшим от холода и голода голосом ответил: «Я бы не против побаловаться с какой-нибудь молодухой. Одного боюсь, не смогу потом штаны натянуть, сил не хватит разогнуться».

Громкого смеха, конечно, на делянке не было слышно, но захихикали все лесорубы, пряча улыбки. Экспромтом, без долгих раздумий, были сказаны слова шутником, но пережили они многих трудармейцев. Из уст в уста передавались весёлые слова и обретали они со временем такие огромные крылья, что перелетали не только из лагеря в лагерь, а полетели и дальше.

Досталось, конечно, опять лагерному юмористу за неуместное остроумие. Неделью пришлось довольствоваться половиной хлебного пайка. Однако, старший повар, большой любитель и собиратель анекдотов и прибауток, узнав, что автором самой новой шутки является трудармеец под номером 880401, стал подливать ему в алюминиевую миску со дна погуще и даже сверх нормы в обмен на новый анекдот, прибаутку или шутку.

Конечно, не всегда так легко сходили трудармейцу его шутки, но судьба до поры до времени всё же была к нему довольно милостива. Доставалось иногда ему и покруче. Даже, в так называемую, волчью яму попадал из-за своего непослушного и острого языка, но всегда выручал оптимизм.

Дни, недели и месяцы тянулись чередой. Немало легло уже трудармейцев в канавы, называемые могилами, а Мартын всё ещё был на ногах. Похожий на живой скелет, он все ещё находил силы шутить, мол, не я пилу таскаю, а она меня водит, именно поэтому я такой живучий. Но всему когда-то приходит конец, и лежал теперь «юморист-отпускник», словно пустой мешок, на прыгающих грязных досках и бездумно смотрел в высокое голубое небо.

Маленькое перистое облако, похожее на небольшой невесомый опрятный домик, вдруг подмигнуло лежащему с запрокинутой головой мужчине, голубовато приоткрывшимся окошком. Словно ножом резануло его по душе. Долгим, тоскливым взглядом проводил он облако. Ушло оно за грязную раму вагона, превратившись напоследок в чёткий ряд маленьких человечков. Совершенно ясно узнал он в расплывающихся туманных контурах-фигурах всю свою семью. И жажда жизни вдруг с новой силой проснулась в совершенно обессиленном человеке. Даже слёзы, которых у него уже много

времени не было, вдруг потекли из глаз, оставляя на впалых щеках светлые полосы.

Почти целый день полз поезд по временно проложенным рельсам, петляя между холмами. Осень самыми различными сочными цветами разукрасила всю местность. Местами уже лежал снег, а местами, особенно по светлым прогалинам, солнце днём ещё исправно прогревало землю. Грело солнце иногда и «отпускника», заглядывая к нему под козырёк тормозной площадки. О чём только не передумал он за это время. И жажда жизни всё сильнее завладевала всем его существом. Словно вновь родился человек, который уже побывал у последней черты.

Поезд, громыхая колёсами и, замедлив ход, сложившись на повороте чуть ли не вдвое, медленно пополз по небольшому мосту. Хорошо теперь было видно лежащему на холодных досках трудармейцу почти весь состав, и, насколько хватало его взгляда, все вагоны были гружены брёвнами и пиловочным материалом. За мостом, вдалеке, Мартын разглядел какие-то строения. Значит, скоро узловая станция, определил он, сориентировавшись, наконец, на местности. Что-то мягкое и большое вдруг упало ему на ноги. Мартын, повернув голову, увидел, что какой-то большой кожаный мешок, словно прямо с неба, свалился ему на ноги. Над мешком вдруг выросла голова человека, одетого во всё меховое.

Широкие скулы и миндалевидные глаза выдали в незваном госте здешнего аборигена. Два человека, один лёжа на холодных досках полового настила, другой с высоты своего невысокого роста, настороженно смотрели друг на друга. Пришелец, быстро втянув одну руку в рукав меховой куртки, второй подхватил свой мешок с ног доходяги. Долго разглядывали два пассажира, едущие «зайцами», каждый своего невольного попутчика. Пришелец, поняв, что лежащий на полу человек не представляет для него никакой опасности, присел в уголке напротив лежащего «отпускника» на свой большой кожаный мешок. Так и ехали, поглядывая время от времени друг на друга, но не заводя разговора. На узловой станции пришелец исчез так же быстро и бесшумно, как и появился.

Недолго простоял поезд на станции. Очевидно, очень нужен был где-то лес. Всего с полчаса простоял состав. Сдвинул затем прицепленный с хвоста паровоз все вагоны назад, а потом рванул вперёд. Словно по цепочке пронёсся грохот сцепок от одного конца до другого. Теперь уже хвостом вперёд поехал состав к главной железнодорожной магистрали. Всё правильно, определил всё ещё лежащий мужчина. На узловой станции сходились многие пути-тупики, которые разбегались по лесным делянам. Дальше основной путь уходил строго на юг, к большим заводам и шахтам.

Солнце спряталось за горизонт. Ранние осенние сумерки уже разбросали свои тени по лощинам и распадкам. Паровоз, выбрасывая из трубы клубы дыма и искр, натужно пыхтел впереди состава. Лишь бы пережить эту ночь, думал окончательно замерзающий трудармеец, прислонившись спиной к внутренней стенке тесной площадки и согнувшись колом.

Словно привидение, снова появился на тормозной площадке бывший попутчик. Не бросил он на этот раз свой большой мешок вперёд, а сразу поставил в уголок, а затем уже сам, словно проворная кошка, забрался по ступенькам наверх. За спиной у него горбом торчал ещё один заплечный мешок размером поменьше, а в левой руке он к тому же держал какой-то большой узел.

Попутчик, не говоря ни слова, перекатил доходягу на живот. Развернул узел, которого у него во время первого посещения не было. Не тряпкой, одеялом или

курткой оказалось это, а огромным дранным по низу сибирским овчинным тулупом, который был ещё в добротном состоянии. Попутчик, постелив тулуп одним краем на пол и закатив, словно колоду на него мужчину, второй стороной накрыл его. Затем, приподняв лёгонькое тельце за плечи, подсунул ему котомку глубже под спину. Снова сидели два человека, молча изучая друг друга. Попутчик, всё ещё поглядывая на лежащего, снял свой заплечный мешок и поставил себе на колени. Открыл его. Достал алюминиевую солдатскую флягу и сделал глоток.

Затем протянул руку с флягой попутчику и сделал приглашающий жест. Мартын слабыми, трясущимися руками взял флягу. Сделал несколько маленьких глотков.

Напиток оказался и сладким, и горьким одновременно. Горячими комочками прокатился он по горлу и желудку. Трудармеец понял, что не алкогольный это напиток, а какой-то лечебный. Так же молча протянул он своему попутчику флягу назад, поблагодарив при этом кивком головы. Хорошо вдруг стало доходяге. Нахлынула на него опять светлая полоса и понесла на своих волнах, дурманя и усыпляя сознание.

Мартын с ужасом очнулся от того, что что-то твёрдое, металлическое, стало раздвигать и не раздвигать даже, а прямо разламывать челюсти. Попробовал прикусить. Не тут-то было. Лезвие ножа осторожно, но настойчиво раздвигало зубы всё шире. Открыл глаза. Прямо перед ним, присев на колени, находился попутчик. Горячая жидкость снова обожгла горло мужчины. На этот раз пришелец, невзирая на сопротивление доходяги, влил в него не менее полулитра жидкости из фляги. Затем сел опять, как на скамеечку, на свой большой кожаный мешок.

– Ты, однако, шибко дохий, – впервые заговорил попутчик на каком-то тарабарском наречии, убирая свою флягу снова в рюкзак и с ловкостью фокусника засовывая нож в левый рукав своей куртки.

Опять молча и пытливо смотрели два человека друг на друга. Не знал «отпускник», что и думать. Совершенно незнакомый ему человек, ни с того ни с сего, вдруг поит его каким-то снадобьем и укутывает в тулуп. Что-то здесь не так. Какую-то непонятную выгоду хочет иметь этот странный тип от этого. Но какую? Что можно взять у него? Украсть ведь нечего.

Догадка озарила, словно молния: «Ага! Всё понятно! Сапоги попытается снять этот хитрован, как только я усну! Не зря он меня каким-то зельем опаивает и в тепло укрывает. Усыпить меня хочет. Нет. Не бывать этому. Я теперь не засну, пока ты не исчезнешь отсюда, мой дорогой. Ну хитрец. Даже тулуп спёр где-то для этого дела. Нет. Не на того, братец, напал. Моих сапог тебе не видать, как собственных ушей».

Историю яловых сапог трудармейца знали все его соседи по нарам. Это были его первые сапоги, сшитые из настоящей добротной кожи у известного сапожника ко дню женитьбы. Пробовали у него их и отнимать, и выменивать, и даже покупать, но Мартын своими сапогами очень дорожил и был уверен в том, что пока сапоги на нём, он будет жить. Конечно, совершенно по-другому выглядели сапоги теперь, чем тогда, когда он их приобрёл. Блестели они тогда, как лаковые и даже голенища стояли туго и ровно, словно эмалированные самоварные трубы. Посбивались теперь носы у сапог, белёсыми стали и лохматыми. Голенища тоже покрылись царапинами и трещинами. Но совершенно негодные с виду сапоги, всё же были ещё очень надёжны и не пропускали ни снег, ни воду.

Всё время, пока «отпускник» был занят мыслями о своих сапогах, попутчик рылся в своём рюкзаке, который он опять пристроил у себя на коленях. Что-то ворчал он про себя и даже сердито махал рукой, будто был недоволен сам собой. Уже почти совсем стемнело, но всё же лежащий на полу доходяга очень отчётливо разглядел, что попутчик поставил на пол рюкзак, не закрывая его.

«Всё, теперь стащит мои сапоги и сунет в мешок», – в страхе подумал Мартын и что было сил подтянул под себя ноги.

И точно. Попутчик, присев на четвереньки и задрал край тулупа, ухватился двумя руками за первую попавшуюся ногу своего пленника. Отчаянно задёргался тот, но сил у попутчика было явно больше, чем у трудармейца и единоборство он, конечно, выиграл. Сапог мигом оказался в руках пришельца. То же самое произошло и со вторым. Поставив сапоги в сторонку и выбросив вонючие драные портянки, пришелец потянулся рукой к рюкзаку. И тут Мартын, выбрав удобный момент, саданул попутчика голой пяткой по боку. От неожиданности тот опрокинулся спиной к стенке.

– Ты не только дохий. Ты сапсем дурной, – проговорил попутчик в сердцах, но задуманное дело продолжил. Вынув из рюкзака какой-то свёрток, он снова ухватил свою жертву, теперь уже за голую ногу. Придерживая одной рукой ногу, второй он стал натягивать на неё какой-то длинный мягкий чулок.

«Теперь ещё и стреножит меня, как коня», – подумал совершенно обессиленный от схватки Мартын.

Каково же было его удивление, когда после того, как длинный меховой чулок был надет на ногу, попутчик натянул и сапог. Той же самой операции подверглась и вторая нога. Затем попутчик заново укутал своего пленника тулупом.

«Это что же получается, – размышлял про себя совершенно сбитый с толку Мартын, – этот мужик действительно хочет помочь мне? Не может такого быть».

Сидящий на своём кожаном мешке попутчик опять порылся в рюкзаке. Приподнялся. Продвинулся к доходяге и протянул ему что-то на открытой ладони. Кусок пшеничной лепёшки, накрытой ломтиком тёмного мяса, увидел умирающий с голоду трудармеец.

Против такого искушения устоять невозможно. Оба ели по-своему. Обессиленный пленник отгрызал свою долю зубами, а попутчик мастерски пользовался своим ножом.

Еда всегда сближает людей. Совсем другими глазами видят друг друга люди, посидевшие за одним столом.

Не было на этой тормозной площадке железнодорожного вагона стола, но всё же какая-то ниточка протянулась между двумя представителями разных народов. Появилось какое-то доверие и у трудармейца к своему попутчику. Отвык он в последнее время от такого. Тот мир, в котором находился Мартын последние месяцы, строился на совершенно других принципах.

Каждый выживал, как мог, потому что люди в этом мире были разделены на две части: на рабов и на начальников. Рабы, то есть трудармейцы, были, как всегда и везде, бесправны, а начальники владели и управляли всем. Начальники могли направить на такую работу, где люди через неделю становились трупами, а могли выделить и место потеплей. Начальники распределяли всё: работу, продукты, а иногда определяли – кому сколько жить осталось.

Как бедный «отпускник» ни напрягался, сон всё же сморил его. Странный сон снился ему и чудесный. Такой сладкий, что не было никакого желания

просыпаться. Всем своим телом чувствовал мужчина руки, плечи, грудь и всё остальное тело своей жены. Льнула она к нему и прямо-таки сводила с ума своим теплом. Протянул просыпающийся доходяга руки перед собой и въевь упёрся руками в чьё-то живое тело. Что за наваждение, подумал он, шаря перед собой. Кругом мех. Куда бы рука ни попадала, она постоянно натывалась на мех, под которым чувствовалось живое человеческое тело.

– Ти спи. Не дригай ногам. Рюки не пускай. Колод тоже не пускай под шуба, – услышал вдруг Мартын рядом с собой голос попугчика.

Разобрался, наконец, что к чему. Это попугчик пристроился рядом с ним под тулупом. От этого и стало так тепло и приятно.

«Если бы я смог рассказать своим соседям по нарам, что я мужика во сне за бабу принял, они бы со смеху умерли», – подумал Мартын, устраиваясь удобнее. Полежал он ещё некоторое время, прислушиваясь к ровному дыханию соседа по тулупу, а затем глубокий, здоровый сон принял его в свои объятия.

Проснулся с неясным чувством тревоги. Не было уже рядом с ним соседа по тулупу. Не было и грохота колёс, и тряски, к которым он уже немного привык. Приподнялся «отпускник» и с удивлением обнаружил, что пришелец снова исчез вместе со своим кожаным мешком и рюкзаком.

– Что за наваждение? Не может же такое присниться.

Мартын потрогал руками тулуп, на краю которого он всё ещё сидел. Нет, не приснилось ему всё это. Пошевелил пальцами ног. Приятно и тепло было ногам в мягких меховых чулках. Был здесь человек и действительно оказал ему неоценимую услугу. Мартын осторожно поглядел по сторонам. Вокруг сплошные стены из товарных вагонов и ни одного живого человека. Вдалеке раздался громкий свисток паровоза. Грохот пронёсся по всему составу, и соседние вагоны медленно поплыли назад. Хватая открытым ртом воздух, на площадку вновь забрался запыхавшийся попугчик. Тяжело упал он на пол и привалился боком на свой большой мешок.

– Однако шибко быстро побешал поисд. Пошти сапсем убешал пез миня, – запыхавшись проговорил он, улыбаясь Мартыну.

– Кипяток расдобил. Шай пить станем. Шуть отдыхаю, – добавил он, устраиваясь поудобнее.

Многое рассказал Мартыну его попугчик-спаситель. Назвался он очень странным именем «Добя» и вдобавок сказал, что он «лесной шалавека».

Вёз Добя выделанные шкуры, добытые охотой, в большой город Шахтинск для обмена на соль, сахар, спички и патроны. Не одному ему принадлежал мех, который находился в большом кожаном мешке. Четыре семьи сложились и на паях отправили гонца в столь дальний и опасный путь, и именно поэтому, Добя ни на минуту не расставался со своим грузом.

Очень удивился лесной человек Добя, когда Мартын назвал своё имя и фамилию, и сказал, что он по национальности немец.

Не мог лесной человек понять такое. Пытался он доказать, что все немцы и фашисты, это одно и то же, мол, не дурак же я, даже в газетах так пишут и на картинках их всегда рисуют к тому же ещё с огромными зубами. Значит, немцы и не люди даже, а что-то среднее между человеком-людоедом и волком. Поспорили вслух. Каждый доказывал своё, не слушая другого. Сердито посидели молча, несколько часов, не разговаривая и не глядя друг на друга.

Трудармеец, чувствуя себя в долгу перед Добя, заговорил первым. Рассказал он о том, что есть у него жена и дети, и что живут они впроголодь в одной из сибирских деревень. Рассказал и о том, что уже много лет является членом колхоза и, возможно, многие годы ел Добя лепёшки, мука для которых была

смолота именно из пшеницы, выращенной им, колхозником-немцем Мартыном.

Поведал «отпускник» своему попутчику и о том, какие достаются трудармейцам мучения и испытания. Как издеваются над простым бесправным человеком чиновники. Недоверчиво поглядывал на «отпускника» лесной человек.

Не укладывалось в голове, что рядом сидит человек, народ которого проклят на веки веков, и Добя не ненавидит его, а наоборот, жалеет и даже бескорыстно помогает. Всё понятие жизни разламывалось внутри Добя, и нехорошо ему было от этого. В их народе испокон веков было принято помогать людям в беде. Теперь же оказывается, и не человек это, а неизвестно что. Внимательно приглядывался лесной человек Добя к своему случайному попутчику, но кроме, до крайности измождённого существа, ничего перед собой не видел.

Еда сближает людей, а дорога не меньше. О многом переговорили два человека за несколько дней, проведённых вместе в тесной клетке тормозной площадки железнодорожного вагона. Оба учились жизненной философии у другого. Словно бездонным оказался рюкзак у Добя. Чего только не было в нём и всё, что ел лесной человек, получал и его попутчик-немец. Не смог Добя переступить через обычаи своего народа. Нелегко поначалу, после признания Мартына, было лесному человеку пересиливать себя, но со временем он всё же успокоился.

Спали всё так же под одним тулупом. На разъездах Добя бегал за кипятком, не забывая прихватить с собой свои вещи. Окреп немного доходяга-трудармеец, но боясь отстать от поезда, далеко от площадки не отходил. По-быстрому справлял нужду и снова забирался на свой насест. Так и ехали, постепенно сближаясь. Удивлялся Мартын тому, что его попутчик справлял все свои нужды, приседая на корточки, но, не зная обычаев его народа, всё же постеснялся пошутить по этому поводу. Всё разъяснилось в последний момент при прощании.

Помог Добя перебраться немного окрепшему на сытных харчах доходяге на грузовой станции города Шахтинска на тормозную площадку вагона, гружённого углём. Не надо было никого спрашивать о направлении поезда с углём. Уголь увозили по единственной железнодорожной магистрали в город Сибирск, а именно туда и надо было «отпускнику». Всего в ста двадцати километрах от этого большого города находилась деревня, где жила его семья.

Добя, пожимая при прощании попутчику руку, сказал, что может быть и её мужу, когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь подаст кусок хлеба и обогреет.

Мартын вытаращенными глазами уставился на своего попутчика.

– Так ты что, женщина?

– Канешна. Ты что сапсем слипой? Мушик от баба отлишать не мошешь?

Долго смотрел он вслед лесному человеку, спасшему ему, немцу, врагу, жизнь. Чуть сгорбившись от груза, уходила Добя по рельсам в сторону города и занята была, наверное, уже совсем другими мыслями.

Накормила напоследок «лесной-шалавека» Добя немца-Мартына и сунула ему ещё в котомку большую жирную копчённую рыбину и пару лепёшек.

Одну из двух своих литровых алюминиевых солдатских фляжек тоже не пожалела она. Слила остатки лекарственного напитка во фляжку с кипятком и протянула доходяге.

Немой вопрос стоял в глазах Мартына, когда он со слезами и с тяжёлым, давящим на сердце и душу чувством, смотрел с высоты тормозной площадки товарного вагона вслед своей случайной попутчице и спасительнице Добя: «Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя, мой добрый ангел-хранитель?»

Немало времени провёл ещё Мартын на тормозных площадках железнодорожных вагонов. Помогали ему в пути люди, чем только могли. Делились последней крошкой хлеба и картошкой. Живым трупом постучал он в конце своего путешествия в двери родного дома. Даже жена в испуге отпрянула, не узнав в вошедшем доходяге собственного мужа. Выжил «отпускник-трудолюбивец», и чувство благодарности за доброту и сострадание ко всем тем, кто помог ему в трудную минуту, сумел передать и своим детям.

Записная книжка

В тот день, когда Яков впервые увидел свет, деревня, где жили его родители, старшие братья и сёстры стояла в золотом цветистом уборе. Лишь осины-красавицы, росшие по краю леса, чётко выделялись, словно огромные горящие факелы, из общей жёлто-зелёной лиственной массы. Разнообразие осеннего пейзажа словами описать невозможно. Этой картиной можно только вновь и вновь наслаждаться, удивляясь чуду, созданному природой.

Осень – прекрасное время года, но на селе и очень напряжённое. Сад, огород, поля. Повсюду, как на быстро движущемся конвейере, всё зреет и поспевает одно за другим и отсрочить или продлить сроки сбора урожая невозможно. Каждая пара рук, будь то детские, старческие, мужские или женские в эту пору на счету.

Яков появился на свет именно в такое напряжённое время осенней уборочной страды. Родился он не в больнице и даже не дома, а в обыкновенном шалаше, который соорудил себе под огромной разлапистой берёзой колхозный садовый сторож.

Измученная болями женщина прилегла отдохнуть на охапку сена в шалаше, а встать уже не смогла. На крик сторожа сбежались все женщины, работающие в колхозном саду. На счастье, нашлась среди них и повитуха. По-быстрому отправила она всех подальше от шалаша, оставив себе в помощь лишь одну из самых расторопных женщин.

Не во что было запеленать новорожденного. Не растут пелёнки в саду на деревьях. В ход пошла женская сорочка. Кстати пришлись и длинные рукава. Накрепко обвязали ими крикуна. Хорошая смирительная рубашка получилась. Дважды, крест-накрест, охватили рукава тугое тельце малыша.

Говорят, что человек может запомнить подробности своей жизни лишь с четырёх лет. Может, это и правда. Яков не смог бы объяснить свои ощущения словами, но подспудно, в подсознании, у него на всю жизнь сохранилось чувство, что его тело и даже душа туго связаны крепкими узлами. Именно поэтому он главным принципом всей своей жизни считал свободу. Трудно она ему давалась. В детстве за упрямство нередко доставалось от родителей, да и в школе легче не стало. Особенно туго пришлось в первое время, пока не научился держать карандаш и перьевую ручку в правой руке. Слишком сложная это была задача для левши. Первый школьный учитель Якову в упрямстве не уступал. Нашла коса на камень. Настырному ученику, конечно, пришлось уступать, но при первой же возможности он не упускал своего шанса. Карандаш мгновенно оказывался в левой руке, и буквы, как по

волшебству, намного быстрее и ровнее устраивались в строчки. Естественно, в такие моменты нужно было не забывать и об учителе, что Яше не всегда удавалось. Метровая деревянная линейка являлась хорошим инструментом в руках опытного воспитателя. Она доставали даже из-за спины, через его плечо, левую руку непослушного ученика.

Учитель при каждом удобном случае любил повторять свою любимую поговорку: «Одна оплеуха заменяет сорок устных нравоучений». Возможно, это на самом деле так и есть. Яша был принципиально против таких правил, но законодателем в школе был не он, а учитель, которому вечно занятые работой родители устно выдали все полномочия по воспитанию их чад.

Широкие лиловые полосы частенько украшали левую руку упряма-ученика. Эти уроки всё же пошли впрок. Переучился левша в правшу, но, правда, только в случаях выполнения письменных работ.

Леворукость не всегда является помехой. Есть и положительные стороны у этого, так называемого отклонения от нормы. Умело пользовался мальчишка тем, что левая рука была у него сильнее и быстрее правой. Успевал он левым кулаком пройтись по носам противников ещё до того, как те предпринимали контрмеры.

Яков до учёбы был жаден. Заваливал своего учителя вопросами. Был лучшим учеником класса по всем предметам за исключением поведения. Расхождения во мнениях с учителем улаживал на свой, не совсем обычный, лад. Вместо того, чтобы привести по требованию учителя в очередной раз родителей в школу, тайком принёс пачку пороха, без разрешения позаимствованную у старшего брата. Улучшив момент, сунул свой «сюрприз» в уже полностью прогоревшую печь. К счастью, обошлось без человеческих жертв, но зато пришлось в классе складывать новый печной обогреватель. Старший брат, узнав о взрыве в школе, проверил наличие своих боеприпасов, которые были в те годы на вес золота.

Недостачу целой упаковки дымного пороха обнаружил сразу. Отодрал ремнём без свидетелей своего меньшего братишку в сарае по-хозяйски, но родителям не выдал.

Взрослое население деревни пришло к выводу, что причиной взрыва послужил каменный уголь, которым топили школьную печь. Уголь был, в отдалённой от всех больших и малых городов деревне, новшеством. Рядовым колхозникам в те трудные годы такая роскошь была ещё не по карману. Взрыв школьной печи послужил причиной тому, что ещё много лет после случившегося люди по всем соседним сёлам с большой опаской топили свои домашние печи углём.

В одном всё же повезло упряму. Избежал Яша наказания родителей. Забыл учитель в суматохе, что мальчишка должен был придти в тот злосчастный день в школу вместе с отцом или матерью. Поучительный урок, преподанный старшим братом, запомнил он на всю жизнь. Мстить не стал. Понял парнишка, что с порохом шутки плохи.

Лишь счастливая случайность спасла школьников. Вывёл учитель своих подопечных на школьный двор для пробежки по морозцу на лыжах, а в это время в классе рвануло так, что стёкла из двойных оконных рам полетели во все стороны. Больше недели длились восстановительные работы. Огромная печь, разделяющая одно помещение на две классных комнаты, была разворочена до самого фундамента. Оконные рамы тоже пришлось почти все стеклить по-новому. Хорошо ещё, что зимой в селе нет столько работы, как в другие времена года. Рабочих рук в это время хватает.

Родители Яши, неграмотные крестьяне, не воспротивились желанию сына, учиться дальше. Повезло мальчишке. В районном центре, где находилась десятилетка, проживала родная сестра матери. В семье, где подрастали шестеро детей, седьмому тоже нашлось место.

После школы жизнь поначалу полетела гладко, как по рельсам: Педучилище. Работа. Женитьба по большой, но, правда, недолгой любви.

На семейном фронте заклинило. Не стало Якову хватать свободы. Исчезла, испарилась любовь. Пошли, рвущие нервы, семейные сцены с громкими криками и обоюдными обвинениями. Ещё не окрепшая семья распалась. Остались от короткой семейной жизни дети да грустные воспоминания. Завербовался на Крайний Север. Дальше всё покатило кувырком. Пьянки. Разгулы. Вовремя понял, что затягивает его в это болото окончательно. Решил коренным образом изменить жизнь. Окунулся со всей одержимостью в науку. Два высших заочных образования один за другим. На вопросы родственников, друзей и знакомых, зачем ему это надо, лишь отшучивался: «Я настолько глуп, что одного „поплавка“ явно не хватает».

Так и летела жизнь Якова в поисках смысла жизни и душевных метаниях, в беспокойстве о своей неустроенной жизни. Судьба прокладывала жизненную дорогу не ровной строчкой, а вела от одного крутого виража к другому. Не всегда выходил он из опасных виражей судьбы удачно. Зарабатывал не только синяки на физиономии. Душевные раны излечивались подчас гораздо тяжелее, чем физические. Спасала работа, которой отдавался всей душой.

Перестройка грянула, словно гром с ясного неба. Неприспособленным оказался к рыночной экономике. Быстро очутился за бортом. Не научился за всю долгую жизнь работать плечами, а обманом добывать добро не хотел и не мог из принципиальных соображений.

Благодаря родственникам оказался за границей. В сытой Германии тоже не нашёл душевное успокоение. Убедился в том, что достаток еды и одежды ещё далеко не всё для думающего человека. Вступил в церковную секту, эмиссары которой каждый день приходили в общежитие переселенцев и умело вербовали себе волонтеров из среды вновь прибывших граждан. Поняв, какие абсурдные идеи проповедуют недалёкие люди, захватившие власть в общине, ушёл в другую. Здесь оказалось ещё хуже. С трудом отделался от настырных «братьев», которые любыми доступными им средствами пытались удержать в своих сетях растерявшегося человека.

Повезло Якову ещё раз. Именно в самое трудное для него время получил предложение от одной из двуязычных газет поработать собирателем информации, точнее сказать, разъездным корреспондентом. Работа понравилась. Всё время в дороге. Встречаться приходилось с разными людьми. Некоторые изливали душу, другие, более скрытные, сами старались расспросить журналиста о его взглядах. Яков постепенно, как бы вновь возвращался из созданного им замкнутого круга к людям. По-новому стал смотреть на окружающий его мир. Случай свёл с интересным молодым человеком. Парень был негласным лидером молодёжной группы, которая занималась не совсем легальными делами.

На совершенно новые мысли навёл молодой философ. Удивился дотошный журналист. И вправду во многом оказался прав парень, ставший по иронии судьбы криминальным элементом.

Яков стал собирать более подробную информацию и нехорошо ему стало от собственных открытий. Ужаснулся тому, какую власть занимали над сознанием человечества средства массовой информации и многообразные проявления

псевдокультуры. Стал копать глубже и ужаснулся. Немолодой мужчина-мыслитель пришёл к выводу, что весь мир опутан плотной паутиной. Кто её в действительности плетёт и использует попавшие в липкие тенета жертвы для своей выгоды, конечно, установить не смог.

Хозяева газеты, неправильно, а, может быть, как раз правильно поняв неудобные вопросы, постарались по-быстрому избавиться от слишком дотошного журналиста.

Пришлось немолодому человеку снова искать работу. Устроился ночным полотёром. Физическая работа нравилась. Лей воду, гоняй швабру, а думать можно о другом.

Мысли о всеобщем искусственном одурманивании народа не давали покоя. Стал собирать материал. Заносил в свою потрёпанную записную книжку вопросы, которые мучили больше всего. Чем глубже вникал Яков в трясину информатики, тем хуже становилось ему. Стала мучить бессонница. Если удавалось заснуть, то кошмарные сны донимали до такой степени, что порой казалось – разум покидает тело. Особенно часто снился один и тот же сон – дети. Много детей. Разные они были не только по цвету кожи, но и по возрасту. От новорожденных до подростков. В иных снах видел детей не целиком, а только их глаза, но этого хватало. Именно эти сны были самыми мучительными. Глаза стегали взглядами по душе сильнее кнутов. Глаза жалили. Глаза иссушали. Глаза изматывали и доводили до сумасшествия.

Жизнь его превратилась в сплошной непрерывный кошмар. В голове всё перепуталось, смешалось. Не спасала даже тяжёлая, изнурительная физическая работа. Кошмарные сны донимали каждую ночь и испепеляли, выжигали душу. Как избавиться от изнуряющего наваждения и выйти душевно невредимым из этого критического состояния, он не знал. Не знал и того, что жить ему осталось считанные дни.

Яков пробивал дорогу. Бил колену, не щадя ни себя, ни странную механическую конструкцию, за штурвалом которой сидел. Невыносимо громко выл мотор, но силёнок явно не хватало. Заструги из какой-то помеси тумана, воды, снега и града, вились, переплетались на дороге и становились с каждым мгновением всё выше и больше. Перед каждой преградой Яков привставал с сидения и, уцепившись двумя руками за руль, как бы всем своим телом помогал своему железному коню совершить очередной прыжок через препятствие.

Новая преграда, намного больше прежних, плотной стеной перекрыла весь горизонт впереди. Яков напрягся всем телом. Выламывая себе суставы, надавил на педаль газа до упора. Выгибаясь назад, из последних сил потянул руль на себя.

Затылком, всей спиной чувствовал он горящие взгляды своих маленьких пассажиров. Глазёнки – чёрные, серые, голубые, зелёные и другие жгли, прожигали насквозь. Темно стало на мгновение перед глазами, а потом он почувствовал, что машина, наконец, выполнила волю рулевого. Неохотно отрывался нос странного агрегата от земли, а Яков продолжал рвать штурвал-руль на себя.

Легче вдруг стало ему, и передвижная, механическая конструкция, что-то среднее между автобусом, снегоходом и авиалайнером, стала гораздо послушнее. Более сильным почувствовал себя Яков. Какая-то невидимая энергия вливалась теперь в него широким потоком, и не из какого-то

неизвестного источника, а из глаз детей, сидящих за его спиной плотными, сомкнутыми рядами.

Не истязали на этот раз глаза измученного мужчину, а помогали ему, дарили невиданную силу.

Взмыла машина в воздух. Круто забрала вверх с такой скоростью, что дух захватило. Вдруг что-то невыносимо яркое ударило по глазам. Солнце прыгнуло навстречу во всей своей ослепительной яркости. Обожгло до боли.

Дернулся Яков всем телом и... проснулся.

Голова нелепо задрана вверх. Прямо в зрачки глаз бьёт луч потолочного светильника. Занемевшие, вывернутые в разные стороны ноги упёрты в спинку переднего кресла. Всё тело болит так, будто дюжина боксёров использовала его в виде подвесной груши немало часов подряд.

Почувствовав сбоку движение, испуганно повернул голову и в упор встретился взглядом с соседкой по сиденью. Та взмахом ресниц показала куда-то вниз. Отодвинувшись немного в сторону, глянул на широкий стол-подлокотник. Его рука, как железные клещи, намертво прихватила руку женщины. Торопливо отдёргнув руку, виновато посмотрел ещё раз на неё. Она молча разминала побелевшие от недостатка притока крови пальцы.

– Вам приснилось что-то плохое?

– Да! Плохое! Очень плохое! Мне опять приснились дети, которым нет места на нашей земле.

Как-то всё странно сложилось у Якова с этой поездкой. Не планировал он её. Так уж получилось, что на производстве объявили двухнедельный перерыв, сославшись на то, что нет заказов. Дома сидеть не захотел, а садиться за письменный стол не было ни сил, ни желания. Не писалось в последнее время. Душевная и физическая апатия и усталость донимали постоянно. До тошноты плохо было ему, а в чём причина – разобраться не мог. Записную книжку, куда в хаотической форме набросал краткие наброски-мысли своей новой вещи, закинул в самый дальний угол. Ему всё время казалось, что эта проклятая записная книжка наблюдает за ним даже ночью. Требовательно косит на него невидимым кошачьим взглядом, мол, чего раскис, слабак, начал дело, так уж доводи до конца.

Собрался уже было бросить своего мучителя в печь, как многие другие вещи, но что-то высшее, не подчинившееся его разуму, запретило ему выполнить это намерение.

Надумал навестить друга, который давно и требовательно приглашал в гости, на родину. Заодно решил побродить по знакомым местам и посетить могилы родственников.

Годовая виза была ещё действительна. Чтобы сбросить вещички в сумку, а записную книжку, которую в последнее время не брал в руки, сунуть в карман, много времени не надо.

В местном, региональном аэропорту за пару минут оформили билеты с пересадкой в одном из больших транспортных узлов Европы.

Во время посадки в самолёт, который направлялся в самое сердце Азии, вышла небольшая путаница с местами. Так, совершенно случайно, оказался в салоне первого класса, хотя место было оплачено в более экономном.

Молоденькие, вежливые стюардессы ещё пошутили по этому поводу: наверное, пассажир не будет жаловаться на авиакомпанию за то, что его пересадили.

Какие жалобы? Первый раз в жизни в люксовом классе прокатиться, да ещё ничего не приплачивая. Красота, да и только. И лишь когда зашёл в передний салон самолёта, понял, что для него всё же было бы лучше остаться в знакомой среде. Другой народ находился здесь, и не только по одежке это было заметно. Однако вышколенные стюардессы своё дело знали. Вежливо, но настойчиво попросив нескольких мужчин освободить проход, прошли в середину салона. Одинокое сидевшая миловидная женщина приветливо махнула рукой, указав на свободное сидение рядом с ней.

Правда, сиденьем в привычном смысле этого слова назвать это сооружение было нельзя. Большое, удобное кресло с широкими, как журнальный столик, подлокотниками, мягко раздвинулось, приятно обнимая тело. Торопливо подошёл с другого конца салона крепкий на вид мужчина и потребовал, чтобы Яков поменялся с ним местами. Соседка по креслу молчаливо, но властно махнула тому рукой, дав ему понять, чтобы вернулся на прежнее место.

Первая леди новой Республики была неглупой интеллигентной женщиной. Она была новатором, притом новатором последней формации и пыталась претворить свои идеи в действительность, не догадываясь о том, что муж далеко не во всём согласен с ней. Глава правительства знал своё дело неплохо и настоящие нити-вожжи, которыми управлялась новая империя, были невидимы несведущим людям. Откуда было знать женщине, которая почти всё своё свободное время проводила в библиотеках и была практически оторвана от реальной жизни, что муж посвящает её далеко не во все свои дела.

Первая дама Республики родилась и выросла на севере страны. Детство и юность провела в большой сельской семье. Закончив десятилетку, задумалась о том, как устроить жизнь дальше. Подружка уговорила попытаться поступить в театральное училище в столице. Оказалась не фотогеничной, а вернее, не вмещалась во входящий в моду тип «женщины-вешалки». Девичьи округлости нахально выпирали из платья, и спрятать их было не так-то просто. Отказ не разочаровал. Поступила в гуманитарный. Понравилось. Лекции. Читальный зал. Чтение по темам и без разбора на скамьях в уютных аллеях парков и в студенческом общежитии.

Аспирантура. Работа увлекла ещё больше. Несколько лет пролетело совершенно незаметно. Ухаживания мужчин принимала равнодушно и безболезненно, так, будто и не на неё было обращено внимание. Настойчивость одного из обожателей вначале показалась очередным пустым развлечением, но со временем превратилось в чувство, от которого отмахнуться, как обычно, оказалось невозможно. Профессор, жена которого трагически погибла, был не просто настойчив. Он позднее признался, что действовал по им же самим разработанной системе, которая в результате сработала и принесла свои плоды, то есть руку и сердце понравившейся женщины.

Бескровная революция в стране внесла хаос не только в экономику, но и в политику. Совершенно неожиданно оказалась неопытная в житейских делах женщина первой леди страны со всеми прилагаемыми к этому званию правами и обязанностями. Чужой мир. Чужие порядки. Муж чувствовал себя в новой обстановке, как рыба в воде, а для молодой женщины всё было незнакомо и чуждо. Встречи. Приёмы. Поездки.

Очередная заграничная поездка не ладилась с самого начала. Муж был категорически против того, чтобы она сопровождала его. Сумела убедить, что такой счастливый случай подворачивается не каждый день, когда можно выполнить несколько очень важных дел за один приём.

Необходимы были новой республике контакты с нужными людьми за границей. Ох как необходимы! И лучше не придумашь. Ещё до того, как муж стал высшим чиновником страны, её приглашали в один из самых известных университетов, который находился именно в том государстве, куда они теперь направлялись с официальным визитом.

Всего два дня пробыли они в чужой стране, как мужу пришлось срочно возвращаться домой. Непокойно стало в мире, и присутствие в такой момент главы правительства в своей стране было правильно понято приглашающей стороной.

Ещё раз очень серьёзно пришлось разговаривать с мужем. Но эта милостивая женщина с глазами испуганного джейрана имела характер боксёра-тяжеловеса. Она смогла доказать, что ей прямо-таки необходимо прочитать запланированные лекции. Доказать всем, что как бы туго не приходилось их новой стране, главный курс выбран правильно.

Муж в конце концов дал согласие, но с условием, что она без охраны не сделает и шага. Проводила его в аэропорт, прямо до трапа персонального самолёта. Выслушала наставления.

Ничего не изменилось с отлётом мужа. Распорядок дня был сжат до предела. Нервировала немного назойливая опека охранников, но, помня своё обещание, старалась не обращать на них внимания.

Лекции прошли с успехом. Особенно радовали непосредственные контакты с молодёжью. Любопытны были студенты и задавали иногда вопросы, не совсем соответствующие этикету. Но с честью выходила она из любого положения. Помогало то, что поработала преподавателем, а этот опыт заочно не выучишь и за деньги не купишь.

Лететь домой пришлось на рейсовой машине. Зарезервировали почти весь люкс-класс. Администратор настаивал на том, чтобы салон полностью был откуплен для их делегации, но она, глянув на счёт, сказала, что они не арабские шейхи и такой роскоши себе позволить не могут. Так и получилось, что среди делегации оказалось несколько незнакомцев.

Охранники пугнули чужих по дальним углам, а сами, по просьбе своей госпожи, расположились поодаль.

Женщина устроилась в кресле возле окна. Место рядом с ней было свободным. Разложив на подлокотнике и на полочке перед собой свои записи и несколько книг, приготовилась поработать и во время полёта.

Услышав какой-то громкий разговор, подняла глаза. По проходу, с испуганно-нахальной улыбкой шёл мужчина. За ним, слегка поддерживая его под руку, шла бортпроводница, выискивая глазами свободное место.

Странно выглядел этот человек. Потрёпанные джинсы с пузырями на коленях. Простая, выношенная клетчатая рубашка с короткими рукавами и небольшой потёртый баульчик в руках. На голове седой, упрямый, короткий ёжик, торчащий во все стороны. Большие мужицкие руки и совсем не видно глаз, спрятанных за затемнёнными, толстыми стёклами очков.

«Ну поговорим. Отвлечёмся от высших материй и дипломатических разговоров. Побеседуем с земляком о ценах на водку и отсутствие хорошего пива в ларьках», – подумала женщина и приветливо махнула стюардессе рукой.

Но не удался «серьёзный» разговор. Неинтересным оказался собеседник. Туго поддавался он на провокационные вопросы. Занят был какими-то своими мыслями и совершенно не интересовался своей соседкой. Сменив очки на другие, с более светлыми стёклами, черкал иногда огрызком карандаша в небольшой записной книге и морщился при этом так, будто неприятно ему это было.

«Форсит, думала про себя женщина, – попал в чужую среду и играет теперь передо мной роль делового человека. Набивает себе цену. Знакомая картина и обычная уловка всех мужчин. Через пару часов начнёт сам напрашиваться на знакомство и просить телефончик».

Но она ошиблась. Не попросил сосед номер телефона и даже не предложил оказать свои услуги после посадки. Кратко рассказал о себе, что уже немало лет живёт за границей, но родился недалеко от тех мест, куда они теперь летят. Очень образно, прямо-таки красочно, описал несколько эпизодов из своего детства.

Из всех напитков, предложенных услужливыми бортпроводницами, выбрал лишь минеральную воду. Поел серьёзно. Подчистил всё, что было на его тарелочках. В отличие от других пассажиров, совершенно не прикоснулся к алкоголю.

Интересно было женщине наблюдать за человеком, который не знал, кто находится рядом с ним. Что он действительно не в курсе того, кто его соседка, она была абсолютно уверена. Как-никак учёный-философ с огромной практикой чувствует такие вещи всем нутром.

Не часто выпадало ей теперь сидеть и разговаривать с человеком, который говорит о том, о чём думает. Не разобралась она в своём соседе. Поняла только, что он часто бывает в её стране. Причины эмиграции так и не назвал, несмотря на все её дипломатические уловки.

Сухо попрощались. Её в первую очередь пригласили к выходу. Широкоплечие мужчины, бесцеремонно и быстро оттеснили его в сторону. У трапа, как и положено, первую леди страны ждал целый эскорт сверкающих чёрным лаком лимузинов.

Он, поглядывая из окна, лишь теперь понял, с кем рядом усадила его судьба в шикарном кресле воздушного лайнера. Не обрадовался он своему открытию, а скорее разочаровался ещё больше. Всё-таки несколько из своих самых сокровенных мыслей высказал он вслух, а не подходили они к общему направлению политики, проводимой в этой стране новоиспечённым правительством.

Не понял он женщину, точно так же, как и она не поняла его.

Яков погиб, не успев погостить и дня на своей родине. Что явилось причиной этой странной автокатастрофы, навсегда осталось тайной. Огромный грузовик размазал легковой автомобиль по автотрассе, словно жестяную банку. Яков так и не узнал о том, что его записную книжку, которую он во время разговора положил на подлокотник, попутчица вместе со своими записями и книгами небрежно смахнула в свою сумочку.

Женщина, которая просидела в самолёте рядом с Яковом около семи часов, с его гибелью ничего общего не имела.

Очевидно кому-то он, или его необычные идеи, не понравились, а, может быть, и охрана посчитала, что они были недостаточно бдительными, и их господин может быть недоволен ошибкой, допущенной ими во время полёта. Кто знает? Но случайностью такие трагедии не бывают. Убрал кто-то ненужного, мешающего человека и, как говорят иные циники: «Нет человека, нет и дела».

Погиб неизвестный философ, но не умерли его мысли.

Маленькая, тоненькая, размером чуть больше сигаретной пачки, записная книжка, оказалась для представительницы государственной элиты бомбой замедленного действия. Ужасным почерком были сделаны записи. Местами вообще нельзя было ничего разобрать, кроме вопросительных и восклицательных знаков. На иных страницах карандашный след был почти невидим, но всё же главную мысль-догадку автора женщина разобрала. Тяжело ей стало. Холодом, и не просто холодом, а убивающим душу морозом тянуло от неразборчивых строк.

Эта книжка из бумаги в обыкновенную клеточку стала для неё откровением. Женщина не просто старалась прочитать все строки, она пыталась понять человека, написавшего их.

Вот они, те записи, которые женщина привела в порядок и по-своему попыталась выстроить вопросы в логическую цепочку:

***Манкурты;**

***Мамлюки;**

***Дети современности;**

Манкурт – это продукт древних идеологов-воспитателей, выращенный в Азии.

Манкурт – человек-раб. Не простой раб, а особенный. У манкурта убиты абсолютно все чувства сопротивления.

Из кого, в основном, выращивали манкуртов? Конечно из детей, подростков и молодых людей покорённых, уничтожаемых народов.

Описать весь процесс выращивания-воспитывания манкурта невозможно. Можно лишь сказать, что достигалось это путём физических страданий. Таких страданий, от которых человеческий разум трансформируется в исполнителя без единого всплеска свободной мысли.

Мамлюков выращивали на стыке трёх континентов.

Мамлюк – человек-воин. Не простым воином был мамлюк, а воином без рода и племени. Малыми детьми из различных стран привозили будущих мамлюков к идеологам-воспитателям, а те были знатоками своего дела. Вырастал воин, для которого не существовало ничего святого. Он исполнял лишь волю своего повелителя. Немало лет и веков мамлюки были самыми лучшими воинами. Разум у мамлюков не был убит, как у манкуртов. Ошибку совершили идеологи, за что со временем и поплатились. Уничтожили мамлюки своих воспитателей и сами заняли их троны.

Дети современности. Что происходит с детьми в наше время, и не только с отверженными, то есть, закрытыми в специальные дома, но и вообще со всеми детьми на нашей планете?

Кто является современным главным идеологом, когда все границы раскрыты и коммуникация между народами не ограничена?

Кто управляет всеми средствами воспитания?

Кто пишет и издаёт миллионными тиражами псевдолитературный бред-хлам, который убивает всё святое, что человечество собрало в своём генетическом наследстве за тысячелетия?

Кто производит кино и как?

Кто производит всевозможное видео?

Кто держит в своих руках телевидение со всеми его придатками?

Кто встраивает или вкладывает во все эти средства массовой информации свои тайные коды, от которых разум человека отказывается нормально функционировать?

А как и кем пишется современная музыка?

Кто знает, сколько вкладывается в неё тайных ключей, призывающих к агрессии и насилию?

Сможет ли человечество вернуться к здравомыслию после столь мощных инъекций самому уязвимому поколению – детям?

Манкурты и мамлюки просуществовали на нашей земле много столетий, а сколько лет проживёт вновь выращенный фантом-зомби (*фанби*)?

Первая леди страны была шокирована вопросами, которые ставил себе её случайный попутчик в смешных потрёпанных штанах и нелепых очках.

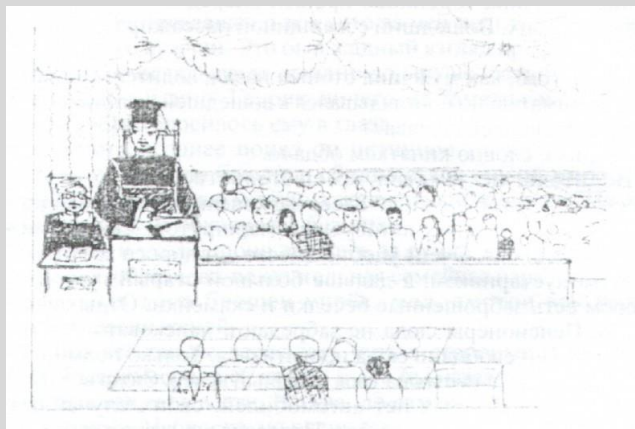
«В чём-то он прав, но почему именно он? Почему не мы, люди, которые действительно могут что-то изменить, задаём себе такие вопросы? Зачем ему это надо? Что он может изменить? Что он может иметь от таких сумасбродных идей, кроме больших неприятностей?»

А может быть, я просто не в курсе всего, что творится на самом деле в мире? Может, и мой муж, как и все другие люди, которые заинтересованы в неограниченной власти, принимает участие в этих тёмных махинациях одурманивания, а я являюсь лишь ширмой, своего рода умным и красиво говорящим громоотводом?»

Гнала женщина от себя эти сумасшедшие мысли, но не давали они ей покоя.

Если бы Яков был жив и узнал о том, что переживает его случайная попутчица, он был бы рад. Живут его мысли. Не растворились в неизвестности. Его боль-догадка передалась другой живой душе на земле, а значит, не умерла.

Судилище

Судебное заседание было объявлено открытым. Не простой суд проходил в далёкой от всех больших центров деревне, а был он официально объявлен общественно-показательным. Небольшой зрительный зал сельского клуба набили народом битком. Местное начальство потрудилось на славу. В клуб согнали всех, кого только смогли. Даже из школы привели учеников старших классов, чтобы те учились уму-разуму.

Но что-то не клеилось у организаторов судилища. Лениво как-то протекало всё, не активно. Возможно у судьи после вчерашней большой попойки с местными «активистами» всё ещё не было обычного бойцовского настроения, а возможно ждали кого-то ещё.

Не суд проходил в скромном сельском клубе, а ставилось очень дешёвенькое, плохо отрепетированное, театральное представление. Главные лица спектакля-судилища, судья и государственный обвинитель, сидели на высокой, открытой сцене.

Целый наряд милицейских работников в форме охранял достоинство их величеств. А сколько ещё блюстителей порядка в гражданской одежде находилось в переполненном зале, конечно, никто кроме организаторов не имел права знать. Не простые судейские чиновники сидели чуть ли не над головами присутствующих, а чины высокого ранга, которые, очевидно, при помощи этого судебного процесса хотели сделать ещё один прыжок вверх по карьерной лестнице.

У чиновников такого масштаба и пошиба существует лишь два мнения. Первое – это их собственное, а второе, естественно, может быть только неправильным. По такому принципу они не только живут сами, но и правят бесправным народом. Именно по такому принципу был разработан и составлен весь план-расписание судебного заседания.

Гордо и величественно восседали генералы правосудия на сцене за длинным столом, накрытым тяжёлым кроваво-красным материалом. Поглядывали они в зал такими взглядами, какими смотрят в пустоту. Безликой массой был для высоких чиновников людской контингент, стоящий и сидящий в битком набитом зале.

Обвинитель со знанием дела нудным, натренированным голосом зачитал вслух заключение следствия.

Рядком сидели пятеро мужчин и одна пожилая женщина на так называемой скамье обвиняемых. Спокойно и с достоинством выслушали они обвинителя. Лишь женщина, достав из кармана носовой платок, и, склонившись головой чуть ли не до коленок, вытерла набежавшие невольно слёзы обиды.

Кто были эти «страшные» преступники? Кто были эти люди, ради которых разыгрался в небольшом селе такой шумный судебный процесс?

Подсудимые не были убийцами! Подсудимые не были насильниками! Подсудимые не были ворами! Подсудимые даже не были дебоширами!

На скамье подсудимых сидели самые обыкновенные, простые, рабочие люди, которые не хотели, чтобы их дети стали вышеназванными особами. На скамье подсудимых сидели люди, которые думали о будущем своих детей. На скамье подсудимых сидели люди, которые не сидели сложа руки, ожидая манны небесной, а трудились всю свою жизнь, не складывая рук, на благо своей семьи.

Обвиняемые занимались помимо всего ещё и настоящим, а не поддельным воспитанием своих собственных детей и именно по этой причине, власть имущие выставили их теперь в этом зале в роли злодеев.

Но что-то не ладилось у судебных чиновников. Тянули они время, постоянно поглядывая на входные двери. Всё выглядело в этом спектакле так, будто артисты забыли свой текст, а суфлёр ещё не появился в своей будочке. В зале постепенно нарастал шум.

Наконец всё встало на свои места.

В дверях появилось несколько взрослых, которые сопровождали, вернее сказать вели, кучку перепуганных насмерть детей. Возглавлял группу местный партийный руководитель.

Замыкающими, точнее подталкивающими шли председатель сельского совета и два комсорга. По залу пробежал едва заметный говор, а затем наступила мёртвая тишина.

Все присутствующие смотрели на детей, которые стояли, словно парализованные, перед высоким начальством, восседающим на трибуне, как на троне.

Да! Настоящий спектакль начался лишь теперь.

Тоненькими голосками высказывали дети свои доносы-показания. Разные они были. Кто-то говорил о том, что подглядел вечером через окно, как соседи читали всей семьёй Библию. Другой свидетель сообщал о том, что слышал по выходным дням из соседского дома божественные песни, притом не только на русском языке. И так далее... и тому подобное.

Самое постыдное во всём разыгрываемом фарсе было то, что не наизусть говорили бедные дети свои обвинительные показания, а читали их со шпаргалок, которые они до этого сжимали в своих кулачках.

Исчезли эти записи после суда навсегда, и кто знает не были ли они написаны взрослыми политически бдительными наставниками.

Каждый опытный пастух совершенно точно знает, за каким животным нужно особенно внимательно следить, чтобы в стаде не нарушался порядок.

Партийные и комсомольские вожаки, очевидно, очень хорошо знали, кого можно запугать до полусмерти и заставить выступить в качестве свидетеля на судебном спектакле. Возможно, даже не всех малолетних свидетелей пришлось идейным организаторам судилища пугать и заставлять доносить. Может быть, среди детей были и такие, что за обещанные большие сладкие пряники и

высокие должности в будущей взрослой жизни согласились на столь постыдное деяние. Кто знает? Это осталось тайной не только тех, кто доносил, но и тех, кто обучал искусству предательства и доносительства.

«Религия - опиум для народа»!

Этот лозунг можно было увидеть на входной двери школы, на стене клуба или склада, в агитпункте, в общем где угодно, вплоть до продовольственного магазина включительно, где продавали в неограниченном количестве настоящий опиум в жидком виде.

Каким же опиумом нужно было опоить бедных невинных детей, чтобы они принародно шельмовали своих же родных и соседей?

Обвиняемым было стыдно. Им было стыдно не за себя лично или за совершённые поступки. Нет! Людям на скамье подсудимых было стыдно за тех людей, которые принудили маленьких, несмышлёных детей, совершать то, что будет мучить и жечь их бедные, покалеченные души всю оставшуюся жизнь.

Большие тюремные сроки навесили людям, проповедующим лишь добро и справедливость. Повели их под конвоем прямо на виду у всех родственников и сельчан к окованному изнутри и снаружи железом «Чёрному Ворону».

Не обозлились эти люди на весь мир. Совсем наоборот. Молились они впоследствии не только за себя и за своих детей, но усердно просили у Всевышнего милосердия к тем бедным несмышлёным детишкам, по навету которых были сосланы далеко от родимых мест, родственников, маленьких детей и родного дома.

Расходился народ после судилища по селу, и никто не смотрел другому в глаза. Судилище, организованное властью имущими в далёком от всех больших центров селе лишь для того, чтобы напугать вольнодумцев, на самом деле имело обратное действие. Наглядно увидели все думающие и неглупые люди голую, неприкрытую правду о «Справедливых слугах Закона».

Бабье лето

День для Дарёнки начинался не так, как всегда. Везло ей с самого утра. Сюрпризы посыпались на неё в большой кухне, очень похожей на танцевальный зал средних размеров. Там её уже ждали отец с матерью. Они поздравили дочь с Днём рождения. Затем отец вынул из шкафа, который стоял за кухонным столом, возле стены, какой-то длинный кожаный футляр. Широко раскрылись у девочки глаза от радости, когда она расстегнула застёжку и вынула из футляра новенькую малокалиберную винтовку облегчённого типа с укороченным стволом, но зато с пяти патронным магазином. Намного легче отцовской «Белки» была новая винтовка и больше похожа на игрушку, чем на серьёзное оружие. («Белка» – двуствольное ружьё профессиональных охотников с одним нарезным и вторым гладким стволом малого калибра)

Умоляюще посмотрела дочь на отца. Мать лишь недовольно махнула рукой. Отец достал из ружейного сейфа, прикрученного за шкафом к стене, коробку с патронами. Вложил пять патронов с усиленным зарядом в магазин. С характерным металлическим щелчком загнал магазин в винтовку. Потом протянул подарок дочери и открыл настежь створки окна, выходящее на задний двор. Метрах в пятидесяти от дома лежала целая груда разломанных кирпичей. Удобно легло, специально подогнанное под девочку, ложе на плечо. Она положила короткий ствол на подоконник, со знанием дела передёрнула затвор. Прицелилась точно также, как уже много раз проделывала это с отцовским ружьём, в половинку кирпича, и красное облачко пыли взметнулось после выстрела там, где лежал кирпич. Завизжав от радости, именинница бросилась отцу на шею. Поцеловал довольный отец дочку, а затем строго сказал, что не следует оставлять боевое оружие на подоконнике. Девочка подхватила винтовку. Закрыла на предохранитель и лишь затем поставила свой подарок в шкаф за кухонным столом. Не обратил отец в праздничной суматохе внимания на то, что не отстегнула его дочь магазин с патронами от винтовки, а поставила прямо с зарядами в шкаф. Автоматически сделала она это. Не было в старой отцовской «Белке» магазина, поэтому и не приучена ещё была маленькая охотница таким образом разряжать оружие.

На завтрак мама приготовила любимые дочерью блины с вареньем из малины. За едой отец сообщил, что его срочно вызывают на два дня в областной город и он попутно подбросит в село своих женщин. Дочь до школы, а маму до магазина. Среда был день завоза товаров в сельский магазин, и в этот день женщины со всей округи, у которых было время, собирались у сельпо. Даже на переднем сиденье разрешила мама сидеть в этот день своей непоседливой дочурке, что само по себе уже было настоящим чудом. Как-никак, а это являлось нарушением правил, и отец не очень охотно совершал такие проступки, так как не хотел иметь неприятностей с местным участковым милиционером, с которым у него сложились не очень-то дружеские отношения. Но день был особенный, и родители хотели сделать дочери приятное. Именно в этот день, когда во дворе стоит золотое бабье лето, десять лет тому назад появилась на свет Дарья. Дарёнкой назвал её отец позднее, а в официальных документах чёрным по белому было написано, что зовут новую гражданку не иначе, как Дарья Ивановна Эйснерон.

Приятные сюрпризы не закончились и в школе. Учительница поздравила свою ученицу с днём рождения, а подружки-одноклассницы вручили огромный букет.

В конце третьего урока учительница объявила, что ей срочно нужно в какое-то там районо и дети могут идти по домам, но с условием, что сегодняшние школьные задания выполнят дома, как дополнительную домашнюю работу.

Когда учительница произнесла слово «районо» и сделала при этом большие глаза, девчушка сразу же представила себе огромного неприятного дядечку со страшной бородой и усами, перед которым учительница стоит на коленях и молит о пощаде. Поэтому спросила у Анны Петровны, что ей сделают плохого в этом противном районо. Учительница лишь улыбнулась, мол, ничего плохого ей там не сделают, в крайнем случае, прочитают пару лекций и всё.

Успокоилась именинница. День не был испорчен тем, что любимой учительнице будет плохо в то время, когда ей так хорошо.

Учительница сказала, что довезёт Дарью до развилки к егерскому кордону – так как всё равно ехать мимо.

Сидя на заднем сиденье легковушки, девчушка вертела во все стороны головой и засыпала самыми различным вопросам мужа учительницы, который сидел за рулём автомобиля.

На развилке помахала вслед автомашине, а затем направилась к ближайшим кустам, где лежал спрятанный на всякий случай велосипед.

«Ага, мамы ещё нет, иначе велосипеда бы не было, – подумала она. – Придётся мне, когда проходит автобус, ещё раз вернуться за ней».

Дарёнка выволокла тяжеловатый для неё велосипед из кустов. Пристроила свой ранец и букет на багажник. Не умела она ещё по-мальчишески запрыгивать на ходу на велосипед и поэтому наклонив его боком, перекинула ногу через раму и, нащупав правой ногой педаль, оттолкнулась левой от земли. Замелькали по обеим сторонам деревья, от которых через всю просеку тянулась серебряная паутина - верный признак того, что бабье лето в самом разгаре. Вскоре показался кордон. Горланя во всё горло любимую отцовскую припевку, лихо вырулила под навес. Сняв ранец с багажника и прислонив велосипед к столбику, прошла к входной двери.

Удивилась девочка тому, что не оказалось на наружной двери всяческого замка, но решила, что родители просто забыли утром в суматохе сделать это. Шагнула она в тёмный коридор, не догадываясь о том, что в доме её ждёт страшная беда.

Не знала Дарёнка, что мать namного раньше своей дочери добралась на попутке до развилки, но не поехала на велосипеде на кордон, а напрямую, не торопясь, пешком через лес, направилась к коптильне, которая стояла на берегу реки, в отдалении от кордона.

Злой сюрприз ожидал Марью, жену местного егеря, возле коптильни. Ничего не подозревая, мурлыкала она себе на ходу под нос любимую припевку мужа и любовалась красотами осеннего лета. Была прекрасная солнечная погода. Весь лес стоял в золотом осеннем уборе. Сказочное бабье лето во всей своей красе открывало женщине одну картину красочнее другой.

Наконец, узкая лесная тропинка упёрлась в угол коптильни. Обогнув здание, женщина вплотную столкнулась с мужчиной, который выбирался из коптильни с полным мешком в руках. Второй копошился в лодке, которая стояла в десятке метров от коптильни в маленькой бухточке, полностью отгороженной от реки рядом густых, высоких кустов. Нос лодки упёрся в береговой песок, а широкая корма была на плаву.

– Ага! Незваные гости!

Жена егеря подошла к лодке. Тронула рукой мешки.

– Не сеем и не жнём, но сыто живём, – проговорила она прямо в лицо плюгавого, маленького мужичка, который от неожиданности опустился на мешки.

– А это что такое?

Марья нагнулась ещё глубже. Одной рукой она облокотилась о борт лодки, а второй ухватила за ствол карабина, который торчал над бортом.

Зря она сделала это. Воровство одно дело, а вооружённый разбой совсем – другое. Мужик, стоявший в лодке, схватил её сзади за косы и рванул на себя. Не удержала равновесия женщина. Рухнула всем весом на мешки, набитые копчёным салом, мясом и рыбой. Мужичок, всё так же удерживая свою пленницу за волосы, быстро зашарил второй рукой по дну лодки. Нашупал деревянную колотушку, которой глушат большие рыбыны, и с размаху опустил её на голову жертвы. Лишь ногами дёрнула та и обмякла, как пустой мешок. Второй мужчина, здоровенный верзила с глуповатым лицом, всё так же, с мешком в руках стоял возле коптильни.

– Чего стоишь? Вяжи ей руки за спину, балда, – прошипел ему мужичок из лодки.

– Она наш карабин увидела, теперь нам конец.

Не только егерь, но и его жена знала о существовании этого оружия. Именно из этого карабина уже дважды стреляли в егеря Ивана Эйснерона, под опекой которого была огромная территория леса и реки. Опытны и неуловимы были воры и бандиты, с которыми егерь давно уже находился в состоянии необъявленной войны. Знал егерь, что это кто-то из местных ведёт на него охоту не в шутку, а всерьёз, но с поличным взять ему никогда никого не удавалось. Уже не один раз вычищали у него коптильную камеру бандиты дочиста, и каждый раз именно тогда, когда она была полна.

А секрет успеха воров был прост. Знали и контролировали они каждый шаг Ивана и Марьи.

Своей рации и телефона на кордоне не было, и поэтому все сообщения егерь получал по почте. Рапорты отправлял в управление таким же способом. На почте и сидела эта дрянь, которая постоянно наблюдала за всем лесным кордоном.

В банде было три человека. Первый из них, плюгавый, работал так называемым начальником сельского узла связи. Почта тоже находилась там же. Доступ был

открыт для всех немногочисленных работников. Любую телеграмму каждый из сотрудииков мог свободно прочитать. Таким образом, банда всегда совершенно точно знала, когда егерь уезжает в город. Подслушать же телефонные разговоры вообще не составляло никакого труда.

Второй, верзила, работал в местном сельпо заготовителем. Он совершенно точно знал о скором поступлении копчённого товара от егеря.

Егерь ведь не только обязан охранять доверенные ему площади. Навешивают на него и самые различные планы по сдаче государству таких продуктов леса и реки, как: берёзовые веники, сушённые ягоды и грибы, мётлы, черенки лопат, навильники и даже лапки лесных разбойниц сорок и ворон. В общем, всего не перечить. Также егерю всегда совершенно точно предписано, что и куда сдавать. Копчённую и свежую рыбу Иван, например, обязан был сдавать в местное сельпо по той причине, что только у них одних на весь район имелся достаточно мощный холодильник, откуда кормилось всё большое начальство.

Третий, толстяк по кличке Шарик, занимал сразу несколько важных постов. Был он заведующим местным сельским клубом и вдобавок ещё стационарным и разъездным киномехаником. Маленький «козлик-вездеход» был в его постоянном распоряжении. Развозил и показывал он при необходимости по отдалённым кордонам, заимкам, отделениям и бригадам кинофильмы. Так что лучшего разведчика и нюхача и представить себе нельзя было.

Он знал всех и всё в округе. Сообщал своим сообщникам, где и что плохо лежит, а дальше те уже решали всё сами. Шарик редко принимал участие в кражах. Основной его задачей было добыть информацию и сбыть награбленное, именно поэтому банда и была так неуловима. Очень чётко были распределены все обязанности. Толстяка предупреждали о времени и месте приёма товара. Причём, сразу же после передачи ворованного, пути бандитов расходились. Встречались, как бы случайно, не раньше, чем через десять дней после проведённой операции.

Воришки чувствовали себя совершенно свободно. Ворованное сбывалось в городе, куда его доставлял толстяк всё на том же «козлике», по только ему одному известным точкам сбыта. Только в крайнем случае, если не удавалось сразу же увести всё награбленное, остатки прятали в складах у сельповского заготовителя. Кто же станет искать ворованное у материально ответственного лица. Не одну корову, бычка или тёлку продали воры, оптом или в розницу, в городе. Водились у воров деньжата, часть пропивали сами, а другую часть использовали для подкупа и спаивания нужных людей. Воров вроде бы и искали, но, очевидно, не в том месте и не так, как следовало бы.

Все разговоры умело направлялись в нужное русло, мол, гастролёры орудуют у нас, поэтому так тяжело их задержать. Удобна была эта версия не только бандитам, но и милицейскому начальству - в случае инспекционной проверки всегда можно было сослаться на соседей.

Много лет эта тройца оставалась неуловимой. Зачинщиком, своего рода мозговым центром банды, был плюгавый мужичок – начальник местного узла связи и бандит по совместительству, который сейчас сидел в лодке, держа в руках косы лежащей ничком без сознания женщины.

Очевидно, так жестоко обошёлся он сейчас с женщиной не только потому, что она увидела незаконное оружие, но ещё и по той причине, что были у него именно к ней давние личные претензии. Высмеяла она много лет назад засланных им сватов и отправила их домой восвояси. На всю жизнь затаил он обиду. Именно он, плюгавый мужичок, уже дважды стрелял в ненавистного ему мужа Марьи, Ивана, но оба раза неудачно. Очень хороший ангел-

хранитель был у егеря. Плюгавый за сотни метров без промаха насмерть валил лося из своего карабина, который был снабжён оптикой, а Иван был, как заговорённый, не брали его пули бандита.

Верзила посмотрел на лежащую женщину, а затем вопросительно уставился на плюгавого, мол, куда с ней. Затем предложил выбросить Марью в реку, течением унесёт и ищи-свищи.

– Балда ты, всплывёт она. Найдут. Искать начнут – кто утопил. Нет, так дело не пойдёт. На кордон её нужно, да по-умному всё обставить, чтобы комар носа не подточил.

Сжечь её вместе с этим проклятым осиным гнездом и вся недолга. Ивана два дня не будет, а соплюшка их до обеда в школе.

Принесло же эту холеру так рано домой. Ведь среда сегодня. Все путные бабы у сельпо друг другу волосы дерут в очереди за дефицитными тряпками, а ей, непоседе, не терпится, видите ли. Припёрлась домой раньше, чем её ждали.

После своей длинной тирады-раздумья плюгавый сердито пихнул свою пленницу ногой в бок. Зашевелилась она, застонала громко. Попыталась подняться, но не смогла. Туго стянутые за спиной обрывком верёвки руки не дали встать. Ещё раз огрел её деревянной колотушкой плюгавый. Затем быстро подхватил со дна лодки грязную, воняющую бензином тряпку. Вывернул женщине голову набок. Двумя руками затолкал ей в рот вонючий кляп.

– Теперь не поорёшь мне.

И добавил, обращаясь к верзиле: «Нам нужно успеть управиться с ней. Всего пару часов осталось. Потом вторая пигалица появиться. Возись ещё с двумя... Устроим всё так, будто в кухне керосинка взорвалась и концы все в воду».

– Гы... Гы... Гыыы... – забухал верзила в ответ на идею плюгавого.

– Ну, ты и мастак на хитрости и шутки.

Они волоком потащили женщину к кордону, который находился в нескольких сотнях метров от коптильни. Неудобно было плюгавому. Мешал ему карабин на плече, который он на всякий случай прихватил с собой, и поэтому основная нагрузка выпала на верзилу, чем тот не преминул воспользоваться. Незаметно для плюгавого, обшарил сластолюбец груди беззащитной жертвы и очень даже доволен остался своим импровизированным исследованием. Даже почмокал от удовольствия так громко, что плюгавый с удивлением посмотрел на него. Не желая нарваться на скандал, верзила на время присмирел.

Замок на двери не пришлось ломать. Пошарил верзила над дверным косяком рукой и с ухмылкой вытащил ключ от дверного замка. С грохотом протопали по тёмному коридору и вломились затем в дом, марая грязными сапожищами чисто вымытый пол кухни. Бросили Марью лицом вниз на огромный сундук возле стены. Огляделись.

Верзила, увидев, что женщина пришла в себя и задёргалась, заёрзала на сундуке, неудобно оттопырив при этом свой тугой зад, сделал плюгавому предложение:

– Послушай, зачем такому добру-то пропадать. Ты не смог её в молодости распечатать, так хоть сейчас попользуйся. Коли ты не хочешь, так я не побрезгую, – и верзила плотоядно погладил свою пленницу по бёдрам, тут же выворачивая ей второй рукой связанные верёвкой руки вверх и тем самым пресекая все её попытки к сопротивлению.

Плюгавый с досадой отмахнулся, продолжая обследовать кухню. Он искал керосинку. Верзила же стал вновь ощупывать объект своего вожделения

всюду, куда только доставала свободная рука, приходя таким образом в хорошее настроение. Не выдержал искуса. Всё так же держа связанные руки Марьи левой рукой, правой стал торопливо расстёгивать штаны. Упали они и он, воспользовавшись тем, что плюгавый всё ещё был занят поиском керосиновой плитки, вплотную придвинулся к женщине. Вдруг откуда-то издалека раздалось весёлое детское пенье:

*«Марья да Дарья мои
Подавайте пироги.
Кушать будем вместе,
Лакомство из теста.
Не шутите девочки...
Мне скорей из печечки,
Доставайте щи с мяцом
И чаёк с жарком-парком».*

Оба бандита удивлённо уставились друг на друга. Во двор лихо вкатила девочка-подросток на велосипеде, напевая во всё горло любимую припевку отца. Плюгавый, молча погрозив верзиле кулаком, пробежал к входной двери и спрятался за ней.

Попробуй одеть штаны одной рукой, а второй ещё удержи совсем обезумевшую женщину. Оставив штаны висеть на закатанных глубоко вниз резиновых болотных сапогах, верзила двумя руками с трудом удерживал свою пленницу, которая, выбиваясь из последних сил, ужом извивалась на сундуке. Хлопнула наружная дверь. Прогремело что-то в коридоре, а затем стремительно открылась дверь кухни. Кулак плюгавого встретил девчушку и бросил её к кухонному столу. Задела она боком клеёнку на столе и стянула один угол до самого пола. Ударилась затем о шкаф головой и замерла, скрючившись.

Молча стояли бандиты, осторожно прислушиваясь, не появится ли ещё кто-то. Плюгавый первым пришёл в себя. Глянув на спущенные штаны верзилы, ощерил свои гнилые зубы в кривой ухмылке:

– Пользуйся случаем. Уступаю, но помни мою доброту.

– Подержи ты ей хотя бы руки для начала, а то мне её одной рукой не рассупонить, – попросил верзила плюгавого.

Марья, изнемогая, задыхаясь от нехватки воздуха, отбивалась от насильников головой и ногами. Бандиты, занятые борьбой с женщиной, на какое-то время совершенно забыли о Дарёнке, которую скрывал угол клеёнки, стянутый падающей девочкой со стола.

Вдруг они оба удивлённо оглянулись на какой-то непонятный стук, который донёсся из угла, где лежала девочка. Сторожко прислушались и с изумлением увидели, что над кухонным столом появился ствол игрушечного ружья.

– Но-но! Ты, побалууй мне, – и плюгавый неторопливо шагнул в сторону стола.

Это были его последние сознательные движения.

...Девочка, ушибленная двойным ударом, вынырнула из небытия. Как в кинопроекторе промелькнула у неё перед глазами картина – вывернутое к двери, совершенно белое, искажённое болью лицо матери и над ней чужой мужчина.

Она медленно, не вставая, осторожно приоткрыла дверь шкафа, возле которого лежала. Достала свой подарок. Все движения она проделывала автоматически и абсолютно спокойно. Так, будто не детский разум руководил теперь слабым

тельцем, а чей-то другой, свыше. Ребёнок управлял своей смертоносной игрушкой, как настоящий профессионал в минуты наивысшей опасности. Плавно, мягко передёрнула девчушка затвор, загоня патрон в приёмную камеру. Бесшумно сняла винтовку с предохранителя и лишь затем стала вставать, укладывая ствол винтовки на столешницу. Она ничего не видела вокруг себя, кроме надвигающегося на неё мужчину. Мушка как бы сама по себе нашла лоб плюгавого.

Сухо щёлкнула винтовка. Звук был похож на хлопок мухобойки по стеклу. На лбу мужчины выросло маленькое тёмное пятнышко и одновременно с этим какое-то удивление появилось на его лице. Брови прыгнули вверх, глаза выкатились из орбит, а широко раскрытый рот судорожно хватанул воздух. Плюгавый, широко разбросив в стороны руки, упал, как колода, на пол, хлюпко ударившись при этом о доски пола лицом.

Но Дарёнка всего этого уже не видела. Она, словно робот, снова передёрнула затвор винтовки.

Верзила, увидев такой оборот дела, попытался нырнуть за сундук и добраться до заряженного карабина, стоящего рядом с ним в углу, но спущенные до колен штаны помешали быстро совершить маневр. Протянул он было свою длинную руку к оружию, пригнувшись пониже, а распрямиться ему больше уже не удалось.

Всего чуточку довернула девочка ствол, и широкий затылок верзилы удобно улёгся в прицельную планку.

Ещё раз сухо хлопнула винтовка. Верзила грохнулся сначала на колени, а затем уткнулся носом в угол, бесстыже выставив наружу голые чресла и огромные, грязные подошвы резиновых сапог.

Дарёнка, оставив винтовку лежать на столе, присела опять на пол, облокотившись спиной о шкаф и закрыв глаза. Мёртвая тишина воцарилась на кухне.

Марья сползла с сундука. Стоя на коленях, дикими глазами оглядела кухню. Встала на ноги, упираясь боком о сундук. Прошла к столу и заглянула за него. Дочь неподвижно сидела с закрытыми глазами. Марья выдвинула связанными руками ящичек стола. Достала кухонный нож и прошла за стол.

Девочка открыла глаза и каким-то отчуждённым взглядом посмотрела на мать. Можно было подумать, что малышка только что проснулась и не понимает, что мать от неё хочет. Марья повернулась к дочери спиной и помахала перед её лицом ножом.

Та, не вставая, перерезала верёвку, а затем, положив нож на столешницу, снова закрыла глаза. Марья выдрала изо рта кляп и, развернувшись, присела перед дочерью на колени.

Обняла её за плечи. Изо всех сил прижала к себе. Долго просидели мать и дочь в молчании. Затем мать тихо прошептала дочери на ухо: «Не открывай глаза и ничего не бойся».

Подхватив Дарёнку на руки, Марья торопливо прошла в спальню. Уложила дочь на кровать. Накрыла одеялом, и, сказав, чтобы та не двигалась, быстро возвратилась на кухню. Вернулась в спальню с сильно действующим снотворным средством и стаканом воды в руках. Заставив дочь проглотить снотворное, легла поверх одеяла рядом с ней. Лишь убедившись, что ребёнок глубоко заснул и спокойно ровно дышит, женщина вернулась на кухню. Постояла, раздумывая.

Знала Марья, что затаскают её и мужа по всем инстанциям, если чиновники проведуют про то, что на кордоне убито два человека.

Попробуй, докажи чинушам, что всё произошло так, как было на самом деле. Ведь никто не поверит. Участковый инспектор милиции, тайный алкоголик, немало перепил водки и всякой другой дряни с этими ворами. К тому же в больших неладах он с Иваном. По-своему всё вывернёт.

Да и начальник районного отделения милиции тоже недолюбливает местного егеря за его принципиальность и несговорчивость. Немалый ведь штраф пришлось большому милицейскому чиновнику выплатить за своего лоботряса-сынка, которого Иван задержал при браконьерстве.

А Дарёнка? Ведь ей достанется больше всех. Всю жизнь ей этот груз на плечах таскать. Нет! Я должна сделать всё на свой лад. Иначе хлопот не оберёмся до самой смерти.

Марья, приняв решение, прошла во двор. Подкатила грузовой мотороллер, который был на кордоне вместо лошади.

Примерно в километре от кордона находилось место, где когда-то стояла старая совхозная свиноферма. Древнее дряхлое саманное строение уже давно развалилось. Весь пригодный материал был ещё много лет назад вывезён и лишь глубокая, страшно воняющая яма для слива жижи напоминала о том, что здесь когда-то была свиноферма. В эту выгребную яму и свалила жена егеря оба трупа воров и насильников, предварительно набив их штаны и рубахи камнями и разным металлическим хламом, которого немало валялось кругом. Не просто скинула она трупы в жижу, которая была по своим растворяющим свойствам почище серной кислоты, а длинным отрезком трубы оттолкнула их подальше от края пока они не затонули.

– Жили, как звери. Умерли, как свиньи. Так пусть и гниют, как падаль, – окончательно успокоилась Марья, уверенная в том, что поступила правильно. Выполнила всё не по писанному, а по человеческому закону, по закону справедливости.

Целый день прождал толстяк в условленном месте своих сообщников. Матерясь на чём свет стоит, вернулся домой поздно вечером. Очень удивлён и напуган был он, когда через некоторое время узнал, что его приятели исчезли бесследно. Пропали вместе с лодкой, будто их и не было никогда на этом свете. Кто сумел убрать двух опытных вооружённых бандитов, и притом так мастерски, что никаких следов не осталось? Нехорошее предчувствие охватило толстяка, ведь немало народу они ограбили. Кто именно из жителей посёлка смог добраться до воров, а сам остался неизвестным?

Этот вопрос стал день и ночь мучить оставшегося в живых, один на один с неизвестным врагом, бандита. Не жил он уже дальше нормальной жизнью, а лишь ждал каждый день, что и его достанет невидимая, карающая рука мстителя. Такой жизни нельзя позавидовать. Немного прошло времени, и окончательно спился толстяк, пытаясь в водке и вине утопить свой постоянный страх.

...Уже почти в полной темноте вернулась жена егеря на кордон. Прошла к дочери в спальню. Та спала, ровно дыша. Марья, взяв в руку браконьерское оружие бандитов, предварительно накрыв его пиджаком верзилы, вышла из дома. Торопливо, не зажигая нигде огня и не включая фонаря, пошла к коптильне.

В первую очередь, раздвинув кусты и пройдя к открытой воде, бросила далеко в реку, почти на самую стремнину, деревянные вёсла. Перетащила всё ворованное обратно в помещение. Пустые мешки набила песком и снесла в лодку. Туда же кинула карабин. Сняла с себя тёплую куртку и положила на прибрежный песок. Сдвинула лодку в воду. Наклонила её одним боком. Лишь

когда лодка больше чем наполовину наполнилась водой, выровняла её. По самую грудь вошла затем женщина в холодную воду, подталкивая перед собой громоздкую деревянную посудину. Затем изо всей силы, на которую была способна, толкнула её на стремнину. Подхватило затопленное чуть ли не до бортов судёнышко течением и понесло вниз по реке.

Лодку, унесённую много километров быстрым течением вниз по реке, болтнуло на крутой излучине высокой волной. Черпнула она низко осевшим бортом воду, и лишь несколько грязных тряпок поплыло вниз по реке, от которых во все стороны разбежались разноцветные маслянистые разводья. Мешки с песком выполнили своё назначение. Навсегда исчезла свидетельница многих преступлений, унося с собой тайну, которую так никогда никто не смог разгадать.

Ох, уж эти слухи! Разные они бывают: плохие, хорошие, порочащие, лживые... А, какими только слухами не наполнилась округа после столь странного исчезновения двух мужчин из большого посёлка, разлэгшегося на берегу реки. О чём только не говорили досужие кумушки, собираясь у колодцев, почты, магазина, аптеки или больницы, по этому поводу. Какие только догадки не строил народ, а связать исчезновение двух здоровых мужиков с лесным кордоном, где в тот злосчастный день находились лишь женщина с ребёнком, никто и не подумал. Со временем слухи стали сворачивать в совершенно другое русло, получив новую тему. Обратили, наконец, умные люди внимание на то, что прекратилось воровство скота по всему району. Время берёт своё, и разговоры про странное исчезновение двух мужчин со временем отошли в прошлое, но все жители посёлка были убеждены в том, что они утонули в реке и кто-то очень помог им уйти на дно вместе с лодкой.

...Бегом пробежала Марья расстояние от коптильни до кордона, не чувствуя холода, несмотря на осеннюю прохладу и насквозь промокшее платье. Наскоро переодевшись, принялась шоркать веником-голиком некрашенные половые доски в кухне и коридоре, обильно поливая их водой. Весь пол блестел, словно вновь проструганный, а она всё не могла успокоиться.

Била её постоянная нервная дрожь, и для того, чтобы отвлечься от всего, что произошло на кордоне, она всю ночь напролёт прокопошилась по дому и ни разу не прилегла. О сне не могло быть и речи. Так до самого утра и пробыла на ногах, лишь время от времени заходя в спальню проверить – спит ли Дарёнка.

Уже светлым утром жена егеря, еле переставляющая ноги от усталости и нервного перенапряжения, прилегла, не раздеваясь, к дочери на постель. Недолго пришлось бедной женщине отдыхать. Забила руками и ногами дочь по постели. Зашлась в громком крике, перешедшем затем в судорожные всхлипывания. Огромными, полными слёз глазами уставилась спросонья девочка на мать с выражением немого вопроса на лице: «Что это было – сон или явь?»

Марья, крепко прижав Дарёнку к себе, тихо, словно нащёптывая молитву, проговорила дочери на ухо: «Тебе всё приснилось. Это был плохой сон. Бог наказал нехороших людей и отправил их в ад. Они уже никогда никому не смогут сделать ничего плохого».

**А во двор лесного кордона уже входил новый день.
День прекрасной осенней поры – бабьего лета!**

Раздел

Водители подали автобусы к главному подъезду одного из самых престижных университетов столицы в точно назначенное время. Огромная толпа студентов атаковала салоны автобусов, словно вражеские окопы. Мест на сидениях, конечно, не хватило и все, кому не досталось мягкое удобное креслице, устраивались, кто как может. В ход пошли вещмешки, тюки с одеждой, а многие уселись прямо на пол.

В армии у солдат существует неписаное правило: «Не торопись выполнять приказ, следом поступит команда – “Отставить”».

Большому начальству не понравилось самоволие студентов. Поступила команда освободить автобусные салоны и построиться на линейку с вещами. Последующая загрузка происходила уже под наблюдением всемогущих чиновников. Всё пошло организовано. По порядку, группа за группой усаживались студенты в нагретые палящим солнцем салоны. От внимательных глаз водителей не укрылась одна деталь – иные салоны набивались студентами, словно бочки селёдкой и только несколько последних автобусов были загружены лишь по сиденьям. Поворчали шофера для порядка, мол, почему неравномерно загружают все автобусы. Ведь намного тяжелее вести перегруженный автобус, чем полупустой.

Кто же из власть имущих прислушивается к голосу простого рабочего человека или обыкновенного студента. При отправке на сельскохозяйственные работы присутствовало не только университетское руководство. Участвовали в этом «торжестве» также областные, районные и даже совхозные и колхозные руководители. Были это, как правило, представители партийных органов.

Эти чиновники очень хорошо знали, к каким, пусть даже и не слышным, голосам нужно внимательно прислушиваться и именно поэтому студенты были уже при посадке разделены на разные группы.

Общая студенческая толпа со стороны выглядела однородной. Простенькие штанишки. Выношенные спортивные костюмы. Кофточки и рубашки с короткими рукавами. Лишь изредка попадались студенты, на которых сидели, словно влитые, входящие в моду джинсы и рубашки-батники на кнопках.

Удивились водители, когда почти все носители этого кнопочного голубовато-синеватого новшества важно расселись по сиденьям, стоящих в самом хвосте, автобусов. Обладатели джинсов, конечно, не знали, что эти грубые хлопчатобумажные штаны уже много лет служат во всём мире, как рабочая спецовка. Голубые штаны стали для их обладателей своего рода знаком престижности, знаком превосходства над общей толпой. За джинсы и батники, не ими конечно, а их родителями были уплачены такие суммы, что на них можно было бы приобрести пару добротных костюмов с брюками в придачу.

Кто мог себе позволить в те годы такую покупку? Простой рабочий человек? Рядовой инженер? На эти вопросы ответ дать непросто, а если и нашёлся бы такой человек, то уж больно крамольно было бы его откровение.

Не первый год выезжала студенческая братва на помощь труженикам села при уборке урожая. Основная масса знала, что ждёт их в отдалённых районах. Большой удачей было для студентов, если они попадали на сбор яблок, винограда или на худой случай на сбор овощей.

Совсем не так было при ломке табака. Выходили ребята и девчата после этой адской работы с табачных плантаций, измазанные до неузнаваемости от самых

ушей до пяток липкой, противной, клейкой массой. Их лица при этом были похожи на жёлтые восковые маски. Многие из молодых людей, после невыносимо тяжёлого рабочего дня, бессильно опускались где-нибудь на краю поля на землю. У иных уже не хватало сил добраться до дороги и приходилось водителям бригадных дежурных грузовиков.

сбирать их, пьяных от ядовитых табачных испарений, по полянкам и подвозить к автобусам.

Кто попадал, как правило, в эти, так называемые штрафные бригады, загоняемые в удушающий ад табачного леса? Сколько зарабатывали студенты за день каторжного труда?

Вопросы праздные. В основном это были первокурсники и, конечно, те у которых не было могущественных покровителей.

Средний дневной заработок, при выполнении нормы, составлял всего около трёх рублей. Что оставалось бедному студенту после вычета суммы за питание? Ответ прост – почти ничего. Можно ли было рядовому студенту при таком раскладе приобрести новомодную вещь? Вопрос уже сам по себе смешон, если не сказать, что является прямым издевательством.

Вся колонна автобусов свернула с асфальтированного большака на простую грунтовку. Всего несколько автобусов проследовало дальше на центральную усадьбу хозяйства. Пропылила, растянувшаяся из-за пыльного шлейфа, колонна ещё несколько километров и, наконец, въехала на территорию летнего лагеря овощеводов и табаководов. Весь лагерь состоял из нескольких больших зданий барачного типа. Знакомая картина. Удобства и умывальники во дворе, а баня один раз в неделю за много десятков километров от временного спартанского жилья. Привычная для всех обстановка. Один барак для девчат, а другой - для ребят. По жребию разыгрывались кровати, стоящие в два яруса. На следующий день поехали студенты по полям и плантациям, и даже песни при этом пела неунывающая молодёжь.

Как обстояло дело у студентов, ехавших с комфортом в полупустых автобусах, которых завезли в более благоустроенные общежития на центральной усадьбе? Их, на следующий день, как привилегированный класс увезли в ближайший сад. Здесь будущие «руководители народным хозяйством» устроили чудный спектакль, над которым задумались не только водители автобусов, но и многие рабочие, присутствовавшие при этом.

Бригадир садоводов собрал перед работой элитную группу на бригадном стане. Коротко объяснил задание. В завершение сказал, что при выполненной норме будет ежедневно выплачивать каждому, сверх официально начисленного заработка, ещё по три рубля наличными. Не был этот человек достаточно проинформирован. Слишком маленький пост в иерархической лестнице, наверно, занимал он, и вышестоящие начальники даже не посчитали нужным, вводить его в курс дела.

Лишь ухмыльнулись шустрые ребята в ответ на призывную речь. Один из самых бойких сделал бригадиру встречное предложение. При условии, что студентов будут оставлять на целый день в покое и записывать на их счёт выполненную норму, они сами будут каждый вечер платить бригадиру по пять рублей наличными.

Бригадир не был глупым человеком. Опыт по работе с самым различным контингентом имел немалый. С полуслова понял он, с кем имеет дело.

Мгновенно был заключен устный договор между будущими «главными специалистами» и ушлым бригадиром. Без лишних помех могли теперь девушки и парни, готовящиеся стать «большими людьми», отдыхать до упаду в

саду и лакомиться при этом дармовыми фруктами, выращенных не их руками. На деньги, которые они регулярно вручали своему надсмотрщику, тот нанимал шабашников, не забывая при этом и себя. Таким оригинальным способом были решены все проблемы состоятельных студентов, бригадира и шабашников. В накладе никто не остался. Все были довольны таким «справедливым» распределением права на отдых и труд.

«Вожди-гении»

«История повторяется».
Это изречение известно всем,
но, к сожалению,
не все учатся на примерах истории.

Кочевники – народ странный. Внимательно выслушивают всех, присматриваются ко всему, а живут по своим, никому из непосвящённых не понятным законам. В одном из кочевых народов почти одновременно появилось несколько гениев. Для ясности будем называть их «новыми» гениями. Ничего необычного в этом явлении нет. Гении появлялись и сотни, и тысячи лет назад, правда, этот природный феномен, как ни стараются учёные, до сих пор ещё не разгадан. Вдруг, неизвестно откуда, как джин из бутылки, появляются личности, обладающие талантом, – умением убеждать людей. Их идеи доходят иногда до абсурда, а народ, и не только кочевой, верит им и идёт в огонь и воду за своими избранниками-вождями, порой и против собственных братьев по крови, притом не только словом, но, к сожалению, очень часто и делом.

При рождении новым гениям дали обыкновенные, скучные имена, поэтому они, после того как поняли, что являются выдающимися персонами, выбрали себе подходящие псевдонимы. Для примера назовём несколько из них:

Первый новый гений, который был на пару годков старше остальных, взял себе кличку «Рехеб-Мягкий». Звучало неплохо, а главное – таинственно, непонятно для простого кочевника.

Второй новый гений выбрал себе кличку – «Ступор-Грозный». Звучало мрачновато, имело отпугивающий оттенок. Не подумал, наверное, гениальный человек о том, что в его кочевом народе есть и читающие люди. Грозный Иван Васильевич был известен не только в своё время крутым, необузданным характером. Во многих литературных произведениях можно прочесть о его посохе, которым он умел пользоваться. Лучше бы новоявленный гений выбрал себе псевдоним поскромнее, например - «Туор-Речистый». Слово понятное, и, притом, звучное. А, возможно, гений знал, что делал, когда выбирал себе кличку. Ведь закон кнута и пряника известен уже давно и, может быть, именно по этому принципу решил забраться на вершину власти дальновидный человек.

Третий новый гений взял себе кличку «Фред-Мудрый»

Четвёртый – «Шенбер-Учёный»

И т.д. (всех перечислять – не хватит бумаги, да и нет нужды)

Мягкий – уговаривал, увещевал своих соплеменников.

Грозный – пугал, грозил. Громогласно бил в невидимый щит, не посохом, как его тёзка по прозвищу, а пером-палицей, нагоняя на свой и чужой народ страх и злобу и даже, когда закончилась, за ненадобностью, свара в верхних говорливых эшелонах болтунов, он не перестал буйствовать.

Мудрый – подводил под любую ересь, придуманную новыми гениями научную основу. Иной раз одна гипотеза противоречила другой, но на такие мелочи гениальный человек не обращал внимания.

Учёный – занят, по настоящее время, общественно-полезным делом, он всё ещё строчит протоколы-мемуары, перекраивая историю на правильный (с его точки зрения) лад.

Кочевники всегда идут непроторенными путями. Для непосвящённых, может быть не для всех, это звучит парадоксально, но у кочевого народа всегда есть

первопроходцы. Им достаётся больше всех испытаний и страданий. Они попадают в волчьи ямы, им приходится взбираться на вершины. Их жжёт солнце, и бьёт ливень и град. В подавляющем большинстве эти люди душой болеют за свой народ, но, к сожалению, попадают среди первопроходцев и проходимцы, и плуты, и даже любители больших портфелей, власти. Последние – особенно страшны своим соплеменникам. Для таких ничего святого нет. Кочевой народ, как известно, не имеет постоянного места жительства. Бывает даже так, что кочевники переходят из одного государства в другое, и, притом, не всегда по своей воле. Нужны такому народу, ох как нужны, просто необходимы светлые головы.

Два гения в одной упряжке – это здорово, а много – это прекрасно!

Кочевой народ повалил за новыми гениями валом, благо, новые вожди свои ведь люди, такие же кочевники.

Сто человек – это сила! А тысячи? А миллионы? Этой силе противостоять непросто. Любую баррикаду, пусть и политическую, можно пробить такой силой, но только в том случае, если все тянут в одну сторону.

Баснописец Крылов знал толк в жизни. Его басни будут жить ещё много лет, но вот беда – не учились и не учатся у уважаемого Ивана Андреевича ни политики, ни гении.

Выходцы из кочевого народа, новые гении, тоже не оглянулись назад. В тот момент, когда соплеменники в поисках лучшей жизни, и поверив своим, повалили за ними валом, у них наступил момент отрезвления, а, может быть наоборот, момент опьянения властью, и пошло, неожиданно для всех, начатое большое и нужное дело наперекос.

В разные стороны потянули идеологические гении, а их многочисленные приспешники вообще, как балласт, повисли не только на колёсах, но и на оглоблях и даже на вожжах набирающей скорость исторической повозки. Бедный кочевой народ, с разгона, как на стену, стал напирать на своих предводителей. Силу инерции просто так проигнорировать нельзя. Идеологов смяло, сокрушило, отодвинуло в сторону. К чести кочевников нужно сказать – они никогда, как туго бы им не приходилось, не пролили ни капли чужой крови, несмотря на то, что их самих не щадили никогда. И на этот раз кочевники не изменили своим правилам, обманщикам даже не были попорчены красиво взбитые причёски. С огромным удивлением, точнее с нескрываемым ужасом, смотрели новые гении-вожди вслед своим многочисленным соплеменникам, когда те, поддерживая, а иногда и, подхлестывая один другого, понеслись теперь не на восток, юг или север, а на запад.

Привык кочевой народ ко всякому: били его враги, предавали друзья, использовали, словно рабов, злые власти и соседи, но, чтобы свои же соплеменники превратили их в наковальню и молот для выковывания личной карьеры, – такое испытать пришлось впервые.

Как уже выше было сказано – кочевники выслушивают всех, а поступают по-своему. Обожглись на этот раз об своих же выдвигенцев, но вовремя почувствовали опасность. В конечном счёте история повторилась не совсем точно. Народ, который пробыл на колёсах более двухсот лет, после предательства алчных, рвущихся к власти и славе людишек, решил ещё раз перекочевать, но теперь в обратном направлении, то есть на родину своих далёких предков, и несущиеся им вслед громкие лозунги новоиспечённых вождей уже не смогли их переубедить.

А что же случилось с нашими гениями?

Они рвут и мечут, изрыгая один псевдонаучный литературный опус за другим на страницы газет, журналов и книг, подсовывая их под нос читателю. Столько грязи, сколько вылилось на бумагу за последние пару десятков лет, не знала история кочевого народа за всю свою, более чем двухсотлетнюю, историю. И даже своих потомков не стыдятся бравые борзописцы. Стараются, отмывают неблагоприятные личные дела-делишки потоками лживых «воспоминаний», «мемуаров», «хроник» и т.д., и т.п. Не доходит до ретивых писак, что чем больше они выбрасывают словесного мусора на бумагу, тем грязнее выглядят сами.

Взявший разгон поезд остановить нелегко, здесь против законов физики не пойдёшь, нужны крепкие, надёжные тормоза для того, чтобы погасить энергию инерции.

Неужели то же самое происходит и с некоторыми, теперь уже отставными, новыми гениями? Неужели у них не срабатывают тормоза? Неужели их покинул здравый человеческий рассудок, и они не могут остановиться и трезвыми глазами взглянуть на окружающий их мир? Неужели им набор политических пунктов всё ещё дороже своего собственного народа?

Парочка гениев-кочевников и с ними, как прицепные вагоны без тормозов, немалое число приспешников ринулись, правда, с опозданием, вслед за своим народом, дабы промыть мозги непослушным. Они пытаются вырастить на тучных западных хлебах теперь других новых гениев, потому что старым даже оптимисты, алкоголики, паразиты и бездельники уже не доверяют. Приспешники надеются собрать под свои флаги побольше народу, а то, что каждый здравомыслящий человек, в первую очередь, смотрит не только на цвет вновь поднятого знамени, но вникает, после обмана-предательства, и в смысл громких обещаний-речей, им понять, пока, не дано.

Новые «ВОЖДИ-ГЕНИИ»

Парагвайская финансовая пирамида, связывающая два континента Европу и Америку, известна всем российским немцам и знают её под названием «афера ПАР-НОЙ». Зачинщиков этой аферы привлекли к уголовной ответственности, но, конечно, пострадавшим деньги не вернули. Обходиться с деньгами российские немцы умели всегда по простой причине – много денег у них не было никогда, и доставались они им трудом и потом, а не красивыми речами или ползанием на коленках перед властью имущими господами. Очень больно сказались на тружениках-аусзидлерах потеря денег, отобранных у них «спецами-финансистами», но пережили российские немцы и эту «стрижку», организованную своими же людьми.

Только узкому кругу лиц известна новая финансовая операция МЕН, тесно связывающая два континента – Европу и Азию. В этой афере «гении-спецы» стригут купоны размерами не на сотни или тысячи Евро. Нет! Они работают теперь с миллионами. Научились шустрые ребята «переваривать» не только частные пожертвования, но и управлять огромными суммами денег, выделяемых государствами на общественные нужды, а их лидеры, всегда в костюмчиках и при галстуках, в сопровождении секретарш и секретарей, перескакивая с одной трибуны на другую, трубят на весь мир: «Мы выполняем ВЕЛИКУЮ МИССИЮ, возложенную на нас нашим народом».

На самом же деле у МЕНОв готов тайный план «Б»: «если РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ неактивны – мы их организованно загоним в какой-нибудь СОЮЗ или что-то подобное, подтолкнём и направим в нужное нам направление».

Наши современные гении-спецы МЕНы стали работать намного изощрённее, чем основатели «ПАР-НОЙ». Они подключили к своей игре не одних лишь финансовых специалистов, но и большую политику, а в этой области нужен другой, инновационный, по-научному организованный подход к делу (чему они успешно учатся у своих идеологических наставников). И пошла, поехала афера по новым рельсам, но со старой, как мир, целью «Деньги решают всё».

Всё же интересно устроен мир! Находятся несколько гениев, и, пожалуйста, деньги из двух государственных касс (основная сумма, более 9 миллионов Евро ежегодно, собирается с германских налогоплательщиков) бурным ручьём бегут-текут неизвестно куда, но под громкими лозунгами: В помощь рос. немцам... трудармейцам... тем... для того... и т.д. и т.п.

И снова, как всегда, идёт «ВЕЛИКИЙ РАЗДРАЙ», который сотрясает верхушку кочевого народа уже не один десяток лет. Бьют посредством доступных им СМИ две конкурирующие партии (рвущиеся к власти и деньгам) друг друга так, что не только «гай шумит», а даже всемогущий, всем доступный ИНТЕРНЕТ содрогается в конвульсиях от перегрузки.

Оплачиваются, к сожалению, эти свары не из личного кармана «драчунов».

Невдомёк им, духовно обиженным, что при этом кто-то третий, за их спинами, радуется бескомпромиссной войне-грызне между соплеменниками.

Перед новыми финансово-политическими «гениями-спецами» нужно снимать шляпу и кричать ура. Молодцы ребята! Провернуть такую сложную финансовую аферу, не каждому смертному дано. А что «гении-спецы» делят денежные потоки на многочисленные ручейки, или гонят их по маленьким трубочкам в различные хранилища – что с этого. Себя, любимых, тоже обижать нельзя.

Старым лисам-функционерам общественного движения российских немцев придётся всё же прогнуться под новых «гениев-спецов», тогда, может быть, им тоже перепадут крошки с богато накрытого «стола». Финансируется «стол» (можно назвать эти денежные потоки «фондами», «проектами» и т.д.) за счёт налогоплательщиков Германии и России. Приглашения-разрешения, для пользования услугами этой многомиллионной «скатерти-самобранки», раздают теперь предприимчивые МЕНы только своим послушным вассалам и тем, кто их активно лоббирует.

Олигархи (притча)

Восток – дело тонкое! Что Запад, что Восток – какая разница? Ну, не скажите, разница в управлении, в руководстве стадом, с которого кормишься. В Азии Олигархи забивают свою жертву весом и рыком, а добивают при помощи клыков. На Западе, куда ирония судьбы выбросила большую часть Олигархов, они эту же операцию не имеют права проводить на старый лад. Здесь требуется жертву сначала аккуратно ударить по голове и лишь затем приступить к трапезе, правда, закон при этом не запрещает вслух помурлыкать от удовольствия. Демократически подстроившиеся Олигархи вошли во вкус: благо стадных хватает с избытком. На Западе живут кучнее, а значит бегать за кормом далеко не надо. Со временем обленились пастыри-пастухи и уже сами за стадом следить не стали, на это у них появились разномастные кусачие помощники «Тикоты» (прозвище они придумали себе сами). Вы только не подумайте, что тикоты, словно беззубые котята. Как бы ни так. Зубы у малышей есть, и в ход они их пускают без промедления, но только с позволения сверху.

Каким стало общее управление стадом на Западе?

Это, как посмотреть, сверху или снизу. Если сверху смотреть, то правильное, если снизу, то тоже правильное, но с оговорками.

Взгляд сверху:

Порядок должен быть во всём, но попробуй удержать его в разношёрстном стаде. А если в стаде есть ещё и колированные особи, то без проблем не проходит ни один день. Колированные особи особенно проблематичны тем, что невозможно определить к какому классу их определить. К Олигархам их отнести без длительных, серьёзных экзаменов-испытаний ни в коем случае нельзя, вдруг в них слишком много чужой, то есть дикой крови. Вырвутся такие дикари, которые правильно рычать то не умеют, на олимп, а потом? Как с ними, попробовавшими власти, тогда справиться? Сбросить вниз, на корм или подстилку тоже нельзя, пусть и незаконнорождённые, но всё же и своя кровь в них имеется.

Засмеют ведь нижестоящие подданные, мол, своими кровными отпрысками разбрасываетесь. Не слишком ли? Поосторожнее бы вам надо. Можем и к себе переманить ваших потомков, а потом? Не страшно вам? А вдруг мы при такой поддержке и вам острые зубы да длинные рога и большие копыта показывать начнём?

«Нет, своей кровью разбрасываться нам не резон», – решили Олигархи. Нужно искать выход. В крови же дикарей кроется немалая бунтарская опасность. Невозможно, глядя сверху на стадо, определить, какая особь имеет больше олигарховой, а какая – больше чужой крови. На многих совещаниях, крикливо-рычащих собраниях и всевозможных сборищах, которые начались ещё до переселения с Востока, Олигархи к единому результату так и не пришли. Нашли всё же компромисс. Решили считать тикотами, а не Олигархами те особи, которые могут громогласно реветь. Пусть плохо ревут бастарды, с подвыванием, похожим на шакалий лай, но всё же лучше, чем ничего. Ряды властелинов то редуют не по годам, а по месяцам. Старые уходят в мир иной, а на Западе размножение затормаживается тем, что больно жирными и ленивыми стали производители.

Ещё один очень далеко бьющий пункт вставили в новое законоуложение Олигархи-Метры: тикоты могут называться Младшими Олигархами, но при условии, что они наберут необходимое число пунктов.

Как можно этого достичь?

Выслугой лет и количеством добычи, доставленной на стол Олигархам-Метрам.

Именно последний пункт оказался наилучшим. Кто из тикотов желает стать пусть и маленьким, но властителем? Конечно, каждый!

Порядок в стаде поддерживался идеальный, а что в ходе дела в зубы тикотов попадали порой и особи с таким же процентным содержанием крови, как у них самих, Олигархов-Метров не интересовало. Бастардов в стаде хватает с избытком, а значит и беспокоиться не о чём. Что каннибализм может со временем привести к тяжёлым последствиям, больших хищников не интересовало. Все жили по девизу: «Бери от жизни всё, а если можешь, то ещё больше!»

Сверху видно много. Острый взгляд опытного Олигарха-Метра подмечает даже то, что не видно не только простому стадному, но даже ближайшим помощникам властелинов. Видят они, как некоторые особи, со сладостным томлением, поглядывая наверх, прямо-таки на пальчиках бегают-парят для того, чтобы обратить на себя внимание. Знак сверху – и у ног властелина – новая жертва. И нет разницы, какого она пола, цвета, возраста и т.д. Служить она готова всегда и чем угодно. И, пожалуйста, новое поколение тикотов обеспечено.

Олигархи-Метры довольны: Пицца есть. Удовольствий предостаточно. Помощники ретивые. Стадо послушно и под надёжной охраной.

Вывод сверху: Жизнь прекрасна!

Взгляд снизу:

Хорошо жить в стаде. Вокруг все свои. Особенно хорошо, если ты в самой середине. С каждой стороны чувствуешь тёплый бок соседа, а значит бич или клык тебя не достанет. Правда, прежде, на Востоке, было вольнее, можно было опасность заметить издали и спастись бегством. Простор кругом, гуляй – не хочу, но травка была жёстковатая. Застревала в горле, и прожёвывать её приходилось не единожды. На Западе пастбища намного тучнее. Кормов – хоть объешься. Беда – мучает большой выбор, а от непривычной пищи, то несварение, а то кое-что и похуже, но с этим приходится мириться, как с неизбежным злом. После сухой мякоти и отрубей брызжущее соком разнотравье кажется лакомством. Одним лакомством, как известно, питаться всё время надоедает, но не возвращаться же добровольно назад на солому и полову.

Спать тоже хорошо в середине стада или в своей клетке. С собственной клеткой – проблема. Её нужно заслужить, а значит нужно идти в услужение. Для этого необходим особенный склад характера: рот на замке, мысли при себе (а лучше всего их вообще не иметь), подобострастно смотреть наверх, не попадаться на зубы подпаскам. Большинство стадных, по природе своей имеют довольно покладистый характер и мирно соседствуют не только с Главными Пастухами, но и с пастушатами. В общем, жизнь нормальная, как везде.

Жаль, что в стаде есть особи, живущие не как все. Стадо-то на Западе стало уж больно разношёрстным, неоднородным. Даже среди Олигархов всё чаще появляются полукровки, то есть со смешанным составом крови, а о простых

стадных что уж говорить. Здесь со временем смешались между собой особи всех мыслимых кровей, и поют эти колированные на все голоса. Открытое кровопускание на Западе запрещено законом, а по голосу в стаде невозможно определить сольного певца. В гуще стада никто не рычит и не ревет слишком громко. Все стараются подстроиться под общий фон, чтобы не обращать на себя слишком много внимания и выявить прячущегося двухголосого или многоголосого билингва среди мычащих и бляющих не так-то просто. С билингвами ещё можно жить – эти особи поют только на двух языках, а как быть с дрилингвами и мультилингвами. Это такие полиглоты, что могут подстроиться под любой язык и расшифровать их по голосу практически невозможно, а по шкуре в разноцветном стаде и подавно нельзя определить их родословную. Сотворят такие спецы любую арию на любом языке, и попробуй отличить их от чистокровных стадных.

И зачем только природа допускает отклонения от нормы? Без этих странных беспокойных особей, то есть колированных, было бы намного спокойнее. С высоко поднятой головой, на которой подчас и рогов то не видно, несутся такие безумцы неизвестно куда, а бича получают не только они, но и послушные стадные. Хорошо ещё если только бича, а то и на жаркое вылавливают в горячке невинных, побежавших вслед за ненормальными. Куда мчатся они, задрав хвост выше головы? Чего им надо? Какой их овод кусает? Неужели нельзя в луже поваляться и таким образом избавиться от чесотки и подкожных возбудителей. И зачем кидаться на пастухов и подпасков? Им же тоже жить надо, а без порядка в стаде вообще жить невозможно. Вы только представьте себе, что каждый телок или тёлочка возомнит себя быком-производителем или плодовитой коровой, или, не дай бог, Пастухом.

Это куда же, в конце концов, стадо забредёт? То-то, порядок должен быть!

Вывод снизу: Жизнь хороша и жить хорошо! Было бы ещё лучше, если бы поменьше было смутянов.

Вывод общий: Комментарии излишни!

САЛО & ПАРТНЁРЫ

(быль про Всероссийский- Всегерманский- Всемирный и пр. СОЮЗ АССОЦИАЦИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ)

Руководители из САЛО & ПАРТНЁРЫ (не связывать с государством, где слово сало пишется с большой буквы) празднуют непрерывную череду юбилеев. Какие? А какая разница, главное есть причина «засветиться» в СМИ и немалые средства имеются для фуршетов и других культурно-массовых мероприятий.

Главный секрет СОЮЗА законспирирован в красивом, звучно-смачном названии САЛО & ПАРТНЁРЫ. «Сало» – это звучит не только гордо, но и многообещающе. Под этим названием можно подразумевать что угодно. Интригует оно, поэтому в Интернете на него «клюют» не только сотни, тысячи, миллионы простаков, но даже немало знатоков этого нового средства массовой информации (СМИ). Ведь когда нормальный смертный человек закусывает стопочку «беленькой» пластинкой сала – душа радуется. А чего хотят хозяева-организаторы САЛО & ПАРТНЁРЫ? Вот то-то! Они желают, чтобы купленные подачками культуртрегеры-литераторы своими «трудами» радовали читателей, а точнее, внушали им то, что нужно настоящим хозяевам-кукловодам. Вот, пожалуйста, таким образом, при помощи громкого названия уже проложены невидимые колеи к *зомбированию*, то есть всемирному *возрадованию*.

Пришедшие в литературе к власти петики, яшики, гошики и анушки (они не взяты из анекдотов про Чапаева, а существуют в действительности), позолоченные и нет, награждённые и нет, маститые и нет и т.д., и т.п. своё дело знают на ять. И это хорошо так, а иначе как прокормиться в этом мире, где в настоящее время развелось больше пишущих «авторитетов», чем читающих людей. Да, видно, и учителя-наставники у послушных дельцов-литераторов неплохие. Кем они финансируются? На этот нескромный вопрос, к сожалению, управленцы СОЮЗА в своих многочисленных интервью вразумительного ответа не дают, а непосвящённым участникам «сабантуев» все эти мелочи и подавно *по-ветру*.

Чапаевцем быть – было просто: Слушай приказ. Руби всех подряд на кого указал командир. Коси из пулемёта всех, кто на тебя прёт, и ты победишь!

Анушкам, петикам, яшикам, гошикам и другим руководителям из САЛО & ПАРТНЁРЫ в нынешнее время приходится туго. Тут, чтобы выжить, нужно не только гнуться и выгибаться, а пресмыкаться. Иначе – крышка! Не гробовая, конечно, а финансовая. Попробуй-ка, встань во весь рост (не в прямом смысле, а в переносном) и при этом ещё рот открой или перу волю дай, чтобы личное мнение высказать! Ой... оооёёйй...!!! Никто не позавидует, и карьере в один миг капец может придти. Да и прошлое придавит непросто, а вполне осязаемо:

Во-первых – это же скольких коллег по перу пришлось перепрыгнуть, обмануть, «убедить» и т.д. чтобы добраться до вождельных «портфелей»? А чего это стоило?

Во-вторых – с каких шишей оплачивать расходы на запланированное «золото», серебро» и другую мишуру для премирования послушных «избранных», если настоящие хозяева перекроют финансовую «дыхалку»?

Деньги?! Ага, они самые! Откуда они берутся? Ведь, как говорится, «задаром и чирей на попку не сядет». А здесь? Интернет пестрит от сообщений, что руководители из САЛО & ПАРТНЁРЫ непрерывно путешествуют по

России, Германии, Средней Азии и дальше. И не поодиночке, а в составе делегаций, в сопровождении адъютантов, носильщиков и т.д. Кто же у нас такой щедрый? Неужели действительно ещё есть на свете люди или государства, которые бескорыстно жертвуют на литературу немалые суммы, не требуя при этом никаких услуг?

Камча

Кончик камчи, утяжелённый свинцовой жилой, вспорол лоб Ермата. Кровь залила глаз.

– Камча?!

Саира, сделав осторожный шаг назад, криво улыбнулась в ответ на невольный возглас.

Саира и Ермат выросли по соседству. Он – в семье пастуха. Она – в семье деревенского учителя. С первого класса сидели за одной партой. Саира была быстрее Ермата на лыжах, в решении задач, и лучше даже в шахматах. Только в седле и умением владеть кнутом она не могла с ним тягаться.

Летом, во время каникул, они расставались. Мальчишка должен был помогать отцу пасти скот, а девчущку возили по дальним именитым родственникам в большие города.

Село, раскинувшееся в степи большим пёстрым ковром, было прежде небольшим аулом. Много известных государственных чиновников родилось здесь. Кого только не было в списках, составленных отцом Саиры, учителем Абдыкарымом. Он завёл подробную картотеку на каждого старожила аула. Своих предков мог поименно перечислить на семь и больше поколений назад. Одно имя отметил особым знаком. Упомянув его, краевед-любитель говорил:

– Этот взлетит. Он из знатного рода. Я его знаю с малолетства. Честолюбия ему не занимать, а энергии тем более. Он ещё в школе был активнее всех своих сверстников. В задних рядах никогда не стоял и не стеснялся отеснить стоящего перед ним не только плечом, но и коленом. Он лидер от природы и умеет подчинить своей воле.

Именно он, активный партработник, сумевший пробраться в номенклатурные структуры, сыграет в судьбе Саиры очень важную роль.

Родители Ермата свою родословную не знали. Оба выросли в детдомах. Сложные «тридцатые-сороковые» годы унесли немало невинных жертв, в числе которых оказались и их предки. Прервалась на выпавшем из истории поколении связь с прошлым, не было у родителей возможности сослаться на древность и знатность рода. Пастушка все эти мелочи не интересовали – какое ему дело до того, был ли его дед баем, воином или пастухом. Разве в жизни это важно? Главное – окончить школу с хорошими оценками и поступить в столичный вуз. Он хотел получить специальность археолога и углубиться в историю на много веков назад, а не на несколько десятилетий. Но насчёт соседки у него были свои мечты-планы, которыми даже с ближайшим другом Ахметом не делился. Она будет с ним всегда – и баста, не зря же смотрит на него такими обжигающими глазами...

Летний день – длинный. У пастуха, если в стаде всё в порядке, времени много. Ермат, в свободное время, плёл кнуты. Этому ремеслу он научился у совхозного табунщика, пасшего по соседству лошадей. Тот был непревзойдённым мастером своего дела. Его изделия славились долговечностью и красотой отделки у всех табунщиков, пастухов и подпасков в округе.

Плести кнуты – это искусство. Их можно плести из бечёвок, коры ракиты и даже из конского волоса, но мальчишка предпочитал надёжный и испытанный многими веками материал – ремни, вырезанные из хорошо выделанной кожи.

Действительно хорошо, филигранно нарезать ремни Ермат так и не научился. Выручал друг-табунщик. Ремни, которые тот привозил в своей седельной сумке, нельзя было отличить один от другого. От начала до конца одинаковой ширины и толщины. Работать с ними было одно удовольствие.

Многим секретам плетения обучил мастер своего ученика. Показал, как правильно сшить два ремешка так, чтобы это было незаметно даже опытному человеку. Обучил плести кнут с двух концов, что само по себе уже было сложнее сложного.

– Ты не только глазами, а больше пальцами должен чувствовать насколько туго затягиваешь узлы. Перетянешь – кнут станет «деревянным», не дотянешь – будет расхлябанным, словно из резины сделан.

Учитель редко хвалил своего ученика. Часто его критика доводила терпеливого мальчишку до того, что он распускал уже почти полностью готовое изделие до начальной захлётки, предназначенной для того, чтобы основное туловище кнута крепить к кнутовищу. С годами подпасок научился плести кнуты восьмигранные, шестигранные, квадратные, круглые, а также цельные и состоящие их двух и более колен.

Плести кнут – это одно дело, а пользоваться им – совершенно другое. В умении обращаться с кнутом, являющимся орудием труда и оружием одновременно, ученик превзошёл своего учителя. Своим инструментом владел в совершенстве, и, притом, обеими руками одинаково. На расстоянии трёх метров мальчишка мог срезать головку цветка, словно косой. Он умел лёгким прикосновением к хвосту, подогнать корову к стаду, но мог и срезать, словно бритвой, кончик уха слишком ретивого животного.

В последние школьные каникулы Саира, всё чаще, вопреки воле родителей, посещала своего друга на пастбище. Распугивая птиц и животных рёвом своего мотороллера, она, лихо лавируя между скользкими коровьими «лепёшками» и кочками, гнала своего «скакуна» к стаду, разбредшемуся по степи. Последняя встреча состоялась после сдачи государственных экзаменов.

– Опять спишь? – и весёлая, во всё лицо, насмешливая улыбка.

– Мне спать по долгу службы не положено, а ты опять моих бурёнышек своим кошкодавным чудищем распугала.

Сели рядом. Говорила она, а он, глядя на неё, лишь молчаливо улыбался. Она доверила ему семейные тайны. Рассказала о том, какие у родителей планы насчёт её будущего. Не оказалось в них места для подпаска и сына пастуха.

Он пошутил:

– Придётся мне тебя украсть.

– Украти! Прямо сейчас, а то поздно будет.

Ермат, не сообразив насколько серьёзно Саира высказала своё самое сокровенное желание, вопросительно посмотрел на неё.

Испугавшись собственных слов, она потребовала:

– Давай кнут, пойду упражняться. Не я буду, если не побью тебя со временем в мастерстве.

– Уши себе не обрежь и глаза нам не выбей. Я только что новый наконечник из конского волоса прицепил. Осторожней, кнут на полметра длиннее теперь.

Не думал Ермат, что его слова окажутся пророческими.

Наигравшись, Саира устало присела к своему другу на услужливо брошенный им на траву плащ. Доверчиво прижалась к его плечу. Он неумело обнял её за талию. Надолго замолкли. Жаворонки, словно соревнуясь перед влюблёнными, на все голоса разливали над степью свои нескончаемые трели.

– Ну почему нам бы не превратиться в птиц и не улететь навечно в другой мир? Ты не боишься будущего? Мне страшно. Я не могу сказать, почему, но знаю, чувствую, что нас разлучат.

– С чего ты взяла? Кто может стать у нас на пути, если мы этого не хотим?

– Глупый, ты не знаешь настоящего. В городе действуют другие законы. Там ты со своим кнутом будешь выглядеть смешным и жалким.

Парень обидчиво посмотрел на свою любимую:

– Я что, всю жизнь собираюсь прошагать с кожаным другом на плече? Мои документы уже в институте. Придёт приглашение – и мы с тобой махнём в город. Ты на свой желанный юридический, а я на «землероя». Хочешь, я в память о моём пастушестве сплету тебе камчу.

Она, теснее, словно отдаваясь в последний раз во власть любимого, всем телом прижавшись к нему, сказала:

– Сплети. Я тебя этой плёткой «воспитывать» стану, если будешь заглядываться на других девушек.

– У меня других не будет. Ты моя единственная. Навек.

Застеснявшись своих слов, добавил:

– Я уже давно сплёл, да подарить всё случая не было.

Парень приподнял край плаща, и Саира увидела плетённую из тоненьких кожаных нитей камчу с красиво орнаментированной рукоятью.

– Ты с этой игрушкой поосторожнее будь. Это не простой пастуший кнут, а серьёзное оружие. Я во вторую половину вплёл трёхмиллиметровую жилу из отожженного свинца. Жилу снаружи не видно. На гибкости камчи она не отражается, зато весу добавляет. Наши аксакалы от зависти умрут, когда увидят у тебя эту вещь.

Девушка взяла подарок в руку. Вскочила. Сделала шаг в сторону и не успел парень вскрикнуть, как она стеганула по краю большого двойного сиденья мотороллера. Искусственная кожа раздалась так, будто по ней провели лезвием бритвы.

– Ого! – Саира с уважением подхватила конец камчи второй рукой.

– Я тебе говорил, чтобы ты была осторожней...

– Чудак! Мне же надо знать, что я держу в руках. Пока. Вечером увидимся в клубе на танцах.

Девушка, приветливо махнув рукой и сунув подарок под себя на вспоротое сиденье своего железного коня, уехала.

Вечером встреча не состоялась. Саиру родители в тот же день увезли в столицу. Каким методом или способом они смогли повлиять на дочь, Ермат так никогда и не узнал. Знакомые сообщили о её поспешном замужестве. Её супругом стал мужчина, отмеченный сельским учителем особым знаком. Он действительно взлетел высоко, став большим чиновником в столице республики. По своей ли воле вышла замуж аульская девушка или по принуждению – осталось для односельчан тайной за семью печатями.

Ермату поступить в институт не удалось. Ахметка, сосед и друг детства, уговорил подать документы в милицейскую школу. Одел форму. После окончания школы попал в один из северных областных центров. Привёз из родного аула своих, вышедших на пенсию, родителей. Своей семьёй долго не обзаводился. Но к одиноким офицерам в органах относятся недоверчиво. Чтобы не портить карьеру, женился на сослуживице. Жена умерла при первых родах, оставив после себя светлоголового сынишку Ваню. Родители уговаривали вернуться в родные края. Нелёгкие пошли времена, перестроечные. Вспыхнули национальные розни. Каждый чиновник стал рвать под себя всё, что только можно. Слово «прихватизация» стало настолько модным, что даже дети им пользовались к месту и не к месту. Всё рушилось на глазах, и Ермат решил, что на родине и земля помогает. Ахмет, друг детства, ставший милицейским начальником высокого ранга, помог устроиться участковым инспектором.

Расчёт на то, что к этому времени в родных краях жизнь будет спокойней, не оправдался. Подспудно, как едва заметное землетрясение, откуда-то из глубины стали возникать совершенно забытые в советские времена межродовые трения. Появилось много крикунов, требующих неограниченных прав, но не признающих никаких гражданских обязанностей. Многие жители, родившиеся и выросшие в этих краях, за бесценок отдавая свой скарб, словно во время чумы, покидали обжитые сёла. Безработица только добавляла хлопот. От безделья и безденежья молодёжь всё чаще занималась воровством. В общем, участковому инспектору работы хватало.

Ахмет, обосновавшийся в столице, своего друга детства не забывал. Часто приезжал в родное село, раскинувшееся по обе стороны шоссе, связывающего главный промышленный город республики со ставшим в одночасье сопредельным государством. В последний приезд, будучи уже изрядно подпитым, сообщил ошеломляющую новость:

– Ты, надеюсь, не забыл свою подружку Саирочку. Ну, ту, учительскую дочку. Овдовела наша красавица полгода назад. Я попробовал к ней подкатиться, но куда там. Высоко взлетела птичка. Правда, крылышки ей подрезали. Мужа и единственного сына в решето превратили прямо у неё на глазах. Завидный

бабец, скажу я тебе, но с изъяном – один глаз ей выбило осколками стекла, когда мужа с сыном кончали. Съезди в столицу, утешь юношескую любовь...

Взглянув на потемневшее лицо Ермата, торопливо добавил:

– Шучу... шучу... Ты чего взъярился. Не со зла я...

Прошло пять лет. Ермата перевели в районный уголовный розыск. За подростком сыном присматривали родители, а он полностью отдавался службе. Перестроечные времена изменили не только государственные структуры, но и криминальные. Немалые деньги ставились на кон, чтобы завладеть определённой сферой влияния. Одна банда безжалостно громила другую за право контролировать рынки, трассы, районы и даже области. Наркотрафики, словно весенние ручейки, постоянно искали пространство наименьшего сопротивления. Не успевали правоохранительные органы перекрыть один канал прокачки наркотиков из мест их изготовления в крупные города, как в других местах их возникало сразу несколько. Конкурирующие формирования и подпольные организации, занимающиеся сверхприбыльным бизнесом, в средствах для достижения своих целей не стеснялись. В ход шло всё: подкуп должностных лиц, убийства.

Прошло ещё несколько лет. Ермат уже второй год работал в отделе по борьбе с наркотиками. Постоянно был в командировках. Сжигал маковые и конопляные посевы в долинах, сидел в засадах на горных тропах и на автомобильных трассах. Насмотрелся всякого. Обгоревшие, расчленённые, сгнившие трупы уже не вызывали тошноты. В последнее время видел трупы, изуродованные особенно изощренно. Перед тем, как умертвить свои жертвы, бандиты вырывали им глаза. Вначале Ермат не обратил особого внимания на то, что жертвами садистов в основном становились его бывшие односельчане. Когда же в столице убили друга детства, и было установлено, что ему, ещё живому, вырвали глаза, оперативник задумался. Просмотрел идентичные дела и ужаснулся – все без исключения жертвы были из ближайшего окружения, не в меру разбогатевшего в последнее время Ахмета. Война между своими?! Конечно! Но что не поделили земляки? Кто правит этим страшным балом сатаны?

Один слух чудовищнее другого. Страхи нагонялись настолько организованно, и не только в столице, но и в провинции, что даже милиционеры побаивались банды головорезов. Рассказывали, что неуловимой бандой управляет женщина по кличке «Камча». На базарах о могуществе этой группировки не говорили только ишаки. Молва передавала, что все перемещения наркотиков на огромной территории под контролем Камчи. Жалости она не знает – все, кто видел её в деле, погибает. Доверяет только своим ближайшим помощникам. Ни на какие контакты лично не выходит.

Ермату удалось через осведомителя выйти на след одного из телохранителей неуловимой бандитки. Задержать его без потерь не удалось. Слишком осторожным оказался. Застрелив двух милиционеров, он вместе с оконной рамой вывалился во двор, где его остановила пуля Ермата. Застрелиться он не смог, не рассчитал заряды. Пуля, подломившая ногу, оказалась для него не смертельной. При опознании выяснилось, что он меньший брат убитого мужа Саиры. Признался в убийствах. Заявил, что мстил за убитого брата.

Всё сходилось с показаниями задержанного: места многих убийств, способы.

Ермат попробовал откровенно поговорить со своим земляком. На вопрос, почему идут разговоры о том, что их бандой управляет женщина, тот лишь ухмыльнулся в ответ:

– О какой банде разговор. Я с друзьями за брата убитого мстил. Вы же все дебилы. Настоящего убийцу пальцем бы не тронули. Да ты земляк пораскинь мозгами – какая баба может управлять целой империей? Вы наверху, у себя поищите баронов, на самом деле управляющих страной.

Помолчал, угрюмо поглядывая на человека, сумевшего взять его живым, а затем добавил:

– Ты же всего лишь сямка брехливая, сам на поводке у друга своего сидел. А ведь это он, правда, не своими руками, брата моего угробил и всё под себя подмял. Мы не пастухи и даже не подпаски, а так – бараны с рогами, добывающие свой кусок хлеба. Мне труба. Всё равно не жить. Не вы здесь на месте добьёте, так конкуренты достанут в любой камере, поэтому врать мне резону нет. А, вообще, пошёл ты...

Получив приказ отвезти задержанного преступника в центр, Ермат собрался в дорогу. Начальник отдела спросил, сколько человек берёт с собой и поторопился, сославшись на приказ сверху:

– Через два часа выедем на двух автомобилях. Их ещё заправить надо. К обеду будем в центре. Я со своим водителем на уазике поеду впереди, а задержанного бандита на носилки уложим в рафик «Скорой помощи», и он пойдёт за нами впритык. В него двоих бойцов с «калашами» подсажу. Больше людей взять негде.

Тронулись на восходе солнца. Движения мало. Только изредка встречные попадались, но и те, увидев милицейский маячок, боязливо жались к обочине. Перед въездом на высокий горбатый мост, почти перекрыв проезд, стоял жигулёнок с поднятым капотом. Ермат насторожился:

– Место удобное для засады. Нет, в обшарпанном жигулёнке никого нет, значит остерегаться нечего.

Женщина, беспомощно стоящая возле автомобиля, показалась знакомой.

– Не может быть...

Ермат выпрыгнул из остановившегося уазика. Забыв обо всём на свете, направился к Саире, но неясный шум заставил оглянуться назад. Вооружённая группа в камуфляже и масках, уже вскрыв дверки, плотно окружила оба автомобиля. Один стоял с наведённым на Ермата автоматом в руках. Разворачиваясь к Саире, потянулся к кобуре.

– Не трогай!..

Кончик камчи слегка тронул волосы мужчины, и его обдало холодом.

– Неужели это она!?

– Не ожидал меня увидеть? Ермат, ты взял то, что принадлежит мне. Отдай, и я отпущу вас живыми. Твой друг Ахмет убил моего мужа. Ты везёшь на расправу единственного дорогого мне человека. Верни мне его. Он мне заменил сына...

– Да, у неё взгляд... неживой взгляд змеи... ей выбило глаз осколками стекла... искусственный зрачок...

– Камча?!

Невольное движение всем телом в сторону любимой женщины.

Кончик камчи, утяжелённый свинцовой жилой, словно ножом вспорол лоб Ермата. Кровь залила глаз.

Саира, сделав осторожный шаг назад, криво улыбнулась в ответ на невольный возглас.

– Не шути, ты меня знаешь. Отдай парня. Дай слово мужчины, что всё забудешь, и все останутся живы. Я не верю никому, но тебе поверю на слово. Давай обойдёмся без кровопролития. У тебя нет выхода. Твой начальник мне не только время вашего выезда назвал, но и точное количества сопровождающих тебя людей и наличие оружия выдал. Не вынуждай меня идти на крайность. Нам нужно поговорить...

Ермат шагнул к Саире. Не знал он, что женщина, стоящая перед ним, всё ещё любит его не меньше чем он её. Не знал, что Саира, затаившая обиду на любимого за его нерешительность в юности, специально запланировала эту встречу для того, чтобы высказаться, излить всю горечь обиды.

Не знал Ермат и того, что Саира несколько раз планировала похищение его сына, но понимая, что таким действием не приблизит любимого человека, а отдалит от себя, задуманную операцию останавливала.

Не знал исполнительный служитель закона, что неуловимая предводительница в самой категорической форме приказала своим охранникам в него не стрелять. Что бы ни случилось – Ермат должен остаться живым и невредимым.

Саира шагнула за автомобиль, предлагая этим самым Ермату последовать за ней.

– Пора!

Прыжок вперёд. Уход головой под взметнувшееся жало камчи. Рывок вверх и рефлексный удар в подбородок. Хруст разламывающихся шейных позвонков.

– Нееееет...

Мужской голос, перекрывая пение птиц, взорвал, словно резкий, но протяжный удар грома, утреннюю тишину.

Ермат обеими руками, подхватил тело падающей женщины.

А сверху безучастно смотрело восходящее солнце: «Люди, вы хуже зверей...»

Сауле

Сауле сидела у окна в тесноватом кресле воздушного лайнера с книгой на коленях, а мысли, обгоняя стремительный самолёт, были уже там, в будущем. Восемь лет прошло, как она вылетела из родного гнезда в большой мир. Сколько хорошего, но часто и трудного, пришлось пережить за эти годы. Последние из них были особенно загруженными. В концерне, куда она после получения двух дипломов, устроилась на работу, обстановка была совершенно другая, чем в обоих „алма-матер“. Здесь господствовала жёсткая конкуренция. Невидимая, прикрытая не только сладенькими улыбочками, но и длинными витиеватыми речами конкуренция, словно пресс, давила постоянно и передышки не давала. Сауле выросла не в инкубаторных условиях. Знала законы выживания не понаслышке. Умела постоять за себя. Пробивалась через нелёгкую жизнь, но не толкала других плечами или коленом. Брала эрудицией, настойчивостью и одержимостью. К поставленной цели шла прямо, не взирая на лишения, неудобства и другие помехи, которые подстерегают девушек, не имеющих больших покровителей. Правление международного концерна остро нуждалось в независимых специалистах, и Сауле была в относительно привилегированном положении, но это не давало повода расслабляться. Впереди идущему всегда дышат в затылок и наступают на пятки, и, зная об этом, девушка расслабления себе не позволяла ни в чём.

Приютившийся на окраине аила глинобитный домик вдовы Кимеш задували зимой вьюги по самую крышу и в такое время работы хватало не только хозяйке, но и четырём дочерям. Летом тоже хлопот хватало всем. Средняя дочь Сауле, приезжая домой в родной аил, засучивала рукава модной футболки с надписями, непонятными для жителей села, и приступала к привычной с детства работе. Мать только улыбалась, глядя на дочь, работающую вилами и лопатой так, будто и не уезжала она на длинные месяцы из дому. Старенький домик вдовы не был защищён от снега, дождя и ветра надёжной и модной «шубой» из цементного раствора. Каждый год приходилось замешивать немало глиняных замесов для того, чтобы стены снова приобретали приличный вид. Одному удивлялись не только мать, но и сёстры Сауле и даже соседи: девушка-студентка привозила с собой из города целую вязанку добротных рукавиц-голиц. Непривычно это было как-то. Испокон веков все женщины аила управлялись в доме, сарае и во дворе голыми руками. А тут, смотри-ка, красивая девушка в спортивных шароварах, футболке, похожей раскраской на хвост фазана и, как бы в насмешку самой себе, натягивает на руки огромные, с виду похожие на небольшую штыковую лопату, рукавицы. Сауле лишь отшучивалась, мол, посмотрите: я же одной рукавицей зачерпываю больше глины, чем вы двумя руками.

Повезло Сауле, закончившей третий курс в столичном ВУЗе. На международном конкурсе завоевала «полный грант» для обучения в одном из заграничных университетов. Выбрала Западную Европу. Грант – это хорошо, но выжить на одну, пусть и международную стипендию, невозможно. Семья помогала, чем могла, но этого было мало. Ночами, когда однокурсницы спали, подрабатывала. Бралась за любую работу. В промежутках между семестрами умудрялась сдавать зачёты в столичном университете на своей родине, где последние два курса училась заочно.

В то время, когда состоятельные сокурсницы развлекались на дискотеках и в барах, настырная девушка из горного аила, не разгибая спины стояла по восемь ночных часов подряд возле конвейерных линий. Нет худа без добра. Как посторонний, независимый человек оглядывала она критическим взглядом каждое производство, где ей приходилось работать на малопродуктивных и мало оплачиваемых рабочих местах. Видела смышлёная девушка много мелочей и неполадок, которые затормаживали производство. Написала дипломную работу на тему улучшения условий труда рабочих на поточных линиях и повышении коэффициента полезного действия конвейеров. О её работе восторженно отозвалось в своих рекламных брошюрах несколько солидных издательств. Молодого дипломанта стали приглашать на конференции и консилиумы как специалиста по модернизации, что, естественно, сразу же положительно сказалось на её бюджете.

Владельцы заинтересованных фирм широко раскрывали глаза, когда Сауле представлялась, как автор научной работы. Не ожидали хваткие хозяйственники увидеть в миловидной девушке, с явно выраженными восточными чертами лица, настоящего эксперта по современной технологии. Вопросы к лектору были не всегда корректны и дружелюбны. Как-то один из владельцев огромного предприятия по переработке сырья задал ей вопрос, где берёт юная и прелестная иностранка такую точную информацию о якобы отсталой технологии западно-европейских производственных мощностей.

Сауле на вопрос ответила вопросом:

«Как часто бывает хозяин у своих служащих и рабочих в гостях и обходит ли он когда-нибудь свои промышленные владения ночью, когда человек особенно подвержен усталости?»

На её вопрос промышленник положительного ответа дать не смог. Она же сказала, что более четырёх лет, ночами, проработала в фирме, которая арендует рабочих предприятиям, нуждающимся во временной рабочей силе. За эти четыре года пришлось постоять у станков, машин и конвейеров практически во всех фирмах обширного региона, и собранного материала у неё столько, что его с избытком хватит не только на дипломную работу, но и на несколько томов научных работ. Именно этот ответ вопросом на вопрос подхватили средства массовой информации. Появилась дипломантка на многих экранах и страницах газет и стала своего рода звездой. Ей сразу же поступило несколько заманчивых предложений. Приняла приглашение автомобильного концерна с филиалами во многих государствах. Так стала Сауле советником по модернизации, где до этого преимущество всегда имели мужчины. На одном из фуршетов познакомилась с парнем-земляком и «заболела». Такого недуга она ещё не испытывала. Испугалась. Замкнулась, боясь неосторожным словом и действием выдать себя.

Девушка, свободно владеющая четырьмя языками, не находила слов, чтобы объяснить самой себе, что с ней происходит. А дело было во вспыхнувшем, как верховой пал, чувстве. Старо это чувство, как мир. Описать, предметно изобразить его пытались мастера словесного искусства уже не однажды, но невозможно чувства взять под лупу и изучить любовь, как экспонат. Неосвязаема она, но от этого не теряет своей власти над сердцем и душой человека.

Парень-земляк первым сделал шаг к сближению, но в такой форме, что Сауле попыталась прервать всякие контакты. Настойчивость, как говорят, города берёт, а парень оказался не только настойчивым, но и тактичным. После первой, довольно неудачной попытки пофлиртовать, он словно сбросил с себя

покрывало современного донжуана. Не позволил себе больше ни одной назойливости, зато каждый день показывался где-нибудь невдалеке. Посылал цветы. Спровадил своих телохранителей. Подходил один. Много говорил о семье, родном крае. Исподволь, не напрямую, но довольно ясными намёками давал понять, что не представляет себе дальнейшую жизнь без неё. Напрямую заявил, что не уедет домой, пока девушка не простит его бестактность.

Искендер Куллоев был наследником огромного многоотраслевого хозяйства, приобретённого расторопным отцом во время распада СССР. Образование получил в Америке. Владел тремя языками. По настоянию отца после окончания учёбы на время уехал в Западную Европу. Знакомился с нужными людьми. Набирался опыта. Отец денег не жалел. Знал политик, ставший промышленником, что на неофициальных встречах гораздо быстрее налаживаются выгодные контакты, чем на скучных заседаниях. Вновь приобретённые друзья с восторгом отзывались о землячке Искендера, ставшей в одночасье известной. Решил познакомиться с ней поближе. Выяснилось, что их матери происходят из одного рода. Вдали от родного дома это сближает. Сауле Ааилова произвела приятное впечатление, но избалованный вниманием парень серьёзных чувств ещё не познал, поэтому повёл себя вначале западному свободно. Быстро сообразил, что выбрал неправильный подход к объекту своего внимания. Не зря посещал он лекции лучших профессоров. Обучился не только этике и эстетике, но и тактике. Перестроился. Выбирая новый более длинный дипломатический путь к сердцу девушки, был уверен в успехе.

«Подружка, но не более», – был девиз новоиспечённого бизнесмена. Эти номера проходили у него всегда. Если возникали проблемы – выручали отцовские деньги и дружки, готовые на всё. Бравые охранники, отшивая слишком настырных поклонниц, шутили по такому поводу на свой лад, мол, доступ к телу прекращён – и баста.

Сауле же была, словно выходец из иного мира. Рядом с ней даже телохранители становились менее нахальными. Искендер, расставивший девушке искусно сплетённые сети сердцеда, сам же в них и попался. Стал нервным. Разогнал своих охранников по другим отелям. Пробовал заглушить чувство, разгорающееся в груди, алкоголем. Не помогло. По утрам, не выспавшись, был особенно агрессивен. Нагрубил отцу, когда тот в телефонном разговоре попытался узнать, какими полезными знакомствами сын смог обзавестись в деловой командировке. Надавал пощёчин своему советнику, доложившему отцу о душевной болезни, ударившей, словно молния, в сердце сына. Ночами, на такси, скрытно от своей свиты, ездил к дому, где снимала комнату любимая девушка. Подолгу стоял под окнами, мысленно разговаривая с ней. Именно здесь, под промозглым дождём, Искендер понял, что любит настоящему, а не играет влюблённого, как уже много раз до этого. Чувствуя, что может пойти на безрассудство, решился на откровенный разговор со своей любимой. Без предварительного телефонного звонка постучался в двери дома. Хозяин, удивлённый незванным гостем, вежливо попросил его подождать в холле. Сауле вышла в спортивных штанишках, футболке и шлёпанцах и остолбенела: «Выбы...? Что случилось?»

– Саулеша! Любимая! Я не могу больше! Если ты меня сейчас прогонишь... Я умру.

– Искен, я не игрушка...

– Нееет... Да, я играл, но только вначале. Я действительно люблю тебя. Ты скажи, как я могу тебе это доказать.

– Глупый. Нам не надо ничего друг другу доказывать...

Сауле поверила в правдивость слов любимого и дала своему чувству свободу. Понеслась навстречу своему счастью, как неудержимый горный ручей, который разбиваясь в воздушную пыль и пену о скалы, мчится с высот к плодородным равнинам, чтобы родить новую жизнь.

Свадьбу решили сыграть на родине. Договорились, что Искендер за три месяца приготовит всё к празднеству. Правление концерна пошло молодому специалисту навстречу, но с условием, что она вернётся в Европу и закончит начатые проекты в течение полугода. Затем её переведут советником в один из вновь открывшихся в её родной стране филиалов.

Знакомая музыка из динамиков вернула Сауле в салон самолёта. Приятный голос командира экипажа объявил, что воздушное судно находится над столицей недавно вступившего в Объединённую Европу государства и желающие могут полюбоваться городом в иллюминаторы правого борта. Крыло самолёта плавно ушло вниз, и взгляду пассажиров открылась чудесная панорама. Соседка по креслу извинилась и, упёршись обеими руками в спинки кресел, всем корпусом подалась к окну. Её круглый тугий живот упёрся Сауле в колени, и она почувствовала, что в соседке бьётся ещё одна жизнь. На вопросительный взгляд молодая женщина утвердительно кивнула головой:

– Да. Сын. Везу из Америки маленького Искендерчика в подарок отцу. Не знает ещё наш папуля о сюрпризе.

Соседка оказалась говорливой, и вопросы ей задавать не было нужды. Сауле всё шире открывала глаза, слушая рассказ миловидной женщины, одетой в широкие одежды, скрывающие фигуру. Инстинктивно охватила колени руками, словно защищаясь от врага. С силой вжалась в спинку кресла, сдерживая стон:

– Искендер! Искендер Куллоев! Ты предал нас всех...

Сила Лизла (фантастика)

Лизл чувствовал излучаемое людьми зло с момента рождения. Учился сопротивляться злу. Учился долго. Учился, совершая множество ошибок, а остановиться уже не мог. Сила противостояния злу крепла и, со временем, границы своих возможностей он уже не пытался достигать, боясь необратимых последствий не только для «излечиваемых» и «неизлечимых», но и для себя. Он чувствовал, был уверен в этом – кто-то могущественный и невидимый помогает ему в борьбе со злом, дарит ему неизмеримую энергию именно для этой миссии.

Время шло. Мастерство по искоренению зла у Лизла оттачивалось, совершенствовалось, постепенно превращаясь в обычную работу, приносящую не только удовлетворение, но и видимые плоды. Уже немало его «злых пациентов», даже не догадываясь об истинной причине, стали нормальными людьми.

Снова Зов! Мощный сигнал! Очередная поездка в неизвестность. Ночной вокзал. Посадка на поезд. Свой контрольный проход Лизл начал с головы поезда, и только в предпоследнем вагоне почувствовал опасность.

– Да! Здесь! Их, в отличие от прежних случаев, много, очень много...

Лизл медленно шёл по проходу плацкартного вагона. Он знал, что охота в этот раз заканчивается именно здесь, в этом месте и был готов противостоять злу.

– Как банально. Ничего нового, только у этой группы масса общей негативной энергии больше, чем обычно. И заводит большой оригинал – работает со своими жертвами только в поездах. На жалость сделали расчёт?! Носилками с мнимым больным загородили основной проход, выжимая меня в боковую клетку. Где только добыли такие. Специальные, портативные. Пациента в такой «упаковке» можно транспортировать, лёжа на спине или боку и даже стоя...

Нет! Это снаряжение ребята приготовили для жертвы, то есть меня. Хитро. Одного занесли, одного вынесли – и никаких подозрений, подмены никто не видел.

Глаза в глаза встретился с прилично одетым мужчиной. – *Главарь!* Молча, изучая друг друга, замерли на некоторое время. Предводитель группировки протянул руку к Лизлу, жестом требуя отдать небольшую сумку, свисающую с его плеча. Затем громко и зло, разогревая себя и своих подельников, прокричал Лизлу в самое лицо:

– Ну! Гони, не раздумывая, свою механику. Невредимым тебе в этот раз не уйти. Ты давно у меня на примете. Не одного придурка уже увёл у меня. Ишь, воспитатель хренов. Кирдык тебе пришёл. Доигрался со своими экспериментами. Кореша мне про тебя таких страстей наговорили, а ты, лох олений, в мою ловушку попался, как последний фраер... ха... ха... ха...

Лизлу не нужно было сосредотачиваться. Он был готов. Боялся одного – лишь бы не переусердствовать и не утопить бандитов в ими же источаемом зле. Тихим голосом проговорил:

– *Зря вы так, всё зря... ЗАМРИТЕ ВСЕ! СМОТРИТЕ! СООБРАЖАЙТЕ!*

Парень, лежащий до этого недвижимо на носилках, одним броском бросился ничком на пол прохода, прикрывая, словно ожидая удара, обоими руками голову.

– *Это третий из твоих костоломов, почувствовавших мою силу. Первые два, которые должны были ждать тебя в следующем, последнем вагоне, по моему велению уже сошли с поезда и не вернуться к тебе никогда. Если ты сейчас не подашь остальным своим помощникам команду выстроиться в тамбурах и на следующей станции, которая будет через несколько минут, выйти из вагонов, то все они уснут. Уснут мгновенно. Проснутся нескоро, и только после того, как я им разрешу. Не поступит от меня сигнала – могут не проснуться вообще.*

Закрой рот! Расслабься! Поговорим...

Разговор не состоялся. Из породы «неизлечимых» оказался на этот раз главарь банды.

Солдат

Солдат-отпускник уходил от тюремно-лагерных ворот, которые находились в семи тысячах километров от его постоянного места службы. Шапка, шинель и чёрные* полоски погон были припорошены снегом. Колонна заключённых, в которой был и отец солдата, не задерживая шаг, дружно повернув головы, смотрела ему вслед.

Конвоир колонны, тоже солдат срочной службы, но только с кроваво-красными* погонами на плечах, передёрнув затвор и направив ствол автомата в спину уходящего, повторно скомандовал: «Стой! Стрелять буду!» Стук металла и человеческий голос слились в один лающий звук.

– Стреляй в спину! Гад! Краснопогонник!

Солдат шагал, как бывало у себя на плацу, строевым шагом. Оттянутый носок. Нога прямая, как палка. Грудь вперёд. Солдат ждал выстрела в спину. Солдат даже желал этого.

– Почему? Как такое может быть?

Парень рос, как и все на селе в Сибири, здоровым, спокойным и добродушным. Верил в справедливость и равноправие. В армию уходил через двадцать лет после окончания второй мировой войны. Собирался на службу без всяких дурных мыслей. Даже обрадовался тому, что служить придётся на Дальнем Востоке. Романтичный по натуре, он мечтал воочию увидеть уссурийскую тайгу и Тихий океан.

Первые месяцы службы были самыми тяжёлыми. Командир отделения попался из породы «кровососов». Пустыми придирками доводил до бешенства. Приходилось терпеть. После карантина* стало легче. Дальние рейсы и командировки следовали один за другим. Каждодневная изнурительная муштровка отошла в прошлое.

Обстановка по всему Приморью была напряжённая, и автомобильный транспорт - нарасхват. Война с огромным по территории и населению сопредельным государством официально нигде объявлена не была, но, тем не менее, постоянно требовала немалых материальных ресурсов.

Укрепрайоны!* росли по государственной границе, словно грибы, а весь строительный материал, живая сила и вооружение доставлялись в самые труднодоступные места автомобильным транспортом. Не все водители выдерживали нагрузки. Засыпали уставшие парни за рулём прямо на ходу, и короткий сон нередко заканчивался трагедией.

Погибали солдаты не только на дорогах. Конфликты на границе и в приграничной зоне в то время не были редкостью. Нарушители границ шли не всегда в одиночку. Прорывались иногда и целыми организованными отрядами и, естественно, шли эти люди не на прогулку. В каждой такой стычке гибли не только нарушители, но и защитники рубежей. Именно в это кризисное время небольшой остров на одной из самых больших дальневосточных рек смыли с лица земли водяными пушками, и этим самым было уничтожено ещё одно

«яблоко раздора». Пунктир «горячих точек» тянулся от Средней Азии до самого Тихого океана и везде, на всех опорных пунктах, гибли молодые парни, уверенные в том, что они здесь на дальних рубежах, прикрывают собой свой родной дом и своих родных.

Эрвин радовался тому, что не надо больше маршировать, как марионетке, по плацу. Шоферить для него - дело привычное: крути баранку! И за спину смотреть не надо, потому что строгие надсмотрщики остались на территории воинской части. С усталостью справлялся по-своему – сочинял фантастические истории. Офицеры и прапорщики, сопровождающие груз, были, как правило, неплохие люди. Часто угощали домашней снедью, приготовленной жёнами. Рассказывали о своей жизни, проблемах и радостях. В разговорах и мечтах дальние многочасовые поездки проходили быстрее. Бежали дни, месяцы.

Через год за хорошую службу Эрвина наградили отпуском. Расстояние в семь тысяч километров одолел за двое суток самолётом, поездом, автобусом.

А дома солдата ждала не радость встречи с родными, а страшная новость. Не хотела мать огорчать его и поэтому не сообщила об аресте отца.

Новость не просто ошеломила солдата, она словно парализовала все чувства. Мать долго уговаривала сына поесть с дороги. Ел любимое домашнее блюдо, словно траву. Весь вечер, мать, словно на исповеди, рассказывала сыну о аресте отца, суде-фарсе и о том, что ей тоже присудили три года условно с вычетом из зарплаты двадцати пяти процентов в пользу государства.

«Государственным преступлением» оказалось то, что она в свободное время, по вечерам, обучала соседских детишек шитью и вязанию, напевая при этом немецкие народные песни или читая из книг занятные истории и сказки. Мать рассказала и о том, что отец, который не принимал никакого участия в так называемых «нелегальных занятиях», взял всю вину на себя. Во время следствия вызывали мать несколько раз на очную ставку, но отец настоял на своём и убедил следователя в том, что именно он, глава семьи, организовал так называемые запрещённые курсы.

Первая ночь в родном доме прошла в кошмарах. Снились китайцы-хунвейбины с бамбуковыми палками в руках, избивающие отца до смерти. От собственного крика просыпался. Вставал, пил воду. Ложиться в постель не хотелось, но боясь тревожить мать, которой рано утром нужно было на работу, выключив свет, замирал на кровати, уставившись взглядом в темноту. Мысли роились, метались:

– Где выход?

– В чём виноват отец перед государством?

– Разве это преступление учить детей вечерами мастерить поделки?

– Читать детям стихи, сказки или псалмы – это преступление?

– Я, его единственный сын, ни разу не слышал от него призывов против правительства. Откуда же вдруг взялись эти вздорные обвинения? Завтра же поеду в город где находится лагерь заключения и поговорю с начальством!

Эрвин не знал, что государственная машина многоуровневая, а он, его отец и мать являются лишь нижними подпорками всей пирамиды диктаторского режима. Подпорками, которые вышибают, если считают их отработанными или просто ненужными; подпорками, которые могут служить в другом месте более продуктивно. Лагерями для заключённых, в одном из которых находился теперь и отец солдата, затыкали «умные» руководители государства многие прорехи в государственном хозяйстве и экономике.

Не допустили воина-дальневосточника к высокому начальству для разговора и, естественно, разрешения на внеочередное свидание он тоже не получил. Командир охраны лагеря даже припугнул его: «Будешь ещё долго шляться здесь, сделаю отметку в отпускном билете о недостойном поведении и второй отпуск не видать тебе, как собственных ушей».

Солдату хотелось хотя бы издали взглянуть на отца. Родственники осуждённых, приехавшие на очередные свидания, объяснили ему, что вечером всех заключённых выводят из промышленной зоны в жилую зону и именно в этом месте можно издали посмотреть на колонну.

Целый день провёл на ногах вблизи промышленной зоны лагеря, гадая о том, узнает ли отца в общей массе.

Ворота открылись. Показалась голова колонны, пять человек в каждом ряду и все на одно лицо. Впереди и по бокам, недалеко от заключённых, с очень знакомыми «АКМ»* в руках, шли солдаты.

– Не первый год служит, поймёт меня, – определил Эрвин, глянув на ближайшего к нему охранника, и, боком, путаясь в длинных полах шинели, шагнул к колонне.

– Сынок! Уходи!

Голос отца заставил вздрогнуть, задержать шаг.

– Стоять!

– Стой!

Два голоса раздались одновременно: злобный – конвоира, предостерегающий – отца.

Эрвин недоумённо глянул на солдата охраны: «Свой ведь, может даже годок*, неужели не понимает меня? Мы ведь одну форму носим, не беда, что погоны разного цвета».

Конвоир, до которого оставались не более двадцати шагов, поднял автомат до уровня груди и положил большой палец правой руки на флажок предохранителя.

Этот жест был Эрвину знаком, не единожды проделывал его сам, но не верилось, что солдат-конвоир будет стрелять в своего, в него, в солдата. Сделал ещё несколько шагов в сторону колонны.

Палец конвоира нервно дёрнул флажок предохранителя, поставив этим самым оружие на боевой взвод. Смерть глянула, как уже много раз на «горячих точках», на воина-дальневосточника чёрным, дульным зрачком.

Ноги, подчиняясь уже не разуму, а чему-то подсознательному, проделали знакомый чёткий разворот на сто семьдесят градусов, а глаза заполнились до краёв слезами:

– «Как жить дальше?»

Вслед солдату неслась злая брань охранников и громкое клацанье затворов, но выстрелы не прозвучали. Очевидно солдатская форма всё же оказалась своего рода щитом, по которому конвой не посмел открыть огонь на поражение.

По лицу Эрвина была жёсткая крупа мокрого снега.

Ноги несли, уносили враз повзрослевшего парня-солдата, и не парня уже, а мужчину, прочь от лагеря заключённых, где суждено было пробыть ещё почти три года его отцу, отцу солдата, отцу защитника отечества.

**Чёрные погоны – технические войска.*

**Тёмно-красные погоны – внутренние или милицейские войска.*

**Карантин – трёхмесячный курс молодого бойца, после которого новобранцев распределяли по местам постоянной военной службы.*

**Укрепрайоны – многоэтажные сооружения из железобетона, снабжённые над поверхностью земли амбразурами и бойницами, и всеми видами огнестрельного оружия вплоть до артиллерии большого калибра. Подсобные помещения располагались далеко под землёй.*

**Годок, годки – солдаты одного призыва.*

**АКМ – автомат Калашникова, модернизированный.*

Диалог (сценка)

Хозяин кабинета, развалившись за столом в кресле, обращается к стоящему перед ним посетителю:

– Ну, что у вас?

Посетитель:

– Вот! Любовную историю написал, правда, коротковатая получилась. Думаю, что нужно ещё несколько эпизодов вставить, чтобы читателю яснее было. Помогите, будьте добры, советом.

Хозяин кабинета, протягивая руку через стол:

– Давайте. Посмотрим, какой шедевр вы на бумагу вынесли. Ого! Три страницы. Многовато. Ммм... Нет... Да... Неплохо... Вещь стоящая, но уж больно растянутая. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

Посетитель:

– Конечно! Но хотелось бы поконкретнее. Примерчик бы. Что именно Вы считаете лишним.

Хозяин кабинета:

– Возьмём, к примеру, это: «Ладно скроенная девушка бежала, широко раскинув руки...». Кому интересно читать о том, как скроена героиня рассказа? Читатель же всё равно не сможет её увидеть. Да... и... вообще... разве можно скроить человека, как штаны? И насчёт раскинутых рук зачем? Девушка ведь не птица, которая раскрывает крылья во время взлёта.

Посетитель:

– Согласен. Не подумал. Учту.

Хозяин кабинета:

– Или вот: «Парень сильными мускулистыми руками подхватил свою любимую, и, словно туго натянутый лук, поднял над собой навстречу первым лучам солнца». К чему столько лишних слов? Разве можно слабыми руками поднять девушку в воздух? Дураку же понятно – если поднимает, значит силён, и, естественно, руки сильные у него. Подумайте насчёт слова – «мускулистые». Вы же не соревнования штангистов описываете, а встречу любимых. А туго натянутый лук? Парень что на охоту собрался? А насчёт первых лучей солнца? Вы спросите любого школьника или пенсионера, они вам без лишних слов объяснят, в какое время влюблённые разбегаются по домам. Сам собою напрашивается банальный вопрос – зачем обязательно упоминать восходящее солнце?

Посетитель:

– Виноват! Не додумал. Поторопился. Исправлю.

Хозяин кабинета:

– А вот здесь можно убрать...

– В этом месте совершенно неуместно упоминать...

– Это предложение вообще не подходит...

Ведущий:

– И т.д. Через десять минут (расход времени – примерно три минуты на страницу)

Хозяин кабинета:

– Подумайте. Поработайте. Вещь серьёзная, да и тема актуальная. Любовь в настоящее время самый ходовой материал.

Посетитель:

– Понимаю. Спасибо за добрый совет и ориентировку. Постараюсь учесть все Ваши замечания.

Ведущий:

Десятое посещение кабинета настырным посетителем.

Хозяин кабинета, удивлённо глядя на небольшой обрывок бумаги:

– Это всё? Что за фитюльку вы мне дали? Ничего не понимаю...

Посетитель:

– Я все Ваши замечания от первого до последнего учёл. Вы прочитайте. Всё же ясно, как дважды два. Это даже не просто рассказ, а почти что повесть, а если пораскинуть мозгами пошире, то можно и на целый роман...

Хозяин кабинета, не дав посетителю закончить фразу и сердито повысив голос:

– Вы издеваетесь надо мной? Несколько слов – и роман?

Посетитель:

– Ну что Вы. Разве я смею учить Вас или издеваться над Вами. Вы уж, пожалуйста, уважьте, дочитайте текст внимательно, вдумчиво, до конца. Ведь всё есть и даже развёрнутый эпилог с наследниками протагонистов намечен.

Хозяин кабинета читает вслух:

– «Девушка! Парень! Любовь! (в эпилоге можно упомянуть детей)...»

После затянувшейся паузы:

– А... дети...

Посетитель, невежливо перебивая:

– А какая любовь без детей?

– **Хозяин кабинета:**

Воооооон...

Подружки

Оркестр заиграл медленный вальс. Высокий потолок спортивного зала отозвался негромким эхом. Стайка выпускниц, оживлённо щебечущая возле сложенных пирамидой спортивных матов, тайком поглядывала на одноклассников, стоящих плотной толпой в противоположном углу. Парни, несмело переговариваясь, направились к девушкам. Началась неофициальная часть выпускного вечера.

Валентина была счастлива. Десятилетний школьный период жизни закончился триумфом – золотой медалью. Позади – зубрёжка. Впереди весь мир и широкая свободная дорога. Вопрос выбора ВУЗа был совместно с родителями уже давно и однозначно решён в пользу «Международника», как в их классе все называли институт Международных Отношений.

– Валечка, можно на танец?

– Ага, даже наш кумир за мной поуухаживать решился, – подумала медалистка и подала руку учителю физкультуры, галантно склонившемуся перед своей бывшей ученицей.

Лиза на выпускной бал не пришла...

Валентина Анитнекрав и Елизавета Тревэ родились в один год, месяц и день, но в разных местах. Ещё крошками их привезли на вновь осваиваемые земли Казахстана, одну из Подмосковья, другую с Крайнего Севера. Жили по соседству. Играли в одни и те же игры. Делились секретами. Обменивались куклами и любимыми игрушками. В школу также ходили на пару, в общем, были подружками. Правда, туфельки и платяица были у Валюши всегда первой свежести, а у Лизы поношенные и латанные, но кто в начальных классах обращает внимание на такие мелочи. В средних и старших классах это различие стало незаметнее.

Иван Анитнекрав был направлен на целину, как специалист. Партийных работников не хватало по всему целинному фронту и поэтому молодого коммуниста быстро переквалифицировали в партийного функционера и назначили бессменным руководителем совхозной партийной организации. Соответственно этому статусу он имел твёрдый оклад и доступ к дефициту. Жена, назначенная директором поселковой школы, тоже имела приличную зарплату, поэтому единственной дочери доставалась не только любовь родителей.

Валю воспитывали строго. Недостатка не знала ни в чём, но к роскоши не приучали. Любившая побегать по улице и поиграть не только в куклы с подружкой Лизой, но и в разбойников и партизан, она неохотно занималась заданными на дом работами. От строгих родителей не спрячешься. Так, под постоянным домашним нажимом, постепенно переламявая себя, приучилась к тому, что на первом месте всегда стоят школьные дела. Ей первой в классе прикололи значок октябрёнка, первой повязали галстук пионера и первой вручили комсомольский билет, не потому что она училась лучше всех, просто в алфавите буква «А», которой начиналась её фамилия, стоит на первом месте.

По оценкам на первом месте Валя бывала нечасто. Подружка Лиза захватила на этом пьедестале монополию, но зато по общественным нагрузкам Валентина была постоянным лидером. В танцевальном кружке ни один вечер не обходился без активной девушки. Она была гордостью школы и в спорте – на школьных, районных и областных соревнованиях по пулевой стрельбе из мелкокалиберной винтовки завоёвывала все призы. С девятого класса отношения подружек стали охладевать. Они не ссорились, но как-то, исподволь, незаметно отдалялись. Появились разные интересы, разные друзья. Окончательный разрыв произошёл после того, как стали известны оценки в выпускных аттестатах.

Яков Тревэ, переселившийся с женой и кучей детей из мест «ВЕЧНОЗЕЛЁННЫХПОМИДОР» на целину, привилегий не имел никаких и перебивался на одну зарплату. Жена с трудом справлялась с большим огородом, хозяйством и семьёй в двенадцать душ.

Нарядная система оплаты – это не оклад. В этой системе учитывается всё: как выпался нормировщик; как позавтракал бухгалтер по зарплате; как проводили жены вышеназванных чиновников на работу; как поздоровался с начальником очередной рабочий, пришедший оформить наряд на проделанную работу и т. д. и т. п. Даже от количества «горючего», выпитого руководителем вечером, зависела зачастую классификация проведённой работы, а, значит, и заработная плата рабочего.

Яков не пил. На работе «для укрепления уважения» не задерживался, поэтому зарплата была, как правило, стабильной, но не густой. За неимением обученных теологов Якова выбрали во вновь организовавшейся общине верующих старшим, и это тоже негласно учитывалось при оформлении нарядов, естественно в минусовую сторону, по простой причине – он не имел морального права приписывать себе работу, которую не выполнил.

Детям в большой семье всегда приходится донашивать вещи старших. Лиза не была исключением. Со временем, при помощи старшей сестры, научилась перекраивать, перелицовывать и перешивать любую одежду, вплоть до верхней, что само по себе уже было мастерством. Поэтому её платья выглядели не хуже, чем у одноклассниц, а что материал вывернут наизнанку и кружева на воротничке самодельные, мог определить только настоящий специалист. С первого класса по всем предметам была вне конкурса. По количеству отличных оценок ей не было равных. Учёба давалась Лизе легко, и даже на занятиях по физической культуре, она, несмотря на то, что никогда не надевала спортивное трико поверх юбки, умудрялась прийти к финишу первой. В старших классах всё чаще стали возникать проблемы с классной руководительницей, ответственной за поведение своих подопечных и ведущей обществоведение. В итоге – в аттестате появилось несколько плохих оценок, что автоматически привело к тому, что выпускница потеряла возможность получить золотую медаль.

Мечту девушки: стать детским врачом, – убили в корне. «Неполноценный» аттестат и характеристика, где открытым текстом стояло, что Елизавета Тревэ верующая и посещает религиозные собрания, а, значит, не признаёт идеалы коммунизма, накрепко захлопнули дверь не только в медицинский институт, но и в медицинское училище.

Выпускной бал был в полном разгаре. У Валентины не было отбоя от ухажёров. Даже молодые учителя наперебой просили уделить им минутку внимания. Фаворитка вечера была в ударе, в танце не отказывала никому, и

только об одном она не вспомнила ни разу – о своей подруге Лизе, так и не пришедшей на прощальный вечер одноклассников.

Дороги соседок-подружек разошлись надолго. Встретились через тридцать лет. Съехались бывшие одноклассники из разных стран на юбилейную встречу, организованную Елизаветой Тревэ-Раднуд. Обе не удержались от слёз. Валя, крепко обнимая Лизу, прошептала своей бывшей подруге-сопернице на ухо: – Пожалуйста, если можешь, сними камень с моей души. Прости!

Колокольный звон

Колокол уже проделал путь длиной более двух тысяч километров, но до города Сибирска, где строилась новая церковь, не доехал. Не выдержала подвеска грузовика ухабы сибирских дорог. Пришлось водителю искать мастерскую, благо прямо рядом с автотрассой широкой длинной лентой разлеглось большое село. Ремонтную автомастерскую нашли быстро. Владелец мастерской, мужчина уже в годах, встретил улыбкой: «Что, рессоры подвели?» Во время ремонтных работ разговорились. Хозяин мастерской попросил показать укутанный в плотный брезент колокол. С восхищением ощупывая крутые литые бока, задумчиво проговорил: «Эх! Нам в село бы такое чудо... Да! Это было бы здорово! Но где там... Таких деньжищ всем районом не собрать».

После проведённого ремонта, хозяин пригласил водителя и представителя завода, сопровождающего драгоценный груз, к себе домой на обед. К обильной трапезе подтянулись и ещё два совладельца автомастерской. Без беленькой, конечно, не обошлось. Затянувшаяся трапеза закончилась самыми дружескими проводами. Колокол продолжил свой путь к месту назначения, а трое приятелей, сидя на лавочке, долго смотрели автомобилю, с необычным для этих мест грузом, вслед.

Судьба свела их много лет назад. Совхозу-гиганту требовалось немало рабочей силы, и слетались сюда, иногда и не по своей воле, люди со всего СССР. Украинец Федот приехал из Киева. Предки немца Мартина были сосланы из Европы в Азию неизвестно за что, но навечно. Предки русского Ивана уже давно обосновались в этих краях, ещё тогда, когда купцы доставляли в Сибирь свои товары на телегах. Очевидно, и в те времена, кузнецы были в этой глуши необходимы для ремонта колёс и других средств передвижения.

Федот был по характеру неусидчив, говорлив и являлся душой любой компании. Он и специальность выбрал себе подходящую – работал совхозным экспедитором, то есть доставалой дефицитов. Мартин заведовал сельским радиоузлом и коммутатором телефонной связи. Иван, потомственный кузнец, был мастером на все руки, но в основном выполнял сварочные и кузнечные работы в совхозной машинотракторной мастерской (МТМ). Между собой звали друг друга упрощённо: Федя. Миша. Ваня.

Развал СССР явился для всех троих неожиданностью. Помыкались ребята, после большой прихватизации, как тогда говорили о приватизации, без работы, а затем создали свой кооператив по ремонту техники, благо автотрасса Москва-Владивосток находилась рядом с селом. Федот вёл бухучёт, а также, используя старые связи, добычу и доставку запасных частей и нужного материала. Мартин взял на себя работу по ремонту электрооборудования и электроники. Иван в основном производил сварочные и кузнечные работы. Особо трудоёмкие операции выполняли сообща. Отсутствие государственных станций автомобильного обслуживания по трассе и плохое дорожное покрытие способствовало тому, что работы у них всегда было достаточно. Со временем оснастились необходимым оборудованием и техникой. Приобрели несколько тягачей для буксировки неисправных автомобилей с трассы. Загрунтовали съезды с шоссе и подъездные пути к мастерским. В общем, жизнь снова наладилась. Им не надо было больше носиться по району в поисках сезонной

работы. Доходов стало хватать и на то, чтобы обеспечить обучение подрастающего поколения.

Затянувшееся молчание прервал Федот: «Неужели так и уйдём в мир иной, не оставив громкого следа? Колокол нам не отлить – кишка тонка, но надо же что-то сделать такое, чтобы о нас и через годы не забыли».

После некоторого времени на тираду Федота отозвался Мартин: «А что? Идея, что надо! Давайте помозгуем, чем можно заменить колокол. Я вот недавно был в Кижях. Ну, где всё из дерева построено. Вот это чудо. Там на отдельно построенной из дерева колокольне такой звонарь-ас работал! Я прямо остолбенел, когда он начал свои виртуозы выдавать. И место для колокольни строители выбрали подходящее, в стороне от общих построений, на небольшом возвышении, прямо у озера. Колокольный звон, отражаясь как от экрана от поверхности воды, разносится далеко по округе. Даже иностранцы толпами останавливались послушать его звуковые шедевры, а наши бабушки вообще все подряд поклоны до земли били. Мне одна из старушек сказала, что звонарь даже в буржуйской Европе целую кучу призов и премий получил и известен в их краях не меньше Путина. Я у помощницы мастера-звонаря диски со всеми звукозаписями купил. Слушаю иногда. Впечатляет! Вот вам и симфония. Целый колокольный звон у нас имеется, а не только одинокий голос колокола. Церкви, или молитвенного дома у нас нет, а вышку для громкоговорителей мы соорудить-то можем? Федя, ты же, чтобы прихватчики не увезли на металлолом, весь совхозный радиоузел к себе домой переволок. Там у тебя внешние динамики, усилители, преобразователи и всё остальное есть. Нам и покупать ничего не надо, только поработать».

Федот даже привстал со своего места: «Точно! Мы такие колокольные концерты устроим, что на автотрассе все будут на уши вставать и гадать, откуда до них такое чудо доносится...».

Задумано – сделано. Двадцатиметровую вышку, общим видом напоминающую Эйфелеву башню, построили за неделю. Строили не просто так, а с дальней задумкой. Над площадкой, где разместили репродукторы, оборудовали смотровую галерею, на которой, без лишних затрат, можно было в будущем установить целый ряд колоколов.

Раструбы громкоговорителей направили в сторону шоссе. Вскоре, каждое утро, ровно в семь часов, в полдень и в десять часов вечера над ремонтной мастерской возле автотрассы стал слышен колокольный звон. И не тревожный он был, а радостный. Не было ещё построено в селе ни церкви, ни колокольни, но колокольные звоны стали едва слышно доноситься и до жилых домов.

Вскоре появилась возле мастерской целая делегация сельских бабушек. Потребовали по советской привычке начальника. На месте оказался один Иван. Вышел в таком виде как работал: большой кожаный передник прикрывал грудь и живот, на голове маска сварщика, на руках большие кожаные рукавицы. Бабули перекрестились при виде такого чудища, но не отступили. Самая бойкая из них взяла Ивана в оборот: «Ты пошто милай свою же деревню обижаешь? Ты шоферню на шошше развлекаешь колокольным звоном, а нам вообще ничего не слышно... Хотя бы разок в день и нам доставил душевну радость...».

Иван, сбросив свои доспехи и, приняв вид нормального человека, вежливо попросил старушек пройти в гостевое помещение. Представился не начальником, а совладельцем ремонтного предприятия. Угостил чаем и бубликами. Поговорили по душам. Договорились, что по воскресеньям, в

десять утра колокола будут звонить и в сторону частного сектора. Но в любое время, по просьбе жителей села, будут исполняться и сольные заказы.

Пришлось мужчинам ставить дополнительное оборудование, но такие хлопоты были им не тягость, а в радость. С новым заданием справились за несколько дней. Теперь всё многонациональное население большого села могло по воскресеньям слышать приглушенный расстоянием колокольный звон.

Со временем понесли водители-дальнобойщики слухи о колокольном чуде на запад и восток. Автомастерская, где круглосуточно оказывалась техническая помощь всему, что двигалось на колёсах, стала известна по трассе на тысячи километров и получила в народе странное название «Там, где звонят колокола».

Переполох

Душераздирающий крик, будоража всех и вся, пронёсся по-новому, только что заселённому дому, словно рёв паровозной сирены. После рвущего нервы и ушные перепонки звука на несколько мгновений установилась тишина. Затем необычное для многоквартирного дома гробовое затишье взорвалось сумасшедшей какофонией звуков. Тревожно залаяли собаки. Заплакали напуганные дети. Во всех окнах стал загораться свет. Громко захлопали квартирные двери.

- Горим?
- Убили?
- Затопило?

На всех этажах раздавались вопросы, на которые никто не мог дать вразумительного ответа. Нашёлся среди жильцов и бдительный гражданин. В соседнем районном полицейском участке на тревожный зов строгого хаусмастера, среагировали по рекордному быстро.

Теперь, нарушая городскую ночную тишину, возле подъезда взревела уже настоящая сирена. Двое полицейских, поправляя на ходу кобуры пистолетов, бросились, как на амбразуру дота, к слабо освещённому подъезду высотного дома.

Дверь подъезда услужливо поддалась. Всё тот же бдительный господин, который позвонил в полицию, разблокировал перед служивыми людьми входную дверь. Лифт ещё не сдан в эксплуатацию. Понеслись плечистые ребята вприпрыжку вверх по лестнице. Им жители дома торопливо указывали, мол, где-то там, на верхних этажах, что-то случилось. Несмотря на переполох, царящий по всему большому дому, одна квартирная дверь была ещё закрыта. Именно из-за этой закрытой двери неслись будоражащие всех звуки. Опытные полицейские, поняв, что именно здесь находится очаг тревоги, встали с двух сторон косяка. Дружно ударили кулаками по двери и взревели в один голос тренированными басами:

- Aufmachen!!!
- Polizei!!!

Эрвин ждал приезд бабушки, как самый большой праздник, а она всё не ехала и не ехала. Телефонным переговорам не видно было конца. Извелись все.

Наконец, после многих мучительных месяцев ожидания, стал известен день приезда любимой бабули. Встречать в аэропорт поехали на двух машинах всей большой роднёй.

Эрвину в этот день повезло. Бабушка, зная пристрастие мальчугана к ножам, привезла своему внуку настоящий складной ножик со множеством лезвий.

Когда вернулись из далёкого города, где находился международный аэропорт, наступил поздний вечер. Встречу отметили серьёзно. Выпито и съедено было немало. Ближние родственники остались, конечно, ночевать. Спать укладывались там, где кому досталось место. Хозяин квартиры сказал, чтобы его персональную кровать никто не занимал, мол, это место зарезервировано

для любимой тётчи, впервые приехавшей из далёкой Сибири в Германию. Уважаемой гостье была оказана честь первой поспать на новом матрасе.

Внук уместился под боком бабушки, не забыв, естественно, прихватить в постель свой подарок. Поохала пятидесятилетняя бабуля, когда первый раз в жизни села на край водяного матраса. Таких чудес она в своей родной деревне отродясь не видела. Приходилось ей спать на соломе, досках, панцирных сетках, но на воде ещё ни разу.

Говорят, что на новом месте, после хорошего дня и сны снятся добрые. Может быть это действительно так, только у бабушки и сон, и пробуждение были не из приятных. Полнейшим кошмаром стала для женщины, всю жизнь прожившей в глухом сибирском краю, первая ночь за границей. Не знала она, что подарок, привезённый любимому внуку, станет причиной ночного происшествия, о котором ещё долго по всему городу будут ходить разговоры.

Перевернулся малыш во сне с боку на бок, и одно из лезвий складничка упёрлось в резиновый бок матраца. Ещё одно беспокойное движение мальчика и тоненькая струйка воды потекла в углубление, где удобно устроилась бабуля. Бабушке снился сон, что она плывёт, но противоположный берег почему-то отодвигается от неё всё дальше и дальше. Силы стали иссякать. Потянуло ко дну. Воздуха стало не хватать, и забила она, словно в агонии, руками и ногами. Во все стороны полетели брызги. В этот момент у бабули прорезался голос, которого побаивались в её родной деревне все без исключения.

Как на грех, задела она рукой ночник, предусмотрительно включенный дочерью в изголовье.

С треском лопнула лампочка и в квартире наступила полная темнота. Сработала электрическая защита.

Жаль, что последующие картины никто не увидел воочию.

Крики бабули и внука подняли на ноги всех. Света нет. Роллады закрыты. Курт, хозяин квартиры, некурящий, гости тоже. На кухне не газовая плита, а электрическая, а значит, и спичек нет. Фонарика тоже нет. Один наскокивает на другого. Распределительный шкаф, в котором расположены предохранители, конечно, в самом недоступном месте, в кладовочке за прихожей. Курт, ещё не совсем трезвый, стал торопливо пробираться, расталкивая в темноте всех, в прихожую, чтобы включить автоматический предохранитель. В темноте всё идёт не так, как хочется. Лбом, со всего ходу, упёрся в угол шкафа. Ногой угодил в тазик с остатками клеястера. В этот сумасшедший момент раздались громкие удары во входную дверь и грозные требования немедленно открыть. Курт, нащупав в темноте ручку двери и рванув её на себя, неуклюже вывалился на лестничную площадку.

Эту картину нужно было видеть. Не надо бы было режиссёрам и авторам комедийных фильмов фантазировать. Снимай на камеру всё происходящее и дублей не надо.

Полицейские осторожно отодвинулись в сторону от быстро открывающейся двери квартиры, в которой всё ещё было темно. На пороге, как пугало-привидение, возник взъерошенный мужчина. На одной ноге вместо комнатной тапочки у него находилась какая-то серая киселеобразная шапка. Узенькие трусики висели боком, обнажая часть мужского достоинства. На лбу человека-чучела краснела малиново-красная полоса. Волосы стояли дыбом, а взглядом он мог в этот момент и бешеную собаку загипнотизировать. Следом за ним на лестничную площадку стали из квартиры показываться не менее странные карикатурные персонажи.

Полицейские так и не смогли разобраться в словесном потоке, заполнившем лестницы и площадки (жильцы нового дома то почти все из бывшего СССР). С этим языком нужно вырасти, чтобы понять его тонкости. Невозможно перевести с одного языка на другой весь перец и соль смачных словесных оборотов.

Одна из женщин, глянув на Курта, хихикнула в кулачок. Теперь и другие жильцы дома обратили внимание на его не совсем приличный внешний вид. На возбуждённых, рассерженных лицах стали расцветать улыбки.

На площадке громко гоготали все собравшиеся, разбуженные ночным переполохом, жильцы дома, и только служивые люди не могли понять, чему так радуются полураздетые мужчины и женщины.

Один из полицейских, глядя на веселящихся вокруг него людей, прыснул негромко, а затем, не выдержав, тоже громко рассмеялся. Немного погодя, поняв, что в этом доме ничего страшного не произошло, его поддержал и второй.

Ни хозяин дома, ни гости так и не узнали о том, что причиной переполоха был маленький складной ножичек.

Эрвин, даже не догадавшись о том, что его подарок наделал столько шума, убрал складешок в карман и этим самым уничтожил все улики.

Водяной матрас, не выдержавший экзамен на прочность, обменяли по рекламации на другой.

История с наводнением в новом доме стала передаваться дальше, обрстая небылицами.

Содержание

ВЯЗЬ 2

Нумерация	Название / Посвящение	Страницы
	Вместо предисловия / Роза Штайнмарк	1
	Повести/Рассказы	2
1.	Семья	3-29
2.	Бердт-Бегендык-Борис	30-34
3.	Сеть	35-48
4.	Три дороги	49-58
5.	Жизнь	59-66
6.	Родня	67-78
7.	О Немых Кочевниках	79-84
8.	Львы	85-88
9.	Чины-чиновники	89-93
10.	Отпуск	94-102
11.	Записная книжка	103-112
12.	Судилище	113-115
13.	Бабье лето	116-124
14.	Раздел	125-127
15.	Вожди-гении	128-130
16.	Новые «ВОЖДИ-ГЕНИИ»	131-132
17.	Олигархи	133-135
18.	САЛО&ПАРТНЁРЫ	136-137
19.	Камча	138-144
20.	Сауле	145-148
21.	Сила Лизла	149-150
22.	Солдат	151-154
23.	Диалог	155-156
24.	Подружки	157-159
25.	Колокольный звон	160-162
26.	Переполох	163-165
	Содержание	166

